

РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Россиянын биринчи Президенти Б.Н.Ельцин атындагы
КЫРГЫЗСТАН-РОССИЯ СЛАВЯН УНИВЕРСИТЕТИ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Русистика Киргизии

Александр Сергеевич
ПУШКИН

УЧРЕДИТЕЛИ:

**МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

МАПРЯЛ
**МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА**

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА**

ФОНД РУССКИЙ МИР

Попечительский совет:

В. И. Толстой, президент МАПРЯЛ;
В. В. Кочин, исполнительный директор фонда «Русский мир»;
Н. С. Трухановская, ректор Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Международный редакционный совет:

Н. М. Алиева (Азербайджан), Н. В. Брунова (Россия),
Х. Вальтер (Германия), Р. Гусман Тирадо (Испания),
Д. Дэвидсон (США), И. Клапка (Чехия), Т. В. Кортава (Россия),
А. Красовски (Румыния), С. А. Кузнецов (Россия),
Л. А. Кудрявцева (Украина), Т. П. Млечко (Молдавия),
А. Мустайоки (Финляндия), А. Пенчева (Болгария),
И. С. Ровдо (Белоруссия), Э. Д. Сулейменова (Казахстан),
В. И. Толстой (Россия), Чжэн Тиу (Китай), Т. Шмидт (Швейцария)

Номер подготовлен совместно с Центром языковой политики и международного образования Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (руководитель **Камышева С. Ю.**)

Главный редактор И. А. Орехова

Научные редакторы: М. С. Милованова, М. Дж. Тагаев

Выпускающий редактор Е. А. Васюкова

Редакторы: А. Н. Арефьева, А. А. Орлова, Н. М. Разумова

Младший редактор Е. А. Орежев

Дизайн и верстка А. В. Дунько

Адрес редакции: 117485, Россия, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 6. Тел./факс: +7(495) 330-86-65, доб. 1708
E-mail: rla@pushkin.institute
Адрес сайта: <http://journal.pushkin.institute/>
http://www.pushkin.institute/science/ruskiy_yazyk_za_rubezhom/

Подписка на журнал «Русский язык за рубежом»

«Урал-Пресс» 18382; 48868 (годовая подписка)
НПО «Информ-система», тел. +7(499)789-45-55, info@informsystema.ru
ООО «ПРЕССИНФОРМ», тел. +7(812)335-97-51; ООО «Криэйтив
Сервис Бэнд», periodicals@csb-agency.ru, www.csb-agency.ru
ООО «ИВИС», +7(495)777-65-57, доб. 186, sales@ivis.ru

В номере использованы иллюстрации из архива авторов публикаций.
На фото 1-й стр. обложки — памятник А. С. Пушкину в г. Бишкеке.
Установлен в 1999 году перед зданием Киргизско-Российского
Славянского университета имени первого президента России
Б. Н. Ельцина. Скульптор В. Шестопал, архитектор Р. Муксинов.

Специальный выпуск журнала «Русский язык за рубежом»
(свидетельство ПИ № ФС 77-25333 от 03.08.2006).

Использование фотоматериалов и цитат из произведений
в оформлении публикаций в объеме, оправданном учебной
и просветительской целями, соответствует положениям
статей 1274 (п. 1) и 1275 (п. 6) Гражданского кодекса РФ.

ISSN 0131-615X

Формат 84x108 /16. Объем 4,75 п. л. Тираж 500 экз.

Уважаемые коллеги!

Ирина Орехова,
главный редактор журнала
«Русский язык за рубежом»

Об истории киргизской русистики можно говорить долго и исключительно в позитивной риторике. Среди киргизских специалистов и литературоведы, и лингвисты, и методисты... Несколько статей этого номера посвящено корифеям киргизской русистики. Но что характерно для киргизских коллег — практически все их исследования проводятся в форме сравнительного анализа родного языка и русского, киргизской литературы и русской, киргизской культуры и русской. Все это делает возможным широкомасштабную реализацию диалога культур. И это крайне важно и востребовано в настоящее время.

Данной проблеме также посвящено несколько статей номера. Особого внимания заслуживает анализ школьных учебников по русскому языку и литературе, а также специфика киргизского билингвизма и компетентностный подход к обучению языку. Все вышесказанное дает нам основание утверждать, что киргизская русистика находится на подъеме в русле современных мировых тенденций.

Успехов, коллеги!

С уважением,

СОДЕРЖАНИЕ

Содружество

М. Дж. Тагаев, А. С. Молдомамбетова
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
 им. А. О. ОРУСБАЕВА 4

З. К. Дербишева
УЧЕННЫЕ-РУСИСТЫ КЫРГЫЗСТАНА 9

О. Л. Сумарокова
ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ ПОДВИГУ РУССКОГО
УЧИТЕЛЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ 14

Лингвистика

С. Н. Абдуллаев, Г. С. Абдуллаева
ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
 В РУССКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ. 20

А. А. Амандыкова
ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ПИЩЕВОГО КОДА КУЛЬТУРЫ 24

Е. Н. Мурадымова
СПЕЦИФИКА ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО
И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ
КОНЦЕПТА МАМЕНЬКИН СЫНОК 30

В. К. Сабирова
ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИЦИСТИКИ 35

М. И. Лазариди
ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ
 [корифеи науки об изучении русского языка] 39

Методика

Н. А. Шальгина
РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРОВОЕДЧЕСКОГО
ПОДХОДА Л. А. ШЕЙМАНА В МЕТОДИКЕ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ 45

З. Ч. Алтыбаева
ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕТСКОГО БИЛИНГВИЗМА
В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ БИШКЕКА 50

А. Э. Гатина
ОБОЗНАЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ
ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТЕ
 (при изучении предикатов местоположения
 и адвербиальной лексики на уроке РКИ) 54

А. Э. Эрнисова
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ
 (на материале анализа учебников по русскому
 языку и литературе с 1-го по 11-й класс) 58

Диалог культур

Л. И. Сумароков
ГАЙДАРОВСКИЙ СЛЕД
НА КИРГИЗСКОЙ ЗЕМЛЕ 62

А. Г. Нарозя
СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ДРАМАТУРГИИ МАРА БАЙДЖИЕВА 64

С. Г. Суслова
ПРЕРВАННАЯ БЕСЕДА
О МОЕМ ДРУГЕ 72

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А. О. ОРУСБАЕВА

М. Дж. Тагаев
доктор филологических наук,
профессор Кыргызско-
Российского Славянского
университета
им. Б. Н. Ельцина
Бишкек, Киргизия
mamed_tagaev@list.ru

А. С. Молдомамбетова
научный сотрудник
Института русского языка
им. А. О. Орусбаева
Бишкек, Киргизия
gaanb28@gmail.com

В статье дается анализ основных этапов деятельности Института русского языка им. А. О. Орусбаева, функционирующего в составе Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина. Приводятся краткие сведения о структуре Института и характеристика основных направлений его деятельности. Обосновывается целесообразность создания и необходимость поддержки подобных структур, подчеркивается их эффективность в сохранении и продвижении позиций русского языка в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова:
русский язык, языковая
ситуация, Институт русского
языка, КРСУ, билингвизм

Идея открытия Института русского языка при Кыргызско-Российском Славянском университете им. первого Президента Российской Федерации (КРСУ) Б. Н. Ельцина вызрела

давно. Основной миссией университета, согласно ряду документов, является «развитие русского языка и культуры, продвижение русскоязычного образования и интеграционных процессов в сфере образования и науки, создание языковой и культурной среды, способствующей взаимообогащению культур, языков, сохранению исторических и национальных традиций народов Кыргызстана и России»¹. Состояние и динамика языковой ситуации в Кыргызстане активизировали поиск новых подходов к комплексному решению вопросов, направленных на укрепление позиций русского языка в регионе. Важным шагом в достижении этой цели стало решение ученого совета КРСУ от 25 февраля 2020 г. о создании на базе Инновационного научно-образовательного центра русского языка и других структур гуманитарного факультета КРСУ Института русского языка (ИРЯ КРСУ). С начала 2022 г. ИРЯ КРСУ носит имя профессора А. О. Орусбаева.

В связи с тем, что в 2020 г. в Кыргызстане, как и во всем мире, наблюдалась сложная эпидемиологическая ситуация, многие организационные вопросы оставались нерешенными. И только с октября 2020 г. Институт русского языка им. А. О. Орусбаева смог развернуть свою полноценную деятельность.

Открытие Института русского языка было подготовлено всем ходом истории нашей страны. В 2021 г. отмечалась юбилейная дата — 30 лет независимого развития Кыргызстана. За это время языковая ситуация в стране претерпела значительные изменения, и не все в пользу русского языка. Несмотря на это, русский язык в Кыргызстане сохранил статус официального языка и наряду с кыргызским, государственным, успешно функционирует во всех сферах человеческой деятельности. Отрадно, что в соответствующей статье новой Конституции КР 2021 г. подтвержден высокий статус русского языка.

Благодаря тому, что на русском языке аккумулирован огромный запас знаний об окружающем нас мире, он и сейчас остается для киргизов привычным способом доступа к науке и качественному образованию, открывает «окно возможностей» для молодого поколения, чтобы стать конкурентоспособной личностью на современном рынке труда.

Институт русского языка им. А. О. Орусбаева создан для того, чтобы закрепить позиции русского языка в Кыргызстане. Это, безусловно, имеет огромное значение для национальной безопасности страны (социальной, информационной, интеллектуальной и др.). Вполне понятно, что для получения новых знаний и передовых технологий необходимо, кроме родного, владеть еще и языком мирового значения и международного общения,

¹ Миссия КРСУ. URL: https://www.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=846&Itemid=125&lang=ru

каким и является русский язык — привычный, понятный, с давними традициями его изучения.

В этой связи деятельность Института русского языка направлена на:

- сохранение и укрепление позиций русского языка, продвижение его как ведущего инструмента научно-образовательного и коммуникативного пространства Кыргызстана;
- культивирование русского языка как коммуникативного инструмента в укреплении гуманитарного и социально-экономического сотрудничества между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией;
- установление сбалансированных и гармоничных взаимоотношений между государственным и официальными языками КР, поддержку и развитие билингвизма;
- проведение культурных, памятных и научных мероприятий, направленных на сохранение межкультурного диалога, популяризацию и поддержку изучения русского языка и культуры;
- научно-методическое сопровождение процессов обучения русскому языку в школах и вузах КР;
- организацию повышения квалификации учителей русского языка и литературы КР;
- проведение научных исследований по проблемам функционирования русского языка в условиях его взаимодействия с кыргызским языком и культурой в социуме КР и на различных уровнях языковой системы.

Таким образом, основным полем деятельности ИРЯ им. А. О. Орусбаева является коммуникативное пространство Кыргызской Республики, а объектом культурно-языкового воздействия — граждане нашей страны независимо от национальной принадлежности: киргизы, русские, узбеки, уйгуры, дунгане, таджики и др. Как известно, чтобы внедрить некий объект в какую-либо среду, для его эффективного функционирования необходимо знать природу этой среды. В нашем случае речь идет о людях, подавляющее большинство из которых (95 %) нерусской национальности. Следовательно, для эффективной работы ИРЯ им. А. О. Орусбаева необходимы специалисты, которые обладают не только глубокими профессиональными знаниями о русском языке, но и знакомы с менталитетом и потребностями людей разных национальностей, ценят их культуру и язык, а также с уважением относятся к ним.

В соответствии с вышеизложенными целями и задачами Институт русского языка им. А. О. Орусбаева имеет следующую структуру:

- научно-инновационный отдел;
- центр русского языка;
- редакция журнала «Русское слово в Кыргызстане»;
- отдел перевода и переводоведения;
- курсы русского языка как иностранного.

Содержество

Научно-инновационный отдел (НИО ИРЯ) занимается научными и научно-методическими вопросами функционирования русского языка в Кыргызстане, изучает процессы, связанные со взаимодействием русского и кыргызского языков в коммуникативном пространстве страны и функционированием билингвизма, проводит курсы повышения квалификации учителей русского языка и преподавателей вузов, оказывает научно-методическую помощь учителям русского языка, проводит мастер-классы, круглые столы и международные конференции по русскому языку и его взаимодействию с другими языками, разрабатывает учебно-методические пособия по русскому языку и др.

За сравнительно короткий период времени Институт НИО ИРЯ провел ряд мероприятий научной и научно-методической направленности:

- презентацию документально-биографической монографии «К. К. Юдахин. Объединяя Центральную Азию словом», приуроченной к 130-летию выдающегося лингвиста;
- виртуальную фотовыставку, посвященную 130-летию К. К. Юдахина «В киргизский язык я вошел нарочно»;
- курсы повышения квалификации для преподавателей филологических дисциплин вузов Кыргызской Республики (72 часа), где лекторами выступили ведущие ученые и профессора Кыргызской Республики и Российской Федерации;
- международные научно-практические конференции «Русский язык в Кыргызстане: прошлое, настоящее, будущее» (15 декабря 2020 г.), «Актуальные проблемы билингвизма и диалога культур (в аспекте взаимодействия русского языка с языками Центральной Азии);
- круглый стол «Культурный код и когнитивные функции тюркской кириллицы», посвященный обсуждению вопросов целесообразности перехода тюркской графики на латиницу;
- круглый стол, посвященный юбилеям Института русского языка КРСУ и информационно-аналитического журнала «Русское слово в Кыргызстане»;
- онлайн-семинар «Учебники русского языка для школ с кыргызским языком обучения: история, лингвометодические основы, практика и результаты их применения» для учителей школ;
- курсы повышения квалификации учителей русского языка школ с кыргызским языком обучения «Современные образовательные технологии в преподавании русского языка (литературы) как неродного» для учителей школ;
- организация и проведение совместно с Российским государственным гуманитарным университетом Дней русского языка и культуры, 18–19 ноября 2021 г., и открытие фотовыставки «История российского образования в Кыргызстане (1867–1917 гг.)».

Кроме того, Институт активно сотрудничает с ведущими вузами РФ — Институтом русского языка им. А. С. Пушкина, Российским государственным гуманитарным университетом, Северо-Кавказским государственным университетом, Московским педагогическим государственным университетом, Кемеровским государственным университетом, Сибирским Федеральным университетом, Кабардино-Балкарским государственным университетом, Балтийским Федеральным университетом и др. Результатом тесного сотрудничества с вузами-партнерами стал ряд совместных мероприятий:

- организация и проведение совместно с Российским государственным гуманитарным университетом Дней русского языка и культуры, 18–19 ноября 2021 г. и открытие фотовыставки «История российского образования в Кыргызстане (1867–1917 гг.)»;
- организация и проведение совместно с Институтом русского языка им. А. С. Пушкина конгресса «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве», 7 декабря 2021 г.;
- открытие на базе Института русского языка КРСУ кафедры «Институт Пушкина», а также штаб-квартиры «Послы русского языка» в Кыргызстане;
- организация и проведение совместно с Институтом русского языка им. А. С. Пушкина Международного научного конгресса «Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация», 3 ноября 2022.

Также научно-инновационным отделом организуются научные экспедиции для проведения исследований непосредственно в регионах КР — в целях изучения положения и функционирования русского языка на местах. Так, в октябре 2021 г. была организована научная экспедиция в города Ош, Джалал-Абад, Талас, Баткен, а в июле 2022 г. была поездка в город Раззаков Баткенской области. В ходе экспедиций были проведены опросы среди местного населения, заполнено более 3000 анкет и получено свыше 60 тыс. ответов.

Деятельность Центра русского языка ИРЯ им. А. О. Орусбаева направлена на решение чрезвычайно широкого круга задач. Прежде всего это сохранение позиций русского языка и русской культуры в социуме Кыргызстана, продвижение и культивирование в массовом сознании ценностей русской культуры, вошедших в культурно-смысловое пространство кыргызского мира через русское слово и занявших в нем значительное место. За время деятельности Института Центр русского языка провел много мероприятий просветительского характера среди школьников, в частности:

- викторину для школьников «Знатоки русского языка» (28 января 2021 г.);
- конкурс презентаций среди школьников «Любимых книг знакомые страницы» (2–21 апреля 2021 г.);
- молодежную программу, посвященную Международному дню русского языка, с включением

комплекса онлайн-мероприятий: поэтической акции «Читаем Пушкина вместе», конкурса эссе «Мой Пушкин» и конкурса рисунков «В чудесной пушкинской стране» (27 апреля — 6 июня 2022 г.);

- конкурс для школьников «Моя любимая книга», посвященный Всемирному дню книги и авторского права (4–23 апреля 2022 г.) и др.

Кроме организации мероприятий для школьников Кыргызстана, Центр русского языка активно занимается методической поддержкой учителей-русистов КР посредством организации курсов повышения квалификации для педагогов страны. Так, Центром были организованы и проведены следующие курсы и мастер-классы для учителей:

- мастер-класс «Культурно-языковой шок и пути его преодоления» доктора педагогических наук, зав. кафедрой методики преподавания русского языка института филологии Московского педагогического государственного университета В. Д. Янченко (18 декабря 2020 г.);
- цикл трехдневных образовательных семинаров (совместно с Северо-Кавказским федеральным университетом, г. Ставрополь) «Преподавание русского языка и литературы в школе: инновационные подходы» (12 ч.); профессиональную квалификацию повысили 97 педагогов-русистов (23–25 марта 2021 г.);
- методические семинары для учителей русского языка как иностранного, организованные совместно с СКФУ (6–9 апреля 2021 г.);
- вебинар «Пушкин в изоляции: феномен Болдинской осени» Э. М. Афанасьевой, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Лаборатории филологических исследований Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, 3 июня 2021 г.) и др.

Важное место в деятельности Института занимает журнал «Русское слово в Кыргызстане», значение которого трудно переоценить. На особую миссию русского слова, роль русского языка в жизни страны и в сфере образования обращает внимание в выступлениях ректор КРСУ, академик В. И. Нифадьев, утверждая, что «русский язык как ранее, так и теперь остается для нашей страны и народа Кыргызстана неоспоримым средством подъема культуры, установления полезных связей со славянскими странами и с другими государствами». Эта высокая миссия закреплена в основополагающем документе КРСУ «Стратегия развития университета на 2019–2024 гг.», где подчеркивается роль КРСУ как проводника русского языка и русской культуры в Центральной Азии¹.

¹ Стратегия развития Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кыргызско-Российского Славянского университета» на 2019–2024 годы [Электронный ресурс]. URL: https://www.krsu.edu.kg/images/_main-site/obshaya_informacia/razvitiya_vuza/strategya_razvitya_KRSU_2019.pdf.

Журнал «Русское слово в Кыргызстане», которому в 2021 г. исполнилось 10 лет, способствует утверждению и расширению гуманитарной миссии русского языка в КР, являясь рупором Института русского языка и КРСУ, отражает его деятельность по популяризации великого и могучего русского языка. Ежегодно выпускается четыре номера журнала, которые освещают основные происшедшие в стране события, связанные с вопросами русского языка.

Отдел перевода и переводоведения занимается вопросами сопряжения художественных и мифологических миров, культурно-языковых пространств русского и кыргызского народов через лучшие образцы поэтических и эпических текстов на кыргызском языке, тем самым участвуя в формировании позитивных векторов государственной информационной политики Кыргызстана в новых геополитических условиях существования многоязычных и поликультурных сообществ, в углублении процессов интеграции Кыргызстана и России. Одним из выдающихся достижений отдела перевода можно считать перевод на русский язык кыргызского поэтического эпоса «Манас».

Также Институт активно ведет деятельность по обучению иностранных студентов русскому языку. В этой связи функционирует отдел «Курсы русского языка как иностранного», который предлагает курсы по русскому языку для иностранцев из Китая, Пакистана, Индии, Кореи и других стран с целью подготовки к поступлению в вузы Кыргызстана и России, изучения русского языка в профессиональных целях. Здесь трудятся преподаватели высокой квалификации с большим опытом работы в этой области. В задачи курсов РККИ входит также системное обобщение и усовершенствование методики преподавания русского языка как иностранного, оснащение учебно-методическими материалами и инновационными разработками. Курсы РККИ призваны стать одним из действенных инструментов формирования положительного имиджа русского языка и русской культуры в восприятии иностранных граждан.

Кроме обучения иностранцев русскому языку, отдел курсов РККИ систематически проводит культурно значимые мероприятия, помогающие обучающимся еще больше погрузиться в культурно-смысловые реалии русского языка. Среди таких мероприятий можно назвать:

- дистанционную олимпиаду «Окно в русский мир» для иностранных граждан, изучающих русский язык;
- устный журнал, посвященный 125-летию со дня рождения Сергея Есенина;
- фотоконкурс для иностранных граждан, изучающих русский язык, «Фотографируй Кыргызстан и учи русский»;
- устный журнал «Нооруз — праздник обновления»;

Содружество

- фотовыставку работ иностранных граждан, изучающих русский язык, «Кыргызстан — страна небесных гор и добрых сердец»;
- конкурс эссе «О родном языке по-русски»;
- онлайн-викторину по русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному «Русская шкатулка» и др.

Также преподаватели РКИ постоянно повышают свою квалификацию и обмениваются опытом с другими вузами КР:

- методические семинары для учителей русского языка как иностранного, организованные совместно с СКФУ;
- круглый стол «Русский язык как иностранный: опыт работы в новых условиях» (совместно с Кыргызско-Турецким университетом «Манас») и др.

Институт русского языка также активно создает и издает научную и научно-методическую литературу для учителей, преподавателей, исследователей, занимающихся преподаванием или изучением русского языка. Среди таких трудов можно назвать следующие:

- Тагаев М. Дж. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Бишкек: КРСУ, 2021. 238 с. (Утверждено Министерством образования и науки КР).
- Тагаев М. Дж., О. Г. Симонова. Русский язык нам нужен: Учебное пособие для учащихся старших классов и студентов вузов. Бишкек: КРСУ, 2022. 374 с.
- Сумароков Л. И., Сумарокова О. Л. К. К. Юдахин. Объединяя Центральную Азию словом: Документально-биографическая монография / науч. ред. В. И. Нифадьев. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. 208 с.
- Сумарокова О. Л. Каталог историко-документальной выставки «Кыргызский алфавит: долгий путь к кириллице». Бишкек: КРСУ, 2021. 94 с.
- Сумароков Л. И., Сумарокова О. Л. Е. Д. Поливанов. Неоконченная лингвистическая симфония:

Документально-биографическая монография / науч. ред. В. И. Нифадьев. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2021. 266 с.

- Культурный код и когнитивные функции тюркской кириллицы: сборник научных и публицистических статей / отв. ред. М. Дж. Тагаев. Бишкек, 2022. 226 с.
- Большая Евразия: диалог языков и культур: материалы онлайн-форума, посвященного Международному дню русского языка. Бишкек, 3 июня 2022 года / Отв. ред. В. И. Шаповалов; Институт русского языка им. А. О. Орусбаева КРСУ: Бишкек, 2022. 277 с.
- Актуальные проблемы билингвизма и языков культур (в аспекте взаимодействия с языками Центральной Азии): Материалы междунауч. конф., приуроченной к 85-летию со дня рождения засл. деятеля науки КР, д-ра филол. наук, проф. А. О. Орусбаева, г. Бишкек, 18 февраля 2022 г. / Отв. ред. О. Л. Сумарокова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2022. 282 с.

Таким образом, за сравнительно короткое время (два года) Институт русского языка им. А. О. Орусбаева заявил о себе как о трудоспособном и творческом подразделении КРСУ, постоянно работая над сохранением и популяризацией русского языка в Кыргызстане. На сегодняшний день в нашей республике нет аналогов данной организации, однако, как мы полагаем, его создание можно считать одним из ключевых в области русистики в СНГ, в частности в Кыргызстане.

Язык Пушкина для Кыргызстана — это ступень к познанию других языков. Лишиться русского — значит разрушить звенья в развитии нашей цивилизации, науки и т. д. Хорошо понимая государственную значимость сложившейся языковой ситуации в республике, коллектив Института русского языка А. О. Орусбаева оптимистически смотрит в будущее и осознает, что делает нужное и полезное дело для народов Кыргызстана и России. ■

M. Dj. Tagaev

*Doctor of Philology, Professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
Bishkek, Kyrgyzstan
mamed_tagaev@list.ru*

A. S. Moldomambetova

*researcher at the Institute of the Russian Language. Named after A. O. Orusbaeva
Bishkek, Kyrgyzstan
gaanb28@gmail.com*

INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE NAMED AFTER A. O. ORUSBAEVA

Keywords: Russian language, language situation, Russian Language Institute, KRSU, bilingualism.

This article provides an analysis of the main stages of the activities of the Institute of the Russian Language. A. O. Orusbaev, functioning as part of the Kyrgyz-Russian Slavic University, the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin. Brief information about the structure of the Institute is given, a description of the main directions of its activities is given. The expediency of creating and the need to support such structures is substantiated, their effectiveness in preserving and promoting the positions of the Russian language in the countries of the post-Soviet space is emphasized.

УЧЕНЫЕ-РУСИСТЫ КЫРГЫЗСТАНА

З. К. Дербисева
доктор филологических наук,
профессор
Кыргызско-Турецкого
университета «Манас»
Бишкек, Киргизия
zamira.derbisheva@manas.edu.kg

Ключевые слова:
киргизская русистика,
сопоставительное языкознание,
языковые проблемы

Цель данного исследования — дать представление о киргизской русистике путем персонального знакомства с деятелями — творцами языкознания как науки в Кыргызстане. Объектом изучения являются имена видных ученых, внесших заметный вклад в науку о языке. Предмет исследования связан с резюмированием основных положений, научных открытий киргизских русистов по проблематике их исследований.

Киргизская русистика на сегодняшний день представляет собой сложившуюся научную систему, составными частями которой являются:

1. Русское и сопоставительное языкознание.
2. Русское и сопоставительное литературоведение.
3. Методика преподавания русского языка в киргизской школе.
4. Методика преподавания русской литературы в киргизской школе.

Каждая часть за многие годы существования оформилась в самостоятельное направление, у истоков которых стояли замечательные ученые-литературоведы: Е. К. Озмитель, М. А. Рудов, Ч. Т. Джолдошева, В. И. Шаповалов, Р. С. Шамурзина, Г. Н. Хлыпенко, Б. Т. Койчув и др., а также выдающиеся методисты республики, такие как Л. А. Шейман, В. Г. Каменецкая и Н. Г. Каменецкая, Г. У. Сооронкулов, П. И. Харакоз, Х. Бугазов, Р. Ш. Табаева, Н. А. Ахметова, К. Добаев и др.

В статье речь пойдет только об одном направлении, а именно — о вкладе в русистику Кыргызстана ученых-лингвистов. Русские языковеды Киргизии, унаследовавшие лучшие традиции известных лингвистов 30–40 гг. — Е. Д. Поливанова, И. А. Батманова, К. К. Юдахина и др., внесли значительный вклад в развитие лингвистической науки в Киргизии.

А. Е. Супрун (1928–1999). Становление Адама Евгеньевича Супруна как лингвиста-ученого связано с Киргизией, куда он переехал из Полтавы еще в детстве. В школу он пошел в киргизском городе Кок-Янбак. Филологическое образование А. Е. Супрун получил в Киргизском государственном университете (1952), пройдя путь от студента, аспиранта до заведующего кафедрой. В Киргизии Адам Евгеньевич проработал около 15 лет. Здесь он читал студентам лекции по предметам

славистического и общелингвистического цикла. Именно А. Е. Супруном впервые была создана киргизская научная школа по проблемам теории русского языка, в рамках которой было подготовлено первое поколение талантливых русистов, к числу которых относятся В. М. Анисимов, В. С. Щербаков, Н. П. Бутенко, О. В. Озаровская, Л. Н. Титова [4: 113].

Г. С. Зенков (1924–2004). Одним из виднейших представителей русской лингвистики в Кыргызстане является доктор филологических наук, профессор Геннадий Степанович Зенков. Незаурядный ученый, блестящий лектор, он до сих пор считается лидером научной школы русистики. Характерные черты научного образа европейской лингвистической школы весьма полно соответствовали особенностям творческой личности Г. С. Зенкова, которая являла собой яркий образец ученого соссорианского типа: Г. С. Зенков был главным образом ученым-теоретиком, разработавшим целостную концепцию словообразовательной системы русского языка. В Лингвистическом энциклопедическом словаре (1990, 2002) имя Геннадия Степановича Зенкова наряду со многими учеными, стоящими у истоков формирования словообразования как науки, отмечено в разделе «Русистика» следующими словами: «Создаются оригинальные, обогащающие лингвистическую теорию труды в области словообразования (Г. О. Винокур, Е. А. Земская, Н. М. Шанский, В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, А. Н. Тихонов, Г. С. Зенков, Н. А. Янко-Триницкая, И. Г. Милославский)». Монография Геннадия Степановича Зенкова «Вопросы теории словообразования» (Фрунзе, 1969) включена в избранную библиографию капитальных научных трудов последних десятилетий — академическую «Русскую грамматику» (М., 1980), а также указана в теоретической преамбуле «Словообразовательного словаря русского языка» профессора А. Н. Тихонова (М., 1985) [1: 6–9].

В. А. Маслова. Кыргызская лингвистика может с гордостью назвать имя известного в мире современной науки ученого — профессора Валентины Авраамовны Масловой. В. А. Маслова, будучи родом из Беларуси, окончила филологический факультет Кыргызского государственного университета. Затем в течение десяти лет работала в Ошском государственном университете на юге Киргизии, где читала лекции по основным лингвистическим дисциплинам. В этом университете ею была подготовлена диссертация на тему «Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка (на материале лексических единиц)» (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ош, 1981. 215 с.). Все годы пребывания в Киргизии В. А. Маслова активно занималась исследовательской деятельностью. За это время ею опубликовано более 20 научных статей по проблемам

психолингвистики, прагматики художественного текста. Профессором В. А. Масловой разработаны новые направления в науке — лингвокультурология, когнитивная лингвистика, создана концепция лингвопоэтики. Она автор более 500 публикаций, 30 из которых — монографии, университетские учебники и пособия.

А. И. Васильев (1921–1996). Вся творческая жизнь Александра Ивановича Васильева связана с лингвистической наукой в Киргизии. Работал в Ошском государственном педагогическом институте, затем — в Кыргызском государственном университете, Педагогическом институте русского языка и литературы, где неустанно занимался научной деятельностью. Лингвистические интересы А. И. Васильева были прежде всего связаны с сопоставительным исследованием русской и киргизской фонологии. Во всех областях он демонстрировал собственное научное видение проблемы. Александр Иванович был первым автором трудов по формированию научной разработки киргизской фонологии. К числу его основных работ относятся такие, как «Сопоставительная фонетика русского и киргизского языков» (Фрунзе, 1968), «Лингвистические основы обучения русскому произношению в тюркоязычных школах» (Фрунзе, 1968), «Русское произношение» (Фрунзе, 1985) и др. [2: 159].

Ф. А. Краснов (1928–2015). Федора Андреевича Краснова, бесспорно, можно отнести к плеяде незаурядных ученых в нашей республике. Сфера его интересов изначально была связана с проблемами лексикологии и фразеологии. Его кандидатская диссертация была посвящена фразеологии Н. Лескова и выполнена под руководством известного русского ученого А. И. Ефимова. В дальнейшем Ф. А. Краснов, продолжая исследовать лексикограмматические свойства фразеологизмов, начинает углубляться в природу языкового знака. В поисках ответа на вопрос о единице эмиического плана на разных уровнях языковой системы Ф. А. Краснов принимается за решение сложной лингвистической проблемы по установлению принципов идентификации языковых единиц на лексическом уровне — с учетом их физического характера и функционального потенциала. В итоге автор предлагает свое видение и дает теоретическое обоснование по выделению вариантных и инвариантных единиц в лексической системе языка: «Лексема — это инвариантная единица, представляющая собой результат отождествления лексического материала с точки зрения физической, субстанциальной; ее узальным варьированием является полисемия; инлексема (выделено мной. — З. Д.) — результат отождествления этого же материала с точки зрения функциональной, ее узальное варьирование выражены в синонимии» [6: 33].

А. О. Орусбаев (1937–2009) был основоположником социолингвистической науки в Кыргызстане. Большая часть его исследований связана с проблемами языковой ситуации, русско-киргизского билингвизма, взаимодействия языков в полиэтническом Кыргызстане. Трактовка и описание ученым форм существования и сфер применения русского, кыргызского и других языков в республике послужили основой научного подхода к разработке законов о государственном и официальном языках. Широкое признание получила одна из последних монографий ученого — «Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане». В работе исследуется функциональная дистрибуция языков в Кыргызстане в социолингвистическом аспекте. В частности, профессор А. Орусбаев характеризует тип языковой ситуации в республике как экзогlossную двухкомпонентную несбалансированную; ученый также дает детальный анализ сфер использования языков. Впервые получают научное обоснование типы билингвизма, сложившиеся в республике после распада Советского Союза.

В. С. Щербаков (1927–1992). Сферы научных интересов Виталия Степановича Щербакова распространяются на проблемы лингвистической типологии, сопоставительной грамматики, межуровневых связей языковой системы, на историческую морфологию и фонетику русского и славянских языков. Предметом его размышлений являются сложные теоретические вопросы. В поисках ответа на истинную природу грамматического строя русского языка он рассматривает тему в сравнительном контексте с явлениями типологического устройства других языков, что дает возможность сделать оригинальные, неповторимые по своей глубине выводы. Так, им поднимается вопрос о тождестве и об отдельности слова, и Виталий Степанович приходит к выводу, что проблема слова для каждого языка должна ставиться по-своему. Говоря о значении слова, ученый акцентирует внимание на типологических особенностях соединения лексического и грамматического значений. Сравнивая частеречную систематизацию русского и киргизского языков, В. С. Щербаков отмечает, что в русском языке слово имеет двухуровневую характеристику: и частеречную, и синтаксическую, тогда как в киргизском языке эта характеристика одноуровневая, то есть преимущественно лексико-семантическая. Развивая свою теорию дальше, В. С. Щербаков приходит к выводу, что традиционное деление на словообразование, морфологию, синтаксис, фонетику, лексикологию противостоит естественному, поскольку «границы проводятся там, где их не должно быть, а главное — в одну систему включаются на основании чисто внешних

признаков несовместимые вещи. Морфология — пример такого эклектического единства» [3: 3–9].

М. И. Задорожный (1942–2002). Яркой личностью в киргизской лингвистике, несомненно, можно считать Михаила Ивановича Задорожного. Круг его научных интересов был невероятно широк: лингвистика текста, общетеоретические вопросы языкознания, лингвоконтактология, психолингвистики, билингводидактики, лингвистики. Доктор филологических наук, профессор, с 1967 г. — член Союза журналистов СССР и РФ (с 1993 г.), автор более 280 научных работ. В 1959 г. поступил на филологический факультет Киргизского государственного университета, где слушал лекции и выполнял научную работу под руководством Г. С. Зенкова, А. Е. Супруна, А. И. Васильева, А. А. Брудного, Ф. А. Краснова, Е. К. Озмителя. С 1968 по 1971 гг. — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ (научный руководитель — профессор Т. П. Ломтев). Большая часть его профессиональной и научной карьеры была связана с Киргизией. С 1971 г. — преподаватель кафедры русского языка Киргизского госуниверситета. С 1976 г. — научный редактор журнала «Русский язык и литература в киргизской школе», старший научный сотрудник сектора русского языка и литературы Киргизского НИИ педагогики, где существенное воздействие на формирование его общенаучных взглядов оказал известный методист, литературовед и этнокультуровед Л. И. Шейман. С 1981 по 1992 гг. — заведующий кафедрой теории и истории русского языка Киргизского государственного педагогического института. С 1993 г. — доцент, профессор кафедры русского языка Орехово-Зуевского пединститута (Московская область).

Его суждения, выступления на научных мероприятиях отличались теоретической сложностью и дискуссионностью, что свидетельствовало о нестандартности научного мировоззрения.

К. З. Зулпукаров. Мэтром современной киргизской лингвистики по праву считается профессор Капар Зулпукаров. Он продолжатель традиций классической школы лингвистической науки. Его труды «Падежная грамматика: теория и прагматика» (Санкт-Петербург — Ош, 1994) и «Введение в русскую казуологию» (2001) — яркое тому подтверждение. Уровень теоретических обобщений в его работах отличается строгой логичностью, высокой степенью аргументированности. Имея фундаментальные знания в области русского языка и являясь носителем киргизского языка, Капар Зулпукарович проникает в глубины закономерностей двух языков и дает новую интерпретацию теоретических проблем через призму своего билингвального сознания. Так, в монографии, посвященной категории падежа, К. З. Зулпукаровым:

Содержество

- 1) установлены ранее не отмеченные типы парадигматических и синтагматических отношений в падежной системе;
- 2) выявлена иерархичность падежных структур и значений, намечены пути интегрирования и анотомирования семантики падежей;
- 3) введены понятия «падежное синтагмообразование» и «тестообразование»;
- 4) адекватно определены источники, порождающие падежные значения; установлена статистика значений каждого из 6 падежей;
- 5) впервые им создан один из возможных вариантов учебной модели падежа, имеющих точный адресат (киргизскую аудиторию).

М. Дж. Тагаев. Мамед Джакыпович Тагаев сегодня в Кыргызстане считается одним из ведущих ученых в области языкознания. Сфера научных интересов профессора М. Дж. Тагаева характеризуется не только широтой, но и глубиной научного осмысления языковых проблем. Его докторская диссертация на тему «Полипарадигмальная модель функционирования деривационной системы (на материале взаимодействия русского и кыргызского культурно-языковых пространств)» является обобщающим теоретическим исследованием по словообразовательной проблематике, которой автор начинал заниматься с благословения своего учителя профессора Г. С. Зенкова. Автор отмечает, что современный этап развития лингвистической мысли требует синтезирования различных научных парадигм и методологических подходов для описания, использования полипарадигмального подхода в рамках триады «человек — язык — действительность». Именно с позиций дериватологии профессор Тагаев раскрывает билингвальную картину мира, свойственную для жителей Кыргызстана. С позиций когнитивного подхода ученый вводит понятие «номинатемы», представляющее особый тип концепта, смысловое содержание которого базируется на мотивационных отношениях.

М. И. Лазариди. Милану Исаковну Лазариди можно назвать ученым с поэтическим восприятием лингвистики. Прекрасный знаток греческой, грузинской, русской поэзии, Милана Исаковна научные сообщения на конференциях неизменно сопровождает замечательными поэтическими иллюстрациями. Знание структуры киргизского языка она использовала в рамках кандидатского исследования, в котором впервые сравнивались типизированные схемы русских и киргизских безличных предложений (М.: РУДН, 1987). Исследование ученого имело значительную лингвометодическую ценность в плане преподавания грамматики безличных конструкций в славянских и тюркских языках. В докторской диссертации профессора М. И. Лазариди «Номинативно-функциональное

поле психических состояний в русском языке» (Волгоград, 2001) представлены все типы потенциальных полей в системе языка и введен в научный оборот новый тип поля. Номинативно-функциональное поле детально было представлено на материале поля психических состояний в русском языке. Описаны поля базовых психических состояний (страх, беспокойство, злость, грусть, радость, стыд). Структурная организация нового типа поля, предложенная автором, стала следующим шагом в разработке лингвистической теории моделей системы языка.

С. Н. Абдуллаев. Профессор Абдуллаев Сайфулла Нурмухаммедович — представитель Ново-сибирской филологической школы в Кыргызстане. Он является выпускником факультета русского языка и литературы Пржевальского педагогического института. В настоящее время — профессор кафедры русского языка Иссык-Кульского государственного университета, директор исследовательского этнокультурного центра «Ренессанс». Как русист С. Н. Абдуллаев работает в нескольких направлениях. Это вопросы функционирования русского языка в контексте многоязычия и межкультурного взаимодействия, транскультурной специфики функционирования русского языка в Иссык-Кульском регионе Киргизии. В сфере исследовательских интересов профессора С. Н. Абдуллаева неизменно находится сопоставительно-типологический подход к проблемам преподавания русского языка как неродного в тюркоязычной аудитории.

Н. М. Шевченко (1949–2015). Шевченко Наталья Михайловна была человеком, одержимым наукой. Источником ее научного вдохновения на долгие годы стала поэзия Марины Цветаевой. Н. М. Шевченко — известный ученый-лексикограф, автор фундаментального труда «Фразеологический словарь русского языка», в котором содержится более 3000 фразеологических единиц из литературно-художественных текстов (издания 2002 и 2007 гг.). В 2004 г. под ее авторством вышел словарь «Имена собственные в эпосе “Манас”», в котором зафиксировано 1400 лексических единиц в оригинале и русской транслитерации по тексту эпоса в четырехтомном академическом издании 1984–1995 гг. [5: 168–170]. Ее докторская работа «Языковая личность М. И. Цветаевой как объект лексикографии» была защищена в Москве. Автор конструирует ЯКМ поэта, создает ее языковой портрет, формулирует своеобразие авторского мировоззрения, которое описывается знаками кодовой системы индивида (прецедентные имена, авторские фразеологизмы и формулы), обладающими метафорическим потенциалом. Натальей Михайловной создан ряд словарей по антропонимам эпоса «Манас», ментальным формулам Марины Цветаевой, два

фразеологических словаря, написан ряд серьезных монографий, которые стали бесценным научным наследием после ее скоростной кончины.

У. Дж. Камбаралиева. Одним из молодых и перспективных исследователей в киргизской русистике является Уулкан Камбаралиева. Выпускница Тверского (Калининского) государственного университета, она автор нескольких монографий и ряда вузовских учебников по грамматике. Монография «Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира» стала итогом докторского исследования. Глубокие научно выверенные выводы автора связаны с выявлением концептуального сходства темпоральной сферы разных этносов, что определяется универсальным свойством сознания народов, а восприятие темпоральности и темпоральных отношений, процессы их концептуализации и категоризации в значительной степени, по мнению ученого, обусловлены этнокультурной

спецификой народа. Работа над книгой получила продолжение в обобщающем труде профессора Камбаралиевой «Когнитивное языкознание», написанном на киргизском языке. Эта работа является творческим переложением на материал киргизского языка теоретических основ, разработанных в российской когнитивной лингвистике.

■ Заключение

В рамках предложенной статьи представлены наиболее значимые имена ученых-языковедов, создававших киргизскую русистику, тех, для которых исследование лингвистических проблем было не просто неотъемлемой частью профессии, а насущной потребностью рефлексии над природой языковых единиц, естественным состоянием постоянного поиска ответов на сложные теоретические вопросы. Это те люди, для которых лингвистика стала таким же творчеством, как для поэта — создание стихов, для художников — создание картин. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Дербишева З. К. Лингвистическая концепция профессора Г. С. Зенкова // Вестник КНУ им. Баласагына. Спецвыпуск. 2014.
2. Русисты Кыргызстана: А. И. Васильев // Русский язык в Кыргызстане. Сборник научных трудов. Бишкек, 1998.
3. Сапожникова И. А. Рукописное наследие В. С. Щербакоева // Вестник КНУ им. Баласагына. Серия 1. Вып. 4–5. Бишкек, 2009.
4. Скирдов В. Д. Русисты Кыргызстана: Адам Евгеньевич Супрун // Русский язык в Кыргызстане. Сборник трудов. Вып. 2. Бишкек, 2000.
5. Хлышенко Г. Н. «Удивительный лексикографический труд» // Вестник КРСУ. Т. 10. № 3. Бишкек, 2010.
6. Янцен В. К. Живой пример высокого служения русскому слову (Памяти Ф. А. Краснова) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2015. № 1.

Z. K. Derbisheva

Doctor of philology, Kyrgyz-Turkish Manas University

Bishkek, Kyrgyzstan

zamira.derbisheva@manas.edu.kg

RUSSIAN SCIENTISTS OF KYRGYZSTAN

Keywords: *Kyrgyz Russian studies, comparative linguistics, language problems.*

The purpose of this study is to give an idea of the Kyrgyz Russian studies through personal acquaintance with the creators of linguistics as a science in Kyrgyzstan. The object of study is the names of prominent scientists who have made a significant contribution to the science of language. The subject of the study is related to summarizing the main provisions, scientific discoveries of Kyrgyz Russianists on the problems of their research.

ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ ПОДВИГУ РУССКОГО УЧИТЕЛЯ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

О. Л. Сумарокова
доктор исторических наук,
заместитель директора
Института русского
языка им. А. О. Орусбаева
Кыргызско-Российского
Славянского университета
им. первого Президента РФ
Б. Н. Ельцина (КРСУ)
Бишкек, Киргизия
verum-science@mail.ru

Ключевые слова:
*Туркестанский край,
Киргизстан,
российское учительство,
российское образование,
русско-туземные школы*

Когда я перебираю свои воспоминания о Туркестане, я иногда не без грусти думаю о том, как основательно забыты люди, играющие когда-то более чем заметную (научную) роль даже при скромном служебном положении.

Из письма В. В. Бартольда Н. П. Остроумову от 7 ноября 1926 г.

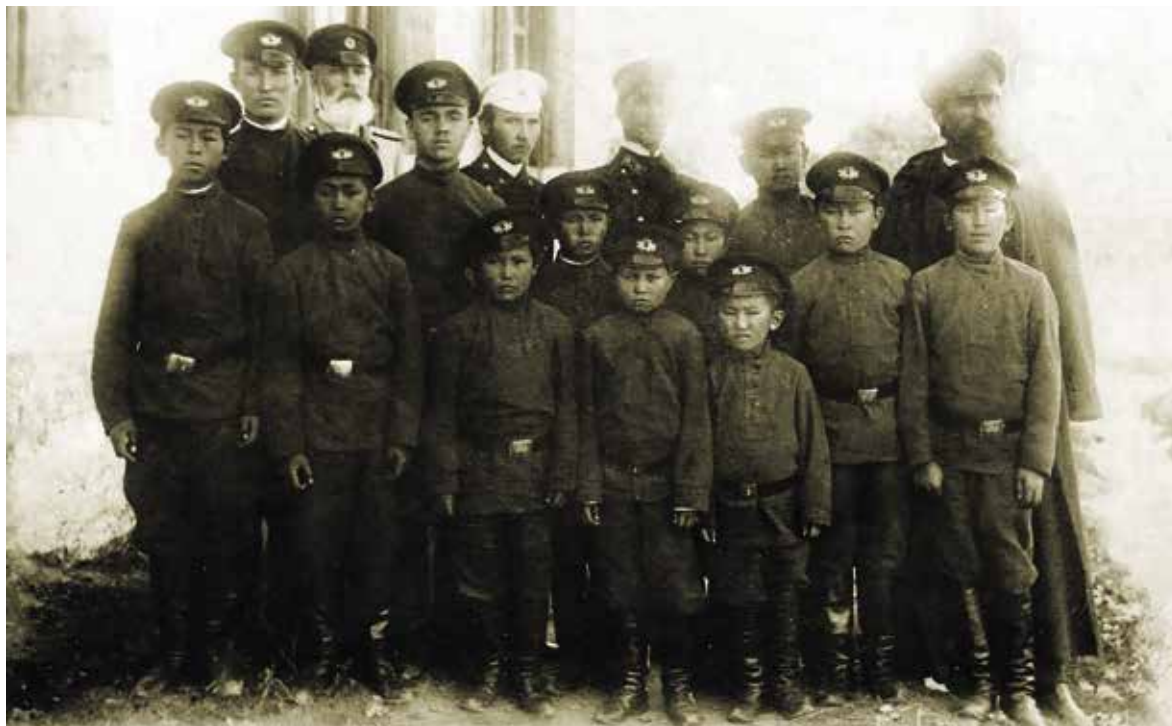
Вторая половина XIX столетия ознаменовала новую веку в истории российской образовательной доктрины — развитие в связи с включением обширных территорий Среднеазиатского региона в состав Российской империи уникальной школьной системы, которая, с одной стороны, могла бы удовлетворить образовательные потребности русскоязычного переселенческого населения, численность которого на территории Туркестанского края в первое десятилетие XX в. составила около полумиллиона человек, с другой — сделать инородцев¹ «соучастниками в истории русского народа» [15: 2], развить экономическую сторону их жизни, их гражданственность и солидарность их стремлений с основами русского государственного бытия [11: 337].

Несмотря на имевшийся у империи богатый опыт в просвещении своих подданных, Туркестанский край стал своего рода экспериментальной площадкой, где не было места прозелитизму и национальным предубеждениям, а основными образовательными инструментами выступали не только государственный язык — русский язык, «призванный помочь коренным народам скорее слить свои интересы» [5: 128] с интересами империи, но и местные наречия, «необходимые для духовно-нравственных целей мусульман-киргизов и для житейских нужд каждого магометанина» [10: 8].

Этим задачам отвечала оформившаяся во второй половине XIX столетия в регионе система², представленная тремя типами школ: началь-

¹ В рамках права Российской империи термин «инородец» применялся для обозначения всех русских подданных неславянского происхождения.

² Российская образовательная система в Туркестанском крае была противопоставлена исламской системе образования, распространившейся в регионе с X в. и ориентированной на воспитание учащихся в духе религиозных догматов. Была представлена тремя типами школ: кара-ханой — низшей мусульманской школой для слепых детей, мектебом (мактабом) — местом, где обучали чтению «китаба» — списка Корана, а затем арабскому письму, медресе — мусульманским учебным заведением второй ступени; выполняло функцию мусульманской духовной семинарии.

Учителя и учащиеся интерната, организованного для детей-киргизов при содействии Н. М. Барсова — первого губернатора г. Каракола. И-К ОГА КР

ными (приходскими, церковно-приходскими, сельскохозяйственными школами и школами грамоты), средними (гимназиями и прогимназиями), а также городскими училищами по положению 1872 г. Препятствовала их работе лишь нехватка кадров. Не имея подготовленных учителей, владевших местными языками, знакомых с обычаями этого края, Министерство народного просвещения поначалу прибегало к услугам учителей из внутренних губерний империи.

Но немногие стремились в неблагоприятный в материальном аспекте, удаленный от культурных центров жаркий Туркестан, воспринимавшийся русским обществом как место ссылки. О том, насколько несносными были условия жизни в регионе, можно судить по количеству льгот, установленных первым туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом для офицеров и чиновников. Они включали четырехмесячный отпуск с сохранением содержания, повышенные пенсии при сокращенных сроках выслуги лет, пособия после пяти лет службы и зачет пяти лет за семь [6: 43].

Ехали сюда главным образом по долгу службы, а также патриоты и энтузиасты, замороженные сюжетами восточных сказок.

В 1899 г. в «Астраханском Вестнике» был опубликован очерк известного публициста, этнографа и педагога А. Е. Алекторова под названием «Из записной книжки» [2], живописно характеризовавший условия жизнедеятельности народных

учителей в отдаленных уголках Среднеазиатского региона. В бытность инспектором Внутренней Букевской орды однажды он наведлся с ревизией в Нарынскую школу, единственным учителем в которой служил молодой человек по фамилии Семченко — лет 17–18, еще не окончивший V класса гимназии. «Отворив первую попавшуюся дверь, — повествовал автор, — я вошел в холодное, сырое и совершенно пустое помещение. Пахло гнилью и плесенью. Пришлось ощупывать руками стены, чтобы найти другую дверь или по крайней мере ту, через которую я вошел. Оказалось, что это была нежилая половина школьного здания, которую наполнили исключительно крысы; они скреблись и пищали; я слышал, как они ежеминутно шуршали, перебегая с места на место. Вскоре через ряд заброшенных комнат меня провели в квартиру учителя».

Из рассказа Семченко стало известно, что приехал он сюда всего два месяца назад, обучает он 7 учеников, которые не знают русского языка, а он киргизского. Школа эта находится в совершенно пустынной местности; ближние киргизы зимуют в 25–30 верстах от школы. «Конечно, лучше было бы в русском селеении, а здесь, как мой предместник, с ума сойдешь, — сетовал юный учитель. — Сидел-сидел да и спятил бедняга. Как началась весна, он стал собирать прошлогодний сухой камыш да таловые прутья и вить себе на крыше гнездо. И теперь оно там — большое, страшное. Свил, залез и сидит и ничем не вызовешь оттуда. Как только подойдет кто-нибудь к нему, он

Группа учащихся Тынаевской русско-туземной школы. В центре заведующий школой, учитель Т. Понаморев.
ЦГА КФФД КР

поднимает вверх руки, точно птица крыльями взмахнет, да и закаркает: кар-кар-кар! Страшно было смотреть. Киргизы говорили: шайтан в русского вошел, по-своему лечили...»

Как писал автор очерка, всю эту ночь он не спал, мешали крысы, мерещился сошедший с ума учитель и последние слова Семченко: «Умираю от голода и от скуки; мне хуже, чем Робинзону».

В 1874 г. в связи с открытием на территории современного Киргизстана первой русско-туземной школы — уникального симбиоза европейской и восточной педагогических систем — на официальном уровне был поставлен вопрос о необходимости подготовки педагогических кадров особого профиля — учителей-билингвов — «развитых, благонравных и знающих педагогическое дело», «знакомых с местными нравами, обычаями, с местной современной жизнью и особенно с местными наречиями» [7: 3]. Эту задачу должна была решить открытая 30 августа 1879 г. в день памяти Святого князя Александра Невского в г. Ташкенте Указом Государя Императора Александра Николаевича Туркестанская (Ташкентская) учительская семинария.

На должность директора семинарии был назначен ученый-ориенталист, историк, этнограф и исламовед Николай Петрович Остроумов. Рекомендую

его кандидатуру первому туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману, хорошо знавший его Николай Иванович Ильминский писал, что Остроумову, который состоял доцентом Казанской духовной академии, переезд в Ташкент «не доставит много хлопот», а единственной выгодой ему будет «чисто моральное удовлетворение патриотического одушевления» [14: 46].

В личном составе семинарии состояли шесть учителей наук, учитель чистописания и рисования, учитель пения, музыки и гимнастики, врач и почетный смотритель. Русский язык в семинарии преподавался кандидатом Историко-филологического института, коллежским асессором Н. П. Знаменским, киргизский язык — кандидатом Санкт-Петербургского университета, коллежским секретарем Я. Я. Лютшем.

Курс предметов семинарии составляли Закон Божий (для христиан), русский язык, математика, география, история, педагогика, естествознание, чистописание, черчение и рисование. Главным предметом был киргизский язык, однако звание это досталось ему не сразу. Первоначально правительством задумывалось преподавание в стенах семинарии персидского и узбекского языков. О целесообразности введения киргизского заявил К.П. фон Кауфман, отметивший, что киргизы

Общий вид здания русско-туземной школы в селе Сокулук (Киргизия). ЦГА КФД КР

«по интеллектуальным способностям имеют более задатков к сближению с русскими и что киргизы отдают своих детей в наши школы довольно охотно» [7: 5].

Обучение киргизскому языку, на тот момент не располагавшему собственной системой письма, вели посредством русской транскрипции на основе русского алфавита без изменений, дополнений и сокращений. Несмотря на отсутствие учебников, на уроках семинаристы первого класса знакомились со строем киргизского языка, выполняя разговорные упражнения, переводы, читая киргизские пословицы, загадки и легкие рассказы. Грамматические правила «выводились самими учащимися из прочитанного». Воспитанники второго класса изучали грамматику киргизского языка и упражнялись в разговорах, письменных и устных переводах с киргизского языка на русский и обратно.

В торжественной речи в честь годовщины открытия Туркестанской учительской семинарии Остроумов подчеркивал: «...Мы <...> держались <...> в своей педагогической деятельности того главного убеждения, что суть народного прогресса заключается не в железных дорогах и электрических телеграфах, не в скорострельном оружии и броненосцах, <...> а в развитии и нравственном совершенствовании самого народа, что достигается правильным воспитанием его молодых поколений» [5: 163–164].

Ориентиры были заданы верные. Об этом в первую очередь свидетельствуют судьбы выпускников русско-туземных школ, к примеру, Ташмухамеда Кары-Ниязова из Ферганы, в 1916 г. основавшего первую в Узбекистане начальную школу, затем — первый узбекский техникум в Коканде. В 1929 г. он окончил физико-математический факультет Среднеазиатского государственного университета (сейчас Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека),

спустя два года став его ректором, а в 1943 г. — первым президентом Академии наук Узбекистана.

Однако потребность края в учителях в целом Туркестанская учительская семинария удовлетворить не могла. Во-первых, далеко не все из поступавших в семинарию стремились к педагогической работе: отработав 6 лет за стипендию, преимущественно в русско-туземных школах, ее выпускники благополучно устраивались в учреждения и частные фирмы, где требовались служащие, владевшие местными языками. По данным юбилейного отчета, из 177 окончивших семинарию в 1898 г. к 1899 г. 18 умерли или не работали по болезни; из здравствовавших 159 человек на педагогической работе находились 107. Из 52 выпускников семинарии 1904 г. 13 человек служили переводчиками, 23 — в других должностях в учреждениях; 16 — работали в банках, страховых обществах, занимались коммерцией [9: 5]. То есть почти треть выпускников семинарии, отслужив определенный срок, покидала учительство.

Тем не менее семинария подарила отечественной науке немало ученых. В их числе член-корреспондент АН СССР, выдающийся исследователь культуры народов Средней Азии, этнограф и языковед Михаил Степанович Андреев (1873–1948); государственный и общественный деятель, поэт-публицист, принимавший участие в открытии первого казахского высшего учебного заведения Султанбек Кожанов (1894–1938); туркменский писатель-публицист Мухамметкули Атабай-оглы (1885–1916); выдающийся археолог и историк-востоковед, автор крупнейшего археологического открытия XX в. — руин обсерватории Улугбека Василий Лаврентьевич Вяткин (1869–1932); казахский просветитель, востоковед и тюрколог Серали Лапин (1868–1919).

Местная администрация, признавая тяжелое положение народных учителей, время от времени

Содружество

рапортовала в вышестоящие органы, напоминая о необходимости пересмотра вопроса относительно их жалованья. Начальник Токмакского уезда 17 ноября 1875 г. докладывал губернатору Семиреченской области, что учитель Токмакской народной школы получает жалованье 120 рублей в год, на которое жить в Токмаке решительно невозможно, так как одно содержание стоит этой суммы [1: 55].

В наиболее бедственном положении оказывались учителя церковно-приходских школ, для которых жалованья за преподавательскую деятельность вообще не было предусмотрено. Яркой иллюстрацией этого факта служит докладная записка учителя при Сазановской церкви Иссык-Кульского уезда дьякона Александра Соколова от 12 января 1878 г. губернатору Семиреченской области. В ней он писал: «Проявляя должностную обязанность учителя при школе села Сазановки, с 1-го сентября 1877 года и за службу при церкви не выдается мне жалованья, но имея семейство, состоящее из 4 душ..., дошел до крайней нищеты и не имею на что купить дров для отопления дома и чая для детей своих. Находясь в затруднительном положении, я осмеливаюсь утруждать и покорнейше просить, Ваше Превосходительство, не сочтете ли возможным выдать мне из каких-либо источников, взаимнообразно сто рублей в счет жалованья, следующего мне за обучение детей в селе Сазановка» [1: 54].

Между тем каждый учитель был призван «проникнуться сознанием важности возложенного на него правительством учебно-воспитательного дела и употребить все усилия к поддержанию учебного дела во вверенных им школах на высоте соответствующей важности государственной задачи, осуществляемой этими школами». «Они (учителя. — О.С.) должны убежденно относиться к своему учительскому назначению, — заявлял

генерал-губернатор края А. В. Самсонов, — усердно выполнять лежащие на них преподавательские обязанности, заботясь в то же время о привлечении во вверованные им училища возможно большего числа детей, как русских, так особенно туземцев. При фактическом выполнении школьной программы народные учителя должны заботиться о развитии в учащихся не только умственных способностей, но и нравственных качеств, о воспитании детей вообще в широком смысле слова. В этом последнем отношении народные учителя в школах обязаны подавать пример личным своим поведением не только детям, но и всему населению данной местности. Являясь почти единственными представителями русской образованности, учителя русских и русско-туземных школ на своих уроках обязаны стремиться к закреплению в умах и сердцах детей туземцев мысли о величии и могуществе России, принявшей под свое покровительство малокультурный, но многообещающий Туркестанский край, который пользуется внешним спокойствием и материальным благосостоянием» [13].

Обратно пропорциональное соотношение условий труда и должностных обязанностей закономерно приводило к тому, что «русских учителей впоследствии было так мало, что заведывание русско-туземными школами иногда поручалось мусульманам» [4: 138]. В Туркестанском календаре за 1904 г. отмечалось, что таких школ было 13 из 55.

Поворотным моментом стало постановление от 25 ноября 1891 г. «О служебных правах и преимуществах русских учителей русско-туземных училищ Туркестанского края», согласно которому служебные права и преимущества, предоставляемые учителям приходских училищ, предполагалось распространить на русских учителей русско-туземных начальных

Учащиеся русско-туземной школы. ЦГА КФФД КР

школ Туркестанского края, имеющих свидетельство на звание начального народного учителя. Основанием для него стало Представление в Государственный совет, в котором ввиду отмеченных успехов в функционировании русско-туземных школ в Туркестанском крае было высказано следующее мнение: «Одним из важных условий для прочной организации означенных школ является предоставление русским учителям сих школ прав государственной службы, неимение коих побуждает даже лучших из них оставлять учительскую деятельность и искать другой более выгодной службы» [12: 12].

Полученные учителями русско-туземных школ права заключались в возможности пользования, согласно § 35 Высочайше утвержденного 8 декабря 1828 г. «Устава гимназий и училищ уездных и приходских», преимуществами чиновников 14-го класса, а также оформления пенсий и единовременных пособий. Установленное жалование для русского учителя составляло 600 р. в год, что, по замечанию графа К. К. Палена, ревизовавшего в 1910 г. Туркестанский край, было по-прежнему недостаточно для жизни [8: 69]. Несмотря на это, работа продолжалась: апробировались первые учебники по русскому языку, разработанные специально для восточных инородцев, оттачивалась методика преподавания русского языка

как иностранного, закладывались основы русско-киргизского билингвизма.

Конец XIX — начало XX в. стали для Российской империи периодом формирования учителя нового типа, которому отводилось особое место в среде российской интеллигенции и важнейшая роль в общественной жизни страны. Еще больший груз ответственности нес учитель Туркестанского края — перед ним стояла задача не только учить народ читать и писать, но и просвещать в прямом смысле этого слова — «озарять светом; возвращать зрение; обогащать ум познаниями» — в духе гуманизма, в соответствии с господствующей в стране политической идеологией. Делать это в регионе, где, по замечанию казахского просветителя И. Алтынсарина, «ставят единственным источником мудрости только мусульманское вероучение, все, что не относится к этому, считается недостойным обучения» [3: 371], стоило нечеловеческих усилий. Их прилагали люди, движимые любовью к своей профессии, самоотверженностью, энтузиазмом и обостренным чувством долга. Невзирая на трудности, русские учителя Туркестанского края, открыв новую страницу в истории российского образования, заложили достойный фундамент русской школы в Среднеазиатском регионе, плодами которой киргизстанцы пользуются по сей день. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Айтмамбетов Д. Школьное дело в Туркестане. Фрунзе, 1963.
2. Алекторов А. Е. Из записной книжки // Астраханский вестник. 1899. № 2976.
3. Алтынсарин И. Избранные произведения. Алма-Ата, 1957.
4. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград, 1927.
5. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899.
6. Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1973.
7. Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии за 1888–1889 у. г. Ташкент, 1889.
8. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. Учебное дело. СПб., 1910.
9. Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г. — 30 августа 1904 г.) / сост. Н. П. Остроумов. Ташкент, 1904.
10. Письма из Туркестана // Восточное обозрение. 1882. 9 сентября. № 24. С. 8.
11. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т. XIX. Туркестанский край / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1913.
12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 12. Царствование императора Александра III. 1891–1893 годы. СПб., 1896.
13. Туркестанские ведомости. 1909. Август.
14. Участие Н. И. Ильминского в деле инородческого образования в Туркестанском крае / под ред. П. В. Знаменского. Казань, 1900.
15. Яковлев П. Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев: Сб. статей по инородческому делу. СПб., 1907.

O. L. Sumarokova

Doctor of history

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of Russian Federation B.N. Yeltsin (KRSU)

Bishkek, Kyrgyzstan

verum-science@mail.ru

A CENTURY AND A HALF OF THE FEAT OF THE RUSSIAN TEACHER IN THE TURKESTAN REGION

Keywords: Turkestan region, Kyrgyzstan, Russian teaching, Russian education, Russian-native schools.

ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

С. Н. Абдуллаев
доктор филологических наук,
профессор
Иссык-Кульского
государственного университета
им. К. Тыныстанова
Каракол, Киргизия
sayfulla.abdullayev@list.ru

Г. С. Абдуллаева
аспирант
Иссык-Кульского
государственного университета
им. К. Тыныстанова
Каракол, Киргизия
sayfylla-ab@rambler.ru

Ключевые слова:
простое предложение,
знак, структурная схема,
пропозиция, фраза,
формула модели

В статье рассматриваются релевантные вопросы идентификации и сопоставления моделей простого предложения в русском и тюркских языках. Простое предложение является единицей языка. Современная лингвистика признает данный факт. В настоящее время важно стройно и последовательно описать систему простых предложений языков. Типы простых предложений в русском и тюркских языках организуются в систему моделей простого предложения. Авторы статьи считают описание моделей простого предложения актуальной задачей современной синтаксической науки. Модель простого предложения является лингвистическим знаком. Сама модель может использовать специальные формулы как средство представления в научном описании. Авторы предлагают основные положения методики записи формул моделей. Формула модели простого предложения состоит из двух компонентов. Это формальная сторона модели (структурная схема) и пропозиция. Пропозиция представляет собой семантический компонент модели.

Статья предназначена для исследователей-лингвистов и преподавателей русского языка как неродного в тюркоязычной аудитории.

Одно из перспективных направлений развития современной русистики — развертывание исследований по сопоставлению синтаксических единиц. Такие единицы языка в отличие от единиц других уровней языковой системы остаются малоизученными. Тем не менее актуальность подобных исследований ни у кого не вызывает сомнений.

Модель простого предложения для нас — это тот теоретический конструкт, который помогает исследователю изучать не поддающиеся непосредственному наблюдению стороны и значимые признаки предложений. Достоинство моделей заключается в том, что они дают возможность представить синтаксический участок системы языка в виде четко очерченного фрагмента грамматики.

В данной статье обсуждаются основные подходы и направления сопоставления между собой моделей простых предложений в русском и тюркских языках. Будучи сущностными единицами самого коммуникативного уровня языковой системы, подобные модели остаются малоисследованными как в русистике, так и в тюркологии.

Как наиболее сложноорганизованный уровень языковой системы, синтаксис все еще остается недостаточно изученным. Синтаксис — самый коммуникативный пласт системы языка. Именно здесь язык переходит в речь, происходит когнитивное освоение окружающего мира. Чтобы чечче представить себе эти сложные процессы, исследователи естественных языков вынуждены прибегнуть к методу моделирования коммуникативных единиц языка. Последние образуют в разных языках свои системы моделей. Одной из таких единиц являются простые элементарные предложения с одноместными предикатами. В настоящей статье мы обращаемся к вопросу о сопоставлении моделей таких предложений в русском и тюркских языках.

Модель простого предложения для нас — это тот теоретический конструкт, который помогает исследователю изучать не поддающиеся непосредственному наблюдению стороны и значимые признаки предложений. Достоинство моделей заключается в том, что они дают возможность представить синтаксический участок системы языка в виде четко очерченного фрагмента грамматики. В частности, исследователь может задать модели списком и сопоставлять разные языки в разрезе конкретных фрагментов системы языка. Имея перед собой списки моделей, исследователь может работать с подсистемами таких единиц, тем самым намного упрощается возможности изучения системных отношений между конкретными моделями.

По мнению современных синтаксистов (М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой и др.), модель простого элементарного предложения является основополагающей единицей синтаксического уровня [7; 6: 215]. Так, в тюркских языках она может считаться инвариантной и для полипредикативных предложений. Обратимся к примеру:

مان يا بولۇشى خاپا ناقساقلاننىڭ

Ақсақалның хапа болушы яман.

ақсақал=ниц хапа бол=уш=и яман
аксакал=GEN томиться=PP=NMLZ=POSS.3 досадно
«Досадно, что аксакал томится»

Пример из современного уйгурского языка демонстрирует строение полипредикативного предложения с предикативным актантом. По другой терминологии, перед нами характерное для языков агглютинативного строя сложное предложение синтетического типа с придаточным подлежащим

[2: 103–113]. Оно строится на основе инвариантной модели элементарного простого предложения:

{(Nnom ⇔ Adj Cop) — ЧТО КАКОВО}

В приведенном примере позиция (Nnom) замещается целой зависимой предикативной единицей. Это объясняется типологическими особенностями тюркских языков в сравнении с русским языком, а именно изоморфизмом способов синтаксической связи на моно- и полипредикативном уровнях. Однако эта специфика строя тюркских языков наглядно демонстрирует релевантность модельного подхода к изучению синтаксиса. Мы уверены, что работа в данном направлении откроет важные закономерности и в синтаксисе русского языка, не бросающиеся в глаза с позиций устоявшихся грамматических воззрений.

Как наиболее сложноорганизованный уровень языковой системы, синтаксис все еще остается недостаточно изученным. Синтаксис — самый коммуникативный пласт системы языка. Именно здесь язык переходит в речь, происходит когнитивное освоение окружающего мира.

Мы привели данный пример с целью показать важность сопоставительного моделирования коммуникативных единиц в разных языках. Сопоставляя в указанном ракурсе русский язык с тюркскими, мы открываем новые возможности контрастивного описания и преподавания этих языков [1: 7]. Формальные и содержательные дифференциальные признаки моделей обнаруживают важные моменты в плане различий между языками.

Приступая к описанию моделей, мы должны четко отдавать отчет, что это прежде всего лингвистические знаки, т. е. двусторонние семиотические сущности. Данное обстоятельство, как отмечает основатель Новосибирской синтаксической школы М. И. Черемисина, создает условия для системного подхода к объекту наших исследований [8].

Формальную сторону моделей мы передаем через структурную схему. Структурная схема предложения — отвлеченный образец, по которому в реальной речи строится неограниченное количество фраз-предложений [3: 352].

Например, в русском языке предложение *Молодые девушки весело убирают двор* организовано по структурной схеме N1 — Vf — N4. Киргизское высказывание *Майда балдар чоң иттен коркуш* — *Маленькие дети испугались большой собаки* и уйгурское предложение-фраза

كچىك بالىلار چوڭ نىنتىن قورقاتتى — *Маленькие дети испугались большой собаки* восходят к структурной схеме N1 — N6 — Vf.

Частеречные символы на основе латинского алфавита показывают синтаксически релевантные позиции структурных схем, которые должны быть заполнены обязательными компонентами простого предложения. Цифрами обозначены падежи словоформ, которые замещают моделиобразующие позиции. Например, в русском языке: 1 — именительный падеж и т. д. Конструктивно ведущим среди компонентов модели мы считаем сказуемое, или предикат, поскольку именно данный компонент задает конкретную конфигурацию обязательных компонентов. По их количеству или месту (позиции) возможно различать одноместные, двухместные, трехместные предикаты. Наше внимание в данном случае привлекают модели предложений с одноместным предикатом:

Русск. *Дом большой* N1 ⇔ Cop Adj

Студент спит N1 ⇔ Vf

Кирг. *Бала акылдуу* N1 ⇔ Adj Cop

Кыз күүлү жатат N1 ⇔ Vf

Уйг. *ئۆي جىرايلىق* Дом красивый N1 ⇔ Adj Cop

وخللاق اتىندىبوۋاۋ Дед спит N1 ⇔ Vf

При именных предикатах-сказуемых (Adj) в структурной схеме указывается позиция связки, так как именно она выражает категории, синтезирующие грамматическое значение предикативности (Cop).

Обращаясь к содержательной стороне модели предложений с одноместным предикатом, мы стараемся зафиксировать элементы той пропозиции, которая лежит в основе отображаемой в предложении целостной ситуации или события. Пропозиция для нас — это ситуация в миниатюре, ее слепок или модель. Чтобы отразить содержательную модель ситуации, можно воспользоваться различными квазисловами или местоимениями. Это могут быть единицы, подобные «словам» из известного примера Л. В. Щербы о «глокой куздре».

Формальная и содержательная стороны составляют план выражения и план содержания модели предложения. Модель предложения, таким образом, есть эмическая единица системы того или иного языка.

Подобно другим единицам языка, модель предложения обладает своей системой форм. Формы моделей предложения — это «совокупность видоизменений структурной схемы предложения, выражающих различные модальные и временные значения. Вся совокупность таких видоизменений называется парадигмой» [1: 353]. Парадигма предложения — малоисследованная область сопоставления русского и тюркских языков. Здесь открываются закономерности, которые помогают оптимизировать процесс преподавания русского языка в тюркоязычной аудитории.

Формы моделей предложения — это «совокупность видоизменений структурной схемы предложения, выражающих различные модальные и временные значения. Вся совокупность таких видоизменений называется парадигмой».
Парадигма предложения — малоисследованная область сопоставления русского и тюркских языков.

Теоретические вопросы описания структурно-семантических моделей простого предложения были разработаны на значительном материале языков разного строя представителями Новосибирской синтаксической школы [7: 3–19]. Мы считаем, что они могут применяться при сопоставлении синтаксических систем русского и тюркских языков. В билингвальных сопоставительных исследованиях, на наш взгляд, основную значимость приобретают типологически значимые расхождения и моменты сходства. Тюркские языки имеют значительные типологические отличия от русского языка в своем синтаксическом строе. Это обусловлено аплютинативной природой строя этих языков [5: 69].

На первом этапе сопоставительно-типологического исследования моделей простого предложения с одноместным предикатом, по нашему мнению, следует сосредоточиться на сопоставлении закрытых списков таких моделей. Дальнейшим шагом является изучение вопросов варьирования моделей и строения парадигм моделей. Даже простое сопоставление двух закрытых списков моделей простых предложений с одноместными предикатами предполагает сравнительно-аналитическую исследовательскую работу по выявлению специфики двух разносистемных языков. Такие исследования могут дать результаты, значимые как в плане теории, так и в плане практических задач в области русистики и тюркологии. В частности, они могут обогатить лингводидактический багаж преподавателей русского языка как неродного [1: 28].

Итак, мы рассмотрели основные направления первичного сопоставительно-типологического описания одного из фрагментов синтаксической системы русского и тюркских языков. Они предполагают тщательную работу со значительным объемом эмпирического материала русского и тюркских языков. Результаты модельного описания помогают вскрыть особенности синтаксического строя языков, недоступные для непосредственного восприятия. В процессе сопоставления исследователь держит в поле зрения целостные подсистемы с обозримым количеством единиц языка, а не аморфное пространство иллюстраций-фраз, привлеченных к разбору. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдуллаев С. Н. Синтаксические конструкции в научном стиле речи русского языка. Фрунзе, 1987.
2. Абдуллаев С. Н. Полипредикативные предложения с подлежащей зависимой частью в уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 103–113.
3. Абдуллаев С. Н. Синтаксис // Строй уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 344–465.
4. Абдуллаев С. Н. Релевантность итогов сопоставительно-типологических исследований в преподавании русского языка как иностранного (на примере моделирования сложноподчиненных предложений) // Русский язык в иностранной аудитории: теория и практика преподавания: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора Галины Георгиевны Городиловой (1922–2013). М., 2017. С. 6–9.
5. Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М.: Наука, 1975.
6. Колосова Т. А. Конструкции с союзом *a to* в русском языке // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980. С. 197–222.
7. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–19.
8. Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004.

S. N. Abdullayev

Doctor of philology of Issik-Kul State University named after K. Tynystanov

Karakol, Kyrgyzstan

sayfulla.abdullayev@list.ru

G. S. Abdullayeva

Postgraduate student of Issik-Kul State University named after K. Tynystanov

Karakol, Kyrgyzstan

sayfylla-ab@rambler.ru

PROBLEMS OF MODELING SIMPLE SENTENCES IN RUSSIAN AND TURKIC LANGUAGES

Keywords: simple sentence, signs, structural pattern, proposition, phrase, model formula.

The article deals with the topical issues of identification and comparison of models of simple sentences in Russian and Turkic languages. A simple sentence is a unit of language. Modern linguistics does not recognize this fact. Currently, it is important to systematically describe the system of simple sentences of languages. The system of simple sentences in Russian and Turkic languages is a system of models of simple sentences. The authors of the article consider the description of models of a simple sentence to be an urgent task of modern syntactic science. The model of a simple sentence is a linguistic sign. The model itself can use special formulas as a means of representation in a scientific description. The authors describe the main provisions of the methodology for recording model formulas. The formula of the simple sentence model consists of two components. This is the formal side of the model and the proposal. A sentence is a semantic component of a model. The article is intended for linguists and teachers of Russian as a non-native language in the Turkic-speaking audience.

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПИЩЕВОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

А. А. Амандыкова
аспирант Кыргызско-
Российского Славянского
университета им. первого
Президента РФ Б. Н. Ельцина
Бишкек, Киргизия
amandykova_anara@mail.ru

Ключевые слова:
пищевой код культуры,
внешность человека,
метафоризация, язык,
лингвокультурология,
пищевая метафора

Статья посвящена изучению особенностей языкового и текстового воплощения метафорических образов при описании внешности человека в русской и кыргызской лингвокультурах. Рассматриваются явления и ситуации, которые метафорически характеризуются посредством пищи. Выявляются универсальные и культурно-специфические основания метафорического переосмысления кулинарных изделий в русском и кыргызском языках. Также представлен сопоставительный анализ пищевой метафоры в русском и кыргызском языках, продемонстрировано ее участие в создании типовых образных представлений о внешности человека, что в целом поможет обновить и показать в новом аспекте соответствующий фрагмент в русской и кыргызской национальных языковых картинах мира.

Известно, что языкознание XX века развивалось главным образом под знаменем системно-структурного понимания языка, при котором лингвисты стремились максимально нивелировать человеческий фактор в процессе описания языка, чтобы объективно описать язык как системную совокупность языковых единиц, функционирующих на различных уровнях языковой системы (фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса).

В конце прошлого столетия пришло осознание парадокса, что язык существует в мозге, в сознании человека. В этой связи Л. В. Сахарный отмечает: «...язык есть средство общения людей и орудие мышления людей, оказывается, что для исследования языка люди — носители языка, вообще говоря, не нужны. Структура языка описывается независимо от деятельности людей, которые им пользуются, которые его создали» [6: 6]. Такая лингвистика, как он заявляет, — это лингвистика без человека.

В настоящее время происходит интенсивная смена парадигм, что ярко продемонстрировано в работе М. Л. Макарова [3: 15]. Согласно его точке зрения, в развитии лингвистической науки можно выделить по крайней мере два основных этапа:

1) системно-структурный, который получил развитие благодаря использованию методов естественных наук (биологии, физики и др.), где человеческий фактор (фактор человека) рассматривается только как препятствующий процессу получения объективных данных. К примеру, в ряду *воды, вода, водяной, водопровод* позиционные

- чередования фонемы [о] являются объективной закономерностью и обусловлены позицией, занимаемой звуком по отношению к ударению;
- 2) антропоцентрический, при котором языковые факты включаются не только в системные связи между структурно-функциональными единицами, но и в отношения между людьми в речевых актах, использование коих носит вероятностный характер. Дело в том, что включение фактора человека в процесс описания языка требует учета субъективных характеристик, присущих человеку. Причем они во многом зависят от национально-культурной принадлежности, традиций, социальных отношений и экосреды, в которой формируется и обитает языковая личность.

Таким образом, лингвистика XX века вплотную подошла к человеческому фактору и развернула исследования в антропоцентрической парадигме, которая имеет два основных направления: когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Оба эти направления имеют собственные объекты исследования и собственный арсенал специфических методов анализа языкового материала.

Этим направлениям свойствен симбиоз таких категорий, как «язык-человек». Иначе говоря, внимание исследователя заостряется на той мысли, что человек — не только носитель языка, но и представитель определенной культуры. Если геном человека, согласно медицинским источникам, является совокупностью наследственного материала, заключенного в клетке человека, и в этом смысле все люди условно «одинаковы» как биологические существа, то различия между этнико-языковыми коллективами заключаются в их языках, которые определяют особенности языкового мышления и мировидения нации.

Развитие общей теории когнитивной лингвистики имело серьезное влияние и значение и дало мощный импульс для исследований сопоставительного характера, в центре внимания которых оказались образы мира с позиций разных языков. Ведь все языки отличаются друг от друга не только системно-структурными особенностями, но и национально-культурной спецификой мировосприятия. Благодаря языку, который, подобно ДНК в теории наследственности, хранит в своих формах культурное наследие, народ имеет возможность не только сохранять, но и преумножать и передавать следующему поколению свои знания о мире, культурные традиции и национальные ценности. В. фон Гумбольдт утверждал, что «среди всех проявлений, посредством которых познаются дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны» [2: 69]. Следовательно, через язык мы можем узнать о том или ином народе все: особенности

восприятия мира этим народом, его привычки, национально-культурные особенности, традиции, обычаи, вкусовые предпочтения и многое другое.

Свои представления о мире каждый язык кодирует, или шифрует. Этот код понятен всем носителям языка, которые погружены в его культурное языковое пространство. Будучи одним из новых антропологических и культурологических направлений, код культуры, или культурный код, изучался и изучается такими исследователями, как Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вережцагин, Е. В. Капелюшник, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Е. М. Маркова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев, Е. А. Юрина и др.

Языкознание XX века развивалось главным образом под знаменем системно-структурного понимания языка, при котором лингвисты стремились максимально нивелировать человеческий фактор в процессе описания языка, чтобы объективно описать язык как системную совокупность языковых единиц, функционирующих на различных уровнях языковой системы (фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса).

В. А. Маслова отмечает, что «коды культуры универсальны как феномен, присущий человеку культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов, зафиксированных в языке. Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь его ядерными, ключевыми элементами. Под культурным пространством мы понимаем форму существования культуры в человеческом сознании. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры, это своего рода способ структурирования культурного знания. Выделяют целый ряд кодов культуры: космогонический (*быть на седьмом небе*); соматический (*голова колонны, третий глаз*); пространственный (*рукой подать*); временной (*на Пасху*); предметный (*звездь программы*); зооморфный (*львы, орлы в геральдике*); природно-ландшафтный (*лес рук*); архитектурный (*мосты дружбы*); гастрономический (*мед на душу*) и др. Именно эти коды являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры. По поводу количества кодов нет однозначного мнения. А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова считают, что их 4–5, В. Красных называет несколько десятков. Мы полагаем, что их значительно меньше, чем концептов, т. е. не более 20» [5].

Лингвистика XX века вплотную подошла к человеческому фактору и развернула исследования в антропоцентрической парадигме, которая имеет два основных направления: когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Оба эти направления имеют собственные объекты исследования и собственный арсенал специфических методов анализа языкового материала.

«Культурные коды, — пишут Е. М. Маркова и Б. М. Эйсави, — потому и называются так, что они “кодируют” наши представления о мире, выражают их с помощью тех или иных, уже имеющих номинации, образов. Они занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, структурно формируют его. Сама национальная культура при этом выступает как совокупность различных кодов» [5: 193–204]. Один из важных культурных кодов — пищевой код культуры. Еда, пища, яства — это неотъемлемая часть человеческого существования независимо от его национальной принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, возраста и места обитания. Это своеобразная константа и гарант жизни человека. И конечно, такая важная субстанция не может не отражать важных сведений о жизни того или иного народа, его культуре.

Целью настоящего исследования является описание метафорического образа внешнего облика человека через призму пищевого кода культуры на материале двух неродственных языков — русского и киргизского. Объектом анализа послужили названия блюд, овощей и фруктов, продуктов питания, напитков, посуды и др., способные метафорически обозначить внешние признаки человека.

Источником для изучения материала на русском языке были «Словарь русской пищевой метафоры. Том 1. Блюда и продукты питания» под редакцией Е. А. Юриной [7], «Словарь образных слов русского языка» О. И. Блиновой, Е. А. Юриной [1]. Материал на киргизском языке извлечен из словарей киргизского языка, живой разговорной речи.

Универсальный фрейм «внешность человека» включает в себя слоты: 1) «форма тела и фигура»; 2) «форма частей тела и органов»; 3) «характер кожных покровов»; 4) «цвет частей тела». Человека чаще всего воспринимают и характеризуют по внешнему облику. Сравните, *по одежке встречают — по уму провожают*. Например, так оценивается состояние тела человека в русском языке через единицы пищевого кода культуры: *отбивная* — «Кому множественные гематомы, так сказать, а кому

и отбивная» [8: 173–204]. В отличие от киргизской в русской пищевой традиции одним из способов приготовления мясных блюд было отбивание мяса, в результате чего этот продукт утрачивал первоначальные свойства. Отсюда очевиден переносный смысл данного слова по отношению к человеку, которые может утратить свои физические качества.

Другое слово — *изжеванный* («чайналган») — отличается универсальным свойством. Данное состояние характерно для всех людей независимо от национально-культурной принадлежности, следовательно, может принимать участие в процессах метафоризации в разных языках. К примеру, «*весь разбитый, все тело болит, как изжеванный, живого места нет... Все внутри дрожит, трясется, трепещет, колышется, ходуном ходит, волнами перекатывается...*». В кирг.: *Сага эмне болгон? Түрүң чайналып калгандай го. (Что с тобой? Вид у тебя, будто ты весь изжеванный.)*

В отличие от русского языка слово *чайналып* имеет более широкий спектр переносных смыслов и может обозначать не только физические данные человека, но и удары судьбы и все то, что подвергается превратностям жизни. Например: *Депутат Бодош Мамырова маегин «Кумтөрдүн абалын көрүп, чайналып атканыбызга кабыргам кайышты» деп атап, жакында Кумтөрдө болуп кайтканын белгиледи... (Депутат Бодош Мамырова сообщила о своей поездке на Кумтор так: «Из-за состояния Кумтора мне стало безумно больно и обидно.»)*

Толстого, неповоротливого человека в русском языке называют *квашней*: «*Но как изменилась! Какая стала квашня! Разъелась на взятки Мокрухтина*» (Е. Гордеева, В. Гордеев. «Не все мы умрем»). Если обратиться к этимологии этого слова, то можно понять, почему появилось такое сравнение.

Квашня — деревянная кадка для теста, забродившее тесто. Используется при описании вялого, неповоротливого человека, разини (простореч., пренебр.) [9]. Причем в метафоризации использовались оба значения: неповоротливость передается деревянной посудой для замешивания теста, а вялость напоминает забродившее тесто, которое трудно поддается формованию. В киргизском языке есть метафорическое сравнение, обратное значению слова «квашня»: «*Ачыбаган камырдай*» «*Словно не забродившее (не поднявшееся) тесто*», и применяется оно в описании характера человека, подчеркивая его нерешительность, вялость — «*Агасы мурунку бийликтерге каршы сөз айтмак түгүл, ачыбаган камырдай болуп арзыматтык кылып унчукпай жүрчү*» [11] (*Его брат молчал, как пресное тесто, не выступал против прежней власти*).

При описании фигуры человека в основе кулинарных образных единиц лежит фактор «толщина продукта». Так, если в русском языке худобу принято ассоциировать с небольшими плоскими рыбами (*сеledка, вобла, килька*): «*Я девушка довольно высокая,*

179 см. И при этом худая, как селедка» [8: 173–204]. В кыргызском языке при описании худого тела человека средств вторичной номинации названий блюд и напитков не существует. Образным примером для описания внешности человека является посуда. Например, тучного, полного человека сравнивают с посудой для изготовления кумыза (национального напитка кочевников), так называемым чаначем, бурдюком из снятой чулком прокопченной козлиной шкуры. В чаначе готовили и хранили кумыз и другие кисломолочные продукты. Так как чанач изготавливали из шкуры, он хорошо растягивался и когда был полон, обретал округлую и тучную форму. «Чаначтай болуп семирген Жаныш Рустенбеков тажиктерге сатылып кеткенби? (Неужели Жаныш Рустенбеков, располневший, как «чанач», продался таджикам?) И в русском, и в кыргызском языках слово «бочка» используется для подчеркивания излишней полноты фигуры. Для кыргызского языка это слово является заимствованным из русского. Стереотипным представлением об округлых формах и о полноте фигуры служат образы хлебобулочных изделий. Так, в русском языке существует сравнение как булка/булочка. Это сравнение используется при описании лица человека, подчеркивая его округлость и румянец. «Однажды Пимыч познакомился с хозяйкой, маленькой упругой женщиной с румяным и круглым, как пропеченная булка, лицом.» (Т. Орлова. Путь Луны); при описании полной, округлой женской фигуры: «Румяная и пухлая, как булка, в одной ночной сорочке... Трехдюймовочка пекла блины сразу на четырех сковородках, по кругу...» (О. Некрасова. Платит последний), «Ему тоже нравятся девушки, похожие на булочки.» (М. Н. Задорнов. Египет) Также это сравнение используется для подчеркивания приятного, здорового цвета кожи: «Вся, как булочка, белая, щечки розовые, реснички уже темные.» (Г. Бакланов. Разное) И, наконец, для того чтобы передать приятность запаха: «Она пахнет, как мягкая булочка, ситный хлеб, и, как у голодного, голова кругом, вобрать бы в себя навечно...» (Т. Набатникова. День рождения кошки). В кыргызском языке для обозначения полной фигуры используется слово «май токоч», что в переводе означает хлебобулочное изделие, пожаренное на масле (схожее с колобком, пончиком). «Жон эле май токоч болуп калыптыр...» (Располнел так, что стал похож на колобок.)

Широко используются кулинарные образы в описании отдельных частей тела (голова, лицо, нос, глаза, уши, губы, пальцы, щеки, рот, живот).

Голова в каждом языке имеет огромное количество сравнений. В русском языке ее часто сравнивают с *кочаном капусты, тыквой, репой, котлом, дыней*. Такая метафоризация используется, чтобы подчеркнуть глупость и пустоголовость того человека, о котором идет речь. В кыргызском же языке ее сравнивают с *казаном*. Казан — это чугунная посуда полусферической формы с округлым дном для

приготовления блюд на открытом огне. Чаще всего она имеет большие формы. Именно эта посуда послужила средством вторичной номинации для подчеркивания размера головы — «казан баш». Также большую голову человека сравнивают и с яйцом: «Яйцеголовый, приятно грассирующий генерал береговой службы, не глядя на младшего архивиста Башуцкого, сказал тускло: “Вы этого никогда не видели. Идите”.» (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны) [8: 173–204]. В кыргызском языке также используется эта образная номинация: «Тукум баш» — «яйцеголовый». Это словосочетание встречается в южном диалекте, «тукум» в значении «яйцо». Северная часть жителей использует слово «тукум» по его словарному обозначению: «ген», «генофонд», «наследник», «потомок».

Еда, пища, яства — это неотъемлемая часть человеческого существования независимо от его национальной принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, возраста и места обитания. Это своеобразная константа и гарант жизни человека. И конечно, такая важная субстанция не может не отражать важных сведений о жизни того или иного народа, его культуре.

Лицо в русском языке образно выражается номинантами пышных объемных или плоских хлебобулочных изделий. Так, круглое лицо принято номинировать словами *бублик, пончик, пышка, пампушка*. А плоскость — словом *блин, как блин*. В кыргызском языке для передачи формы и размера лица принято использовать образные номинанты посуды. «Табак» — большая тарелка, чаще плоская. Используется для обозначения большого, круглого лица. «Бети табактай экен» (Лицо как тарелка). Коннотация «бетин табактай кылып» используется для обозначения недовольного выражения лица при отрицательной характеристике человека.

Как в русском, так и в кыргызском языках для описания крупного носа используется слово *картошка*.

При описании глаз средствами вторичной номинации актуализируется большой размер круглой формы: *блюдец, тарелка*. В основе метафорического уподобления глаз человека также лежит овальная форма — *миндалевидный, миндальный* (о восточном разрезе глаз): «*Бархатная борода-вочка под его губой вздрагивала как бы от скрытого смешка, а миндальные глаза делались еще миндальнее*» [8: 173–204]. Известно, что кыргызы были кочевниками и занимались скотоводством, поэтому чаще всего в языке используют кулинарные образы для

метафоризации внешности человека, в том числе с помощью слов, обозначающих кисломолочные продукты. Так, в кыргызском языке при описании большого размера глаз посредством вторичной номинации используется название кисломолочного продукта «курут» — «соленые творожные шарики», которые имеют чаще круглую форму: «Коздору куруттай экен» (Глаза круглые, словно куруты).

Для кыргызов эталоном красоты считались большие, черные глаза. Этим можно объяснить сравнение «коздору карагаттай» (глаза как черника).

Крупные оттопыренные уши носителю русской культуры напоминают по форме пельмени или вареники: «Как известно, чем опытней борец, тем более заплывшие у него пельмени» [8: 173–204]. В кыргызском языке существует аналогичное сравнение. Так, уши принято сравнивать с мантами — традиционным блюдом народов Центральной Азии, похожими на пельмени, но в несколько раз крупнее по форме: «кулактары мантидай» (уши как манти).

В кыргызском языке встречаются кулинарные метафоры, свойственные только кыргызскому лингвокультурному сознанию. И связаны они с традиционным феноменом табу.

Например, есть традиция, которая на сегодняшний день начинает терять свою актуальность в некоторых областях страны. Это придумывание прозвищ («тергоо»). Когда в дом приводили невестку — келин, она не могла называть родственников мужа по имени, зачастую — даже своего мужа. Кыргызы верили, что невестка, не придерживаясь этой традиции, может бросить тень на авторитет семьи и навлечь беду. Чтобы избежать этого, невестке приходилось придумывать разные прозвища своим новым родственникам. Зачастую они были связаны с пищевыми метафорами. Например, невестка могла назвать младшую сестру мужа «кайнолу» (слива), «алма» (яблоко). Причин так назвать могло быть великое множество: особенная любовь, реже нелюбовь человека к фрукту, это могло быть связано с формой фигуры, интересным фактом из жизни, напоминающим об этом фрукте, и т. д. По отношению к мужской половине семьи могли применяться такие слова, как: «тукум баш бала» — «яйцеголовый братик». Это могло быть связано с формой головы, если она у него продолговатой формы (напоминающая по форме яйцо), «карагат коз» (черничные глаза) и т. д.

Еще один немаловажный обычай, уходящий корнями во времена домусульманских верований кыргызов, — это придумывание так называемого второго имени ребенку. Это делалось с целью отвести дурной глаз от ребенка и «обмануть» духа смерти. Зачастую прозвища несли в себе информацию, характеризующую ребенка. Нередки случаи, когда такие имена были связаны с пищевой метафоризацией. Так, если у ребенка покладистый характер, спокойный нрав, то ему могли дать прозвище

«Момпосуй» (конфета) или «Ботко» (каша); если ребенок медлительный, несобранный, нерешительный, могли назвать «Кымызкан» (девочка-кумыз), это в том случае, когда у новорожденной родители возделывают кумыс или женщина во время беременности любила пить кумыс; «Чыныбек», «Чыныгул» — от слова «чыны» (посуда из глины, небольшое глубокое блюдо, в котором чаще подают супы, первые блюда). Известно, что раньше кыргызы пользовались деревянной посудой, а наличие в доме глиняной посуды считалось признаком достатка семьи. Таким образом, детей называли Чыныгул (девочка), Чыныбек (мальчик), чтобы подчеркнуть ценность. «Мейизгул» (мейиз — изюм) — так называли девочек, которые рождались очень маленькими и напоминали изюм.

Еще одна типичная для кыргызского лингвокультурного сознания особенность — это нареkanie именем Анарбек (мальчик) и Анара (девочка), общий корень «анар» — гранат, в том случае, если у новорожденного ребенка на лице были красные пятна (или бельмо). Кыргызы верили: если назвать детей этими именами, то пятна исчезнут.

В русском языке большое количество ассоциаций с мучными изделиями, а также с овощами и фруктами. Нередки и сравнения с рыбными продуктами, чего нет в кыргызской пищевой метафоре, для которой характерно использование сравнений, связанных с традициями и обычаями народа, что является отличительной чертой пищевого кода культуры.

И в русском, и в кыргызском языках встречаются кулинарные метафоры, свойственные лингвокультурному сознанию обоих народов. Так, образы сморчка (гриба со сморщенной шляпкой), а также сморщенных, засушенных фруктов и овощей (печеное яблоко, прыщавая курага, груша сушеная, высохший гороховый стручок) служат эталоном для характеристики человека преклонного возраста, кожа которого покрыта глубокими морщинами: «Кажется, что один старый сморчок меня бросил. Мне уже можно начинать радоваться или еще может обратно припереться?» [8: 173–204]. Особенности формы, размера и внешнего строения съедобного гриба сморчка выступают также как основание для образного наименования малосильного, тщедушного человека. Для кыргызского языка также свойственна образная ассоциация пожилого человека с сушеным абрикосом (курагой) — «орук как»: «Баарыбыз улгайып орук кактай болобуз» (Все мы рано или поздно высохнем, как курага).

Цвет кожи является своеобразным показателем состояния здоровья человека. При обозначении цвета кожи тоже используются кулинарные метафоры. В русском языке здоровый цвет кожи может быть *шоколадным* (шоколадный загар), *кофейным* (кофейное лицо), *молочным* (белого цвета), *сливочным* (светло-желтого оттенка), *персиковым* (красновато-желтого оттенка). Приятная, мягкая, свежая кожа лица обычно сравнивается с *сочным персиком*, а также с *румяным яблоком*. В кыргызском языке цвет кожи лица принято сравнивать с пшеницей (*буудай ыран*), т. е. «пшеничный цвет» (ярко-коричневый). Такую кулинарную метафору в основном используют для подчеркивания мужской красоты: «*Буудай ыран Кыргызга эле окшотушат мени!*» [12] (*Из-за пшеничного цвета кожи меня путают с кыргызом*). Для подчеркивания белоснежной кожи используется метафоризация через такой продукт питания, как *молоко*. Обладательниц белоснежной кожи считали эталоном женской красоты, и это было признаком так называемой породистости, чистокровности. «*Суттой ак*» (*белая словно молоко*) — «*Сут менен чайкап койгондой*» (*Как будто ополоснули в молоке*).

Проанализировав кулинарные метафоры двух языков, можно сделать вывод, что гастрономическая сфера и национальная кухня тесно связаны с жизнедеятельностью человека. Так, в русском языке большое количество ассоциаций с мучными изделиями, а также с овощами и фруктами. Нередки и сравнения с рыбными продуктами, чего нет в кыргызской пищевой метафоре, для которой характерно использование сравнений, связанных с традициями и обычаями народа, что является отличительной чертой пищевого кода культуры. Кодирова национальные представления о внешнем виде человека в кулинарной метафоре, языковые единицы пищевой тематики формируют фрагмент национальной картины мира. Следует отметить, что выбор метафоры и в русском, и в кыргызском языках прежде всего исходил из образа жизни этих народов. В связи с изменениями условий жизни в современном мире появляются новые метафоры, отражающие современную действительность, но одно остается постоянным и очевидным — пищевая метафора будет актуальна всегда. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Блинова О. И., Юрина Е. А. Словарь слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звезгинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. С. 15.
4. Маркова Е. М., Эйсави Б. М. Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 193–204.
5. Маслова В. А. Культурные коды. Как путь описания взаимодействия языка и культуры. Витебск, 2021.
6. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.
7. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1 / Сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2015. 428 с.
8. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.
10. Юрина Е. А., Балдова А. В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
11. <https://argument.kg>
12. <https://www.super.kg>

A. A. Amandykova

Postgraduate student of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin

Bishkek, Kyrgyzstan

amandykova_anara@mail.ru

THE APPEARANCE OF A PERSON THROUGH THE PRISM OF THE FOOD CODE OF CULTURE

Keywords: food culture code, human appearance, metaphorization, language, linguoculturology, food metaphor.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the linguistic and textual embodiment of metaphorical images when describing a person's appearance in the Russian and Kyrgyz linguistic cultures. Phenomena and situations that are metaphorically characterized by food are considered. The universal and culturally specific grounds of metaphorical reinterpretation of culinary products in the Russian and Kyrgyz languages are revealed. Russian and Kyrgyz languages also present a comparative analysis of the food metaphor, its participation in the creation of typical figurative representations of a person's appearance is demonstrated, which in general will help to update and show in a new aspect the corresponding fragment in the Russian and Kyrgyz national language pictures of the world.

СПЕЦИФИКА ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА *МАМЕНЬКИН СЫНОК*

Е. Н. Мурадымова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и культуры речи Ошского
государственного университета
Ош, Киргизия
emuradymova2868@gmail.com

В статье рассмотрены пути лингвокогнитивного и лингвокультурного исследования концепта «маменькин сынок» как специфического ментального явления в русской картине мира.

Лингвистика России и Кыргызстана, по словам М. Дж. Тагаева, вслед за тенденциями развития мирового языкознания активно включается в разработку проблем антропоцентрического направления этой науки, особенно когнитивной лингвистики, интенсивное развитие которой стало характерной чертой современной науки о языке [10: 99]. В изучении проблем языка и мышления, национальной специфики языка, лингвокультурологии постепенно ведущим термином стал когнитивный термин **концепт** [10: 99].

Когнитивная лингвистика (В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, В. А. Маслова, И. А. Стернин и др.) исследует языковые единицы концептов слова как элементы национальной лингвокультуры — в их связях с национальными ценностями этой культуры. В Кыргызстане также наметился интерес к проблемам когнитивной лингвистики, что видно по трудам М. Дж. Тагаева (2004, 2015), З. К. Дербишевой (2009), М. И. Лазариди (2009), К. З. Зулпукарова (2010), Г. А. Мадмаровой (2018) и др. Под руководством профессора З. К. Дербишевой Э. Т. Толоковой защищена кандидатская диссертация о концепте **бала-ребенок** в кыргызском языке (2012).

В языковой культуре русского народа, в быту, в текстах классиков часто можно встретить выражение *маменькин сынок*, давно приобретшее некий концептуальный характер. Изучение концепта *маменькин сыночек* — это актуальная проблема современной науки. В наши дни трафаретными стали постоянные жалобы на инфантилизм юношей, частые сетования на то, что настоящих мужчин становится все меньше, а преобладают женоподобные юноши. Большая часть современных женщин живет с претензиями к мужьям: им бы только лежать на диване, смотреть футбол, хоккей, а если о чем-то попросить, то сразу бегут за советом к маме. Попутно в сознании женщин сформировался некий образ идеального мужчины. Это умный, добрый, заботливый, надежный человек, ну и, естественно, добытчик. Вот далеко не полный перечень качеств, которые хотели бы женщины видеть

Ключевые слова:
*концепт, маменькин сынок,
концептосфера,
картина мира, мать, сын*

в своих мужьях. Идеальный супруг в их представлении должен помогать жене по хозяйству, участвовать в воспитании детей, приносить продукты из магазина и, конечно, обеспечивать безопасность и материальное благополучие семьи, не спорить со своей половиной, во всем ее поддерживать. Вот и задаются люди вопросом: откуда же возьмутся такие идеальные существа? Они ведь не прилетают с других планет, и их невозможно купить в специализированных магазинах. Настоящими мужчинами мальчиков воспитывают с детства, желательно их растить в полной семье. К сожалению, бывают и такие семьи, в которых безвольные отцы все перекалывают на мать, а мамы любят своих чад, балуют их безмерно, вот и вырастают *маменькины сыночки*.

Важно ответить на вопрос: с чего и с кого начинается болезнь *маменькиного сына*? Конечно, сложно сказать, что и как скажется на будущем ребенка, но естественное желание родителей *подстелить соломку* на всех поворотах его жизненного пути точно не сослужит хорошую службу. Психологи и педагоги говорят: излишняя опека лишает самостоятельности, делает человека инертным. Начинается все в раннем детстве, когда ребенок только пытается делать что-то сам. В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля (М., 1984) находим суждения, передающие самые различные грани семейного воспитания, взаимоотношений родителей и детей, матери и сына. Лексемы *мать, сын, дочь* в русском языке имеют свои национальные особенности. В лингвокультуре русского народа нашло отражение первостепенное значение родителей в судьбах детей, особо подчеркивается роль матери в жизни детей. Например, *матернее сердце — в детках; всякой матери свое дитя мило; свое дитя горбато, да мило; мать праведна, ограда камня; при солнце тепло, а при матери добро; нет милей родной матери; отцов много, а мать одна; детки хороши — отцу, матери венец, худы — отцу, матери конец* [ПРН, т. 1, 2]. Народная мудрость запечатлела и такую коллизию: дети вели себя так плохо, что люди вынуждены были говорить: *уродила мама, что не примет и яма* [ПРН, т. 1: 300].

Русский менталитет полагал, что родительская воля, материнская строгость в необходимых формах — это благо для детей. Пусть мать любит свое чадо, но отец и мать обязаны воспитывать ребенка в строгости. Об этой истине говорится в пословицах: *матернины побои не болят; мать и бия не бьет; мать высоко замахивается, да не больно бьет* и др. Образцы паремий русского народа также отражали разницу социально-семейных связей отца-матери и детей, их взаимоотношений. Дочки после замужества становились членами другой семьи, а сыновья обязаны были заботиться о родителях: *Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет* и др. В народе отмечалось: *счастливая дочь — в отца, а сын — в мать; дитя хоть криво, да отцу-матери*

мило (другой вариант: *дитя худенько, а отцу-матери миленько* [ПРН, т. 1]).

В сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1984) в разделе *дети-родины* находим суждения с негативной оценкой баловства детей. Например: *детям не порча игрушка, а порча худая прислужка; засиженное яйцо всегда болтун* (то есть «баловень») [ПРН, т. 1: 298]. В отмеченном сборнике наряду с *матушкин сынок* есть выражение *матушкин запазушник*. Оно обозначает сына, особо оберегаемого матушкой, она укрывает свое дитя за пазухой. Выражение в метафорически переносном плане подразумевает чрезмерно бережное отношение к ребенку в семье, доме. Сходная мысль звучит и в такой пословице: *У отца-матери за пазушкой вырос* (то есть в родном доме жил в холе). Об избалованном сыне говорили так: *что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет* [ПРН, т. 1: 299]; *матушкин сынок, да батюшкин горбок* (и баловень, и упрям) [ПРН]. С ноткой осуждения звучала также пословица: *бычок-третьячок, в подоле выношенный* [ПРН, т. 1: 299].

Подобные воззрения на проблемы воспитания в семье обнаруживаем в текстах русской классической и современной литературы. Они нашли отражение во многих произведениях русской литературы (И. А. Крылов, Д. И. Фонвизин, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и др.). Как уже было отмечено, с концептом *мать* связаны наши представления о домашнем уюте, теплоте, безопасности, об эмоциональной поддержке. И вообще мать — это символ доброты, любви. «*Кто про доброту лишь в уши всем жужит, тот часто только добр за счет других*», — писал И. А. Крылов в басне «Добрая лисица», осуждая двуличие носителей показной заботы. Доброта матерей, как правило, бескорытна. Естественно, встречаем и исключения из правил.

В комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина помещица Простакова временами надевает на себя личину доброй и заботливой матери, но и только. С первых эпизодов зрители видят, насколько в ней много злости, жестокости. Ее слепая материнская любовь испортила характер *маменькина сына* — Митрофанушки Простакова. Драматург в образе помещицы правдиво соединил такие черты характера, как безграничную животную любовь к сыну, смесь наглости и низости, злости и трусости. В конце комедии лишённая всех благ, помещица, она говорит сыну: «Один ты остался у меня, сердечный друг, Митрофанушка». А маменькин сынок грубо отвечает: «Да отвяжись, матушка, так навязалась!» П. А. Вяземский отмечал, что характер матушки Простаковой «хотя вскользь обозначенной, удивительно верен: в нем много русской холопской оригинальности» [3: 192]. Само понятие *недоросль* стало в русской лингвокультуре нарицательным концептом. Митрофанушка не только смешон

и жалок, так как он до 16 лет вольготно рос *недорослем*, а потому не желает ни учиться, ни служить («не хочу учиться, а хочу жениться»). Фонвизинский персонаж стал нарицательным явлением, вечно живым типом. На память приходят строки М. Ю. Лермонтова: «Вот в полуфрачке, раздушенный, временнейших Митрофан, нетесанный, недоученный, а уж безнравственный болван» (М. Ю. Лермонтов. «Тамбовская казначейша»). Классики И. А. Крылов, Д. И. Фонвизин и другие мастера слова начиная с XVIII века предупреждали об опасности, исходящей от подобных *маменькиных сынков*.

Исследователи творчества И. А. Гончарова, автора романа «Обломов» (Н. А. Добролюбов, А. Г. Цейтлин, А. Ф. Захаркин, Е. А. Краснощекова, Б. Юров и др.), отмечают, что язык этого мастера слова выполняет не только коммуникативные, но и экспрессивные функции. Гончаров, как и его великие предшественники Пушкин, Гоголь, уделял большое внимание вопросам языкового мастерства. Черновые материалы свидетельствуют, как прозаик упорно работал над образными средствами языка реалистического романа, нацеленного на развенчание национального недуга — *обломовщины*. Напомним, что впервые читатели о будущем романе узнали из публикации отрывка «Сон Обломова» в альманахе «Литературный сборник» при журнале «Современник» (1849). Автору здесь блестяще удалось набросать контуры будущего характера героя и всего романа.

Вспомним детские годы Илюши Обломова. Вот барчонок проснулся с легким и веселым настроением, ему только семь лет. Няня уже ждет его пробуждения. Она начинает натягивать ему чулочки; он не дается, шалит, болтает ногами. Няня умывает его, причесывает головку и ведет к маменьке, которая осыпает сына страстными поцелуями, потом спрашивает нянечку: покойно ли он спал, не просыпался ли ночью, не метался ли во сне, не было ли у него жару? Во время молитвы перед образом матушка подсказывала ему слова молитвы. Потом мальчика ведут к отцу, потом — чай. Большой штат родственников и гостей подхватывает Илью, осыпая юного барина ласками и похвалами. Затем начиналось кормление его булочками, сухариками и сливочками. Вот и рос Илюша таким хорошеньким, таким красеньким, таким полненьким, с щечками кругленькими — все им и восхищались. Наконец, мать, приласкав, отпускала его гулять в сад, по двору, на луга со строгим наказом няньке не оставлять ребенка одного, не допускать к лошадям и собакам, к козлу, не уходить далеко от дома, а главное — не пускать его в овраг как самое страшное место в околотке, пользовавшееся дурной славой. В овраге, казалось им, — и разбойники, и волки. Но Илья ведь мальчик, ребенок. И ему невтерпех дожидаться предостережений матери, он уже на дворе, он уже успел обежать

крутом родительский дом, с покривившимися постройками и надстройками, с запущенным садом. Ему страсть как хочется взбежать на огибавшую весь дом висячую галерею, чтоб посмотреть оттуда на речку, но галерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только «людям» (то есть простым смертным), а не господам. Мальчик, позабыв запреты матери, уже направился к соблазнительным ступеням, но на крыльце оказалась няня, и шалун бросился от нее к сеновалу с намерением взобраться туда по крутой лестнице. Няня едва поспевала дойти до сеновала, как уже надо было спешить и ловить Илью в ином месте. Надо было помешать его замыслу попасть на голубятню, потом на скотный двор, и Боже сохрани от оврага. «Ах ты, господи, что за ребенок, что за юла за такая? — сетует няня. — Да посидишь ли ты смирно, сударь?»

Концепт *маменькин сынок* формировался на стыке многих проблем педагогики, психологии, семейной этики, быта. Фольклор и литература русского народа содержат самые различные формы сентенций, в которых обобщен опыт народа относительно данного феномена; есть немало причин порождения концепта *маменькин сынок*: это чрезмерная опека, лишение ребенка возможности выполнять посильные вещи, отсутствие отцовского влияния, впрочем, маменькин сынок может появиться и в полной семье при наличии слабовольного отца, полностью подчиненного жене.

И вот так все дни и ночи родители и няни, дядьки в суматохе, бегом за живым, подвижным мальчиком ограничивали в нем энергию жизни. Они ревностно опекают его, носятся за ним с криками: «Не ходи туда! Упадешь! Не лезь туда! Там опасно!..» И кто вырос — мы знаем! Вырос Илья Ильич Обломов, в общем, неплохим человеком. Он честен, порядочен, по-своему добр, но чересчур инертный, всего опасующийся, изо всех сил стремящийся в уютном халате спрятаться от проблем жизни. Сформировалось явление, обозначенное критиком Н. А. Добролюбовым понятием *обломовщина*. А личность Ильи Обломова стала восприниматься как одна из разновидностей концепта *маменькин сынок*.

Оригинально решает проблему родителей и детей применительно к отмеченному концепту

М. Е. Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы». Глава семейства Арина Петровна Головлева единолично правит домом, твердой рукой ведет домашний корабль, противостоя бурям и штормам. Помещица гордо говорит о себе: «Какую машину выстроила!» Мужа она в расчет не принимала, между мужем и женой шла давняя затяжная «война», по-разному относилась мать к своим детям. Их у нее было несколько. С возрастом Арина Петровна поняла правоту народной мудрости: *без детей горе, а с ними вдвое* [ПРН, т. 1: 298]. Первым «удар» нанес Степка-балбес, промотавший дом, подаренный ему родителями. Этот сын спился и умер. Второй сын Павел — такой же неудачник, он возненавидел весь мир, жил в уединении и рано ушел из жизни. А вот Порфирий — самая колоритная фигура из детей Головлевых. Двуличный сын очень рано сумел подобрать ключ к сердцу маменьки, выстроить хитрую стратегию по опутыванию «доброе друга маменьку» паутиной лжи, подхалимства, угодничества. Все его называли Иудушкой, «кровопивцем». Предательство и подхалимство — главные черты в Иудушке по вытеснению «любимой маменьки» из имени и вообще из жизни. Писатель-сатирик создает еще один вариант концепта *маменькин сынок*. В современной литературе такая тип показала в романе «Бриллиант мутной воды» Дарья Донцова (в образе маменькина сына Николая Чуева). Его мать Софья Михайловна давно разошлась с мужем, в институте ее считали старой девой, но неожиданно для всех она родила сына. Умную, интеллигентную даму как будто подменили. Сказать, что она любила его, значит ничего не сказать. Умная, трезвая Соня совершенно неадекватно оценивала своего ребенка. По ее словам, малыш начал проявлять задатки гениальности еще в младенчестве. Подруги не успевали удивляться ее материнским восторгам. «Николаша разговаривает», позже: «мой мальчик — гениальный рисовальщик», «у него музыкальный дар». О сыне она говорила только в превосходной степени: он *самый умный, красивый, талантливый, воспитанный, душевный, заботливый*. Отказывая во многом себе, мать покупала сыну очень дорогие вещи («у моего сына должно быть все лучшее»). Николаша вырос, у него появились девушки, затем сын огорошил мать решением жениться на девице — лимитчице по имени Беата, особе весьма авантюристической в погоне за деньгами. Она сумела вовлечь и Николая Чуева в свои аферы. Маменькин сынок, уставший от опеки двух женщин, замыслил избавиться от обеих. Софья Михайловна заявила сыну: «Женишься только через мой труп!» Вскоре нашли труп Беаты, по подозрению в ее убийстве арестовали Софью Чуеву. Маменькин сын приложил немало усилий, чтобы подозрение упало на его мать. (Беаты уже нет в живых, Соню арестуют, и она умрет в тюрьме, он остается один и на свободе, да еще с хоршими

деньгами.) Органам удается установить истину, кто действительно убил мошенницу Беату и в чем вина маменькина сына Николаша Чуева. Софью Михайловну освобождают из заключения, а ее сын оказывается в тюрьме. Все пережитое Софьей Чуевой доказывает: чрезмерной опекой и любовью также можно взрастить не только маменькина сына, но и циничного преступника.

В текстах ряда русских писателей находим развитие концепта *маменькин сынок*. «Штурман, сперва было считавший юношу за «маменькина сына», присмотревшись к нему, стал иногда водить с ним серьезные разговоры» (К. М. Станюкович. «Мрачный штурман»). «Одетый безукоризненно, в белоснежных воротничках и цветном галстуке — он казался благовоспитанным «маменькиным сынком», закорюченным сладостями, скромным, милым мальчиком» (С. Г. Скиталец. «Огарки»). «Уже появились в рядах немцев старики из запасных гарнизонов и мокрогубые мальчики — «маменькины сынки», набранные на скорую руку...» (Н. С. Тихонов. «Единый боевой лагерь»). «Он (Вячеслав Боровенко) называл ее (жену Елизавету) безумной матерью, готовой ради спасения сына-подонка пожертвовать не только собой, но и другими людьми. Она же называла его *маменькиным сынком*, который с легкостью отдаст на растерзание единственного сына, только чтобы можно было честно смотреть мамочке в глаза» (А. Маринина. «Соавторы»).

Таким образом, концепт *маменькин сынок* формировался на стыке многих проблем педагогики, психологии, семейной этики, быта. Фольклор и литература русского народа содержат самые различные формы сентенций, в которых обобщен опыт народа относительно данного феномена; есть немало причин порождения концепта *маменькин сынок*: это чрезмерная опека, лишение ребенка возможности выполнять посильные вещи, отсутствие отцовского влияния, впрочем, *маменькин сынок* может появиться и в полной семье при наличии слабовольного отца, полностью подчиненного жене. Постоянное нахождение в женской среде формирует комплекс слабобольности и инертного характера, склонного к бесконечным жалобам и обращению за помощью к матери или близким людям, вызывает ощущение, что он и мама — это единое целое, нежелание брать на себя решение жизненных вопросов, постоянное следование советам матери, атрофированный эгоизм (все обязаны исполнять его прихоти), нерешительность. В браке жены неизменно будут ощущать непрочность своего тыла; для женщин целеустремленных и волевых маменькины сыны — это удачный вариант для реализации своих амбиций.

Итак, концепт *маменькин сынок* — значимая категория антропоцентрического языкознания и когнитивной лингвистики. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Айылчиева Д. Т., Бекмуратова А. К. О различиях концептуальной и языковой картины мира // Сб. науч. тр. (ОшГУ, вып. 2). Ош, 2010. С. 99–105.
2. Дербишева З. К. Ключевые концепты киргизской лингвокультуры. Бишкек, 2012.
3. Вяземский П. А. От русского классицизма к реализму: Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов / сост., вст. статья и коммент. Е. Рогачевской. М.: Школа-Пресс, 1994. 192 с.
4. Зулпукаров К. З. Дидактолингвистика как отрасль языкознания // Наука и новые технологии. 2013. № 5. С. 234–235.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Маменькин сынок // Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / АН СССР. Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. 224 с.
7. Маменькин сынок // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 468 с.
8. Николаев П. А. И. А. Гончаров // Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 1990. С. 202–207.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
10. Тагаев М. Дж. Концепт как центральное понятие когнитивной лингвистики // М. Дж. Тагаев. Диалог языков и культур. Бишкек: КРСУ, 2015. С. 99–109.

E. N. Muradymova

prof. faculty of Russian Philology Osh State University

Osh, Kyrgyzstan

emuradymova2868@gmail.com

SPECIFICITY OF LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL STUDY OF THE CONCEPT *SISSY*

Keywords: concept, sissy, conceptosphere, picture of the world, mother, son.

This article discusses the ways of linguocognitive and linguocultural research of the concept *sissy* as a specific mental phenomenon in the Russian picture of the world.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПУБЛИЦИСТИКИ

В. К. Сабирова
доктор филологических наук,
профессор кафедры
всемирной литературы,
зав. магистратурой факультета
русской филологии
по совместительству,
зав. кафедрой иностранных
языков и межкультурных
коммуникаций Ошского
государственного университета
Ош, Киргизия
sabirova_venera@mail.ru

Ключевые слова:
диалог, культура, мнение,
оценка, публицистика,
социум, язык

В межкультурном диалоге важную роль играет публично сказанное слово не только официальных лиц, но и любого ньюсмейкера. Зачастую авторы мнений хотели сказать одно, но их понимают по-другому, поскольку здесь идет разница в интерпретации, понимании и толковании в силу уровня интеллекта воспринимающих людей в социуме. Так как социальный капитал любого общества определяется аксиологической сущностью системы ценностей, то критерии истинной важности их для подавляющего большинства формируются в образовательной среде независимо от возраста человека: от детского сада до докторантуры и курсов повышения квалификации. При анализе лучших педагогических проектов и исследовательских практик важное значение имеют все фидбэки, начиная от первого на эмоциональном уровне до глубокого аналитического, но в любом случае это будут вербальные конструкции, которые складываются в большое поле публицистики, сущность которой здесь анализируется.

■ Введение

Публицистика как жанр журналистики вызывает немало споров. Если одни ученые говорят, что в век информационных технологий авангардными жанрами являются информационные, а другие пытаются за столбить таковыми аналитические, то художественно-публицистическим остается априори только малая часть газетных полос, журнальных страниц и эфирного времени в ток-шоу и творческих программах авторов.

■ Материал и методы исследования

Постараемся для начала определиться со спецификой публицистики как вида словесной деятельности людей. Для этого необходимо собрать все сколько-нибудь ясные, доступные и четко сформулированные определения центральной дефиниции, связанные со словом «публицистика», в одну хронологически выдержанную от середины XX в. до настоящего момента «ленту новостей», высказанных в различных открытых источниках по поводу оной.

■ Результаты обсуждения

Ученый еще советской эпохи В. М. Литвинов считал, что публицистика — «поистине новый, революционный жанр, порождение

социалистической действительности. Прочный сплав идейности и полнокровной художественности» [1: 4].

Е. П. Прохоров в ряде книг пишет, что теория публицистики является молодой наукой, а журналистика и наиболее специфичный для нее род творчества — публицистика — является «наиболее действенным видом литературной пропаганды» [2: 27]. Идея о том, что «в ходе исторического развития публицистика сложилась как особая форма творчества... У этой формы есть свои законы, и они должны быть раскрыты» [3: 8], и сейчас звучит достаточно актуально, потому что этот «вид социальной деятельности» формирует сознание широких масс народа.

Автор ряда книг о публицистике В. В. Ученова называет ее «социальным феноменом и информатором», «особым видом общественно-политической деятельности», «сложной системой с набором определенных ее качеств», «видом информационных связей», «любым обращением к широкой аудитории с целью ее политической активизации», «средством оперативного воздействия на массовую аудиторию», «особым типом социального общения», «инструментом политической деятельности» [4: 3–27].

Рассматривая феномен публицистики в газете, М. С. Черепанов пишет, что «это прежде всего творчество непрофессионалов, творчество масс» [5: 11], «один из источников первичных материалов из всех областей жизни», и утверждает ее сущность как «подлинной энциклопедии современности» [5: 22–43]. Главная особенность ее предмета — «политическое постижение действительности, ее осмысление с точки зрения насущных практических задач общества» [5: 22–23]. Ученый определял публицистику как «особый род литературы» [5: 13], «третий род произведений словесного творчества», выделял особый вид публицистики — художественную, возникающую, «когда общие публицистические свойства сочетаются с художественной образностью» [5: 29]. Он пишет, что писательская публицистика «всецело принадлежит литературе, однако вместе с тем она остается публицистикой. Лиризм и эмоциональность сближают ее с поэзией». Публицистика «остается сама собой независимо от того, где напечатаны произведения», а с журналистикой они «соотносятся как род литературы и способ ее существования» [5: 38, 54]. У В. М. Горюхова публицистика — «высший род журналистики» [6: 23], а М. М. Бахтин назвал ее «современной риторикой» [7: 354].

М. Скуленко считает, что публицистика «соединила в себе черты и научного, и художественного творчества» [8: 14], обосновывая ее силу тем, что она «представляет собой основывающуюся на анализе действительности авторскую оценку,

толкование и обобщение фактов. Свое конкретное воплощение интерпретация находит в том, что публицист что-либо утверждает или отрицает об исследуемых фактах, <...> содержательную основу интерпретации как способа убеждающего воздействия составляют суждения автора» [8: 38].

Публицистика в своем становлении прошла этапы самоопределения автора от «Я и мир. Мир и я» до «Мир во мне. Я — в мире». Публицистичность литературы метрополии и зарубежья проявляется в том, что это голос людских масс. Отсюда канцеляризм в языке и непрофессионализм в поэтике художественной речи авторов.

Другой ученый — Е. Лазебник — солидарен с ним в том, что публицистика «методом анализа и методом обобщения фактов, своей образностью и энергичностью стиля проникает и в научные труды, и в художественную литературу, и в журналистику» [9: 205–206]. Писатель и публицист И. Эренбург считал, что памфлеты — «большой и трудный жанр», «делаются как стихотворения», «требуют большой эмоциональной подготовки чувств» [10: 309]. Публицистика — это «переложение мысли на язык образов», — писал М. Д. Конта, рассуждая об этом жанре в творчестве М. А. Шолохова. По его мнению, писатель использовал средства искусства: пейзажи, диалоги, портреты, параллелизмы, сравнения, манеру эпического и лирического повествования, символы, детали [11: 8].

В. И. Здорова выделяет два смысла термина: широкий (все произведения в СМИ) и узкий (собственно публицистика, а также литературная критика, относящаяся к ней). Он пишет, что «...в теории публицистики есть еще много белых пятен» [12: 316]. Эту мысль можно считать определением актуальной проблемы журналистской науки, ее придерживается ряд современных ученых.

П. П. Каминский пишет, что «публицистика советской эпохи напрямую связывалась с идеологией» [13: 74], что «серьезно дискредитировало само понятие публицистики в журналистской науке постсоветской России, когда теория публицистики практически не разрабатывалась» [14: 207].

Н. Г. Немец определяет интерактивность и диалогичность как признаки публицистического текста, отражающие «его дискурсивную природу, которая как раз находит свое выражение в актуализации взаимоотношений автора и аудитории» [15: 13]. Ссылаясь на французского исследователя Ж. Отье-Ревю, он пишет:

«Творческая индивидуальность публициста способна проявляться и в «особой манере письма», и в «методах подачи информации», и в «тематических ориентациях», и в «особенностях авторского мировосприятия», а также в выбираемой роли. В одном случае перед нами предстает «образ размышляющего автора», а в другом — «лирического героя» [16: 220].

Итак, вполне можно рассматривать публицистику в качестве неотъемлемой и важной части журналистики, представленной в отечественных и зарубежных печатных СМИ, обращая внимание на личностные позиции авторов, которые непременно отражают этническую специфику в своих журналистских материалах.

Публицистика в своем становлении прошла этапы самоопределения автора от «Я и мир. Мир и я» до «Мир во мне. Я — в мире». Публицистичность литературы метрополии и зарубежья проявляется в том, что это голос людских масс. Отсюда канцеляризм в языке и непрофессионализм в поэтике художественной речи авторов. Тем не менее, публицистика в пределах территории и за рубежами Кыргызской Республики существует и развивается. Среди авторов публицистических текстов пока не видно писателя мирового уровня, подобного Чингизу Айтматову, но художественная словесность была, есть и будет первоначально появляться в СМИ, блогах и социальных сетях, скручиваясь и разветвляясь согласно разнообразию тем и идей, подобно палеографическим рукописям.

Становление произведения искусства слова отчетливо проясняет наличие и взаимодействие двух масштабов: с одной стороны, весь мир, люди, Вселенная, а с другой — отдельное, неповторимое, индивидуальное. Особенно четко это проявляется в публицистических жанрах. В истории советской многонациональной литературы было два периода, когда общественно-политические события настолько влияли на литературный процесс, что публицистика буквально «захлестывала» художественный пафос. Это происходило в 1920–1930-е гг. (эпоха Октябрьской революции, Гражданской войны, первые годы социалистического строительства и три «великих кампании» — индустриализации, коллективизации и культурной революции) и в 1960–1980-е гг. (эпоха развенчания культа личности, хрущевской оттепели, освоения целины, строительства БАМа, холодной войны, эпоха расцвета позднего социализма с коллапсом всего «второго мира» — лагеря стран, развивающихся по социалистическому пути развития).

Тема сначала разрабатывалась в публицистике, а потом переходила на «освоение» и «разработку» к жанрам художественной литературы. Так, в 1966 г. выходит повесть Василия Белова «Привычное дело», имевшая громкий резонанс

благодаря разоблачению кабальных условий жизни советских колхозников. Описанием судьбы Ивана Дрынова она показывала начальный этап фиаско коллективизации, о чем писал также А. И. Солженицын. Далее в первом номере журнала «Новый мир» выходит повесть «Белый пароход» Ч. Т. Айтматова с сильным публицистическим подтекстом. Суть его «набатного звона» состояла в том, что нельзя безнравственно относиться к детям и старикам, природа нам обязательно отомстит за губительное обращение. Сам Айтматов назвал повесть «После сказки». В редакции название заменили на более оптимистичный вариант, символ чистоты и надежды. Реакцию читателей писателю пришлось отразить в своей статье на страницах «Литературной газеты», а критик Д. Стариков «застолбил» постулат о том, что теперь художественная литература в большей степени публицистична.

Повесть «Белый пароход» в ее первоначальном варианте — произведение литературы, где показана «малая родина» кыргызов. Это тот самый лесной кордон у озера Иссык-Куль, где в горах обитают белые маралы, когда-то спасшие маленьких детей — родоначальников кыргызского племени бугу. Важный момент в идейном содержании повести состоит в утверждении, что нравственность людей черпается из малой родины, места рождения. Это есть диалог человека с окружающим миром. Существует и популярная кыргызская пословица — «Ааламга жол айылдан башталат» (букв.: «Путь во Вселенную начинается из села»).

Отсюда возникает мысль о том, что если так варварски относиться к своей земле и родным людям, то ничего хорошего уже не будет. Во всех своих последующих произведениях как публицистического, так и художественного характера Айтматов, невзирая на лица и звания, пытался сказать нелицеприятные вещи тем, кто допускал такое отношение. В одном из своих последних телеинтервью он с грустью говорил, что его часто обвиняют в пессимизме, сущении красок. Он это всегда признавал и не отрицал, что его воспринимают как трагического пророка [17].

Или же его повесть «Джамия» («Обон», т. е. «Мелодия»), принесшая ему всемирную славу, поскольку о ее французском переводе, выполненном Эльзой Триоле, младшей сестрой Лили Брик, и подписанном главой французских коммунистов писателем Роменом Ролланом, назвавшим ее «самой прекрасной в мире повестью о любви», также полна неожиданных поворотов и скрытого (или нет?) смысла. Не могла уйти женщина из дома с достатком вслед за нищим раненым солдатом в никуда, но в советские времена это объявлялось (вслед за автором, утверждавшим, что существует реальный прототип)

новым типом освобожденных от вековых традиций адата и семейных устоев женщин — свободных, гордых, независимых. На самом деле это могло быть простой ответной реакцией героини на проявление насилия со стороны воевавшего на фронте мужа в отместку за то, что он ее не дождал во время кыз-куумай, а потом умыкнул перед самой войной, а теперь ни строки не пишет, хотя скорее скучает по ней, но эмоционально скуп, как того требует военная пора. Такую интерпретацию дает американская экранизация этой истории любви.

■ Вывод

Итак, публицистика и связанная с ней публицистичность материалов как наиболее социально ориентированные дефиниции теории журналистики еще ждут своего освоения, анализа и развития. Для простого потребителя информации публицистика служит критерием важности, актуальности, истинности, многозначности, правильности, спорности и ценности. В любом случае, это нравственные ориентиры для жизни каждого здравомыслящего и современного человека в окружающей его реальности. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Литвинов В. М. Мир глазами публициста. М.: Знание, 1967.
2. Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества. М., 1968.
См. также:
Прохоров Е. П. Искусство публицистики. Размышления и разборы. М., 1984. 360 с.
Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М.: РИП-холдинг, 1998. 294 с.
3. Прохоров Е. П. Публицист и действительность. М., 1973. 310 с.
4. Ученова В. В. Гносеологические проблемы публицистики. М.: МГУ, 1971.
См. также:
Ученова В. В. Публицистика и политика. 2-е изд., доп. М., 1979. 271 с.
Ученова В. В. Беседы о журналистике. 2-е изд. М., 2013. 109 с.
5. Черепанов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1971.
6. Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества: Пресса и публицистика. М.: Мысль, 1975.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 354 с.
8. Скулленко М. Убеждающее воздействие публицистики (основы творчества). Киев, 1986.
9. Лазебник Е. Проблемы литературной мастерности в журналистике. Киев, 1965. С. 205–206.
10. Рубашкин А. И. Публицистика И. Эренбурга против войны и фашизма. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 309.
11. Конта М. Д. Публицистика М. А. Шолохова // Вопросы мастерства. Киев, 1960. С. 8.
12. Здоровега В. И. У майстерці публіциста. Львів, 1969. С. 316.
13. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики // Вестник ТомГУ. Томск, 2009. № 1 (5). С. 74.
14. Основные понятия теории журналистики / под ред. Я. Н. Засурского. М.: МГУ, 1993.
15. Немец Г. Н. Публицистика как методологический конструкт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. Выпуск 3. 2010.
16. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
17. Международная медиаконференция: Современные медиа: новые вызовы и риски. М.; Б.: КРСУ, 2014.

V. K. Sabirova

Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature,

Head of the Master's Program at the Faculty of Russian Philology concurrently,

Head of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communications Osh State University

Osh, Kyrgyzstan

sabirova_venera@mail.ru

GENRE SPECIFICITY OF PUBLICISM

Keywords: *dialogue, culture, opinion, assessment, journalism, society, language.*

In intercultural dialogue, an important part is played by the publicly spoken word not only of officials, but also of any newsmaker. Often, the authors of opinions wanted to say one thing, but they are understood differently, because here there is a difference in interpretation, understanding and interpretation due to the level of intelligence of the perceiving people in society. Since the social capital of any society is determined by the axiological essence of the value system, the criteria for their true importance for the vast majority are formed in the educational environment, regardless of a person's age: from kindergarten to doctoral studies and advanced training courses. When analyzing the best pedagogical projects and research practices, all feedback is important, from the first on an emotional level to a deep analytical one, but in any case, these will be verbal constructs that add up to a large field of journalism, the essence of which is analyzed here.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

(корифеи науки об изучении русского языка)

М. И. Лазариди
доктор филологических наук,
профессор Кыргызско-
Российского Славянского
университета
Бишкек, Киргизия
lazaridi_milana@mail.ru

Ключевые слова:
изучение русского языка,
душевная щедрость, любимый
учитель

Статья посвящена корифеям русистики, великим знатокам русского слова, педагогам, воспитавшим достойных учеников, профессорам Льву Аврумовичу Шейману (Кыргызстан) и Моисею Михайловичу Копыленко (Казахстан).

Великие филологи, пропагандисты русского языка, они прожили увлекательную жизнь, заслужили уважение современников и потомков и сумели пронести дружбу через всю жизнь, поддерживая и взаимообогащая друг друга. Оба приехали из Одессы, соответственно в Кыргызстан и Казахстан, преданно служили делу образования и воспитания нового поколения.

Ученым удалось поднять на новую ступень развитие науки, при этом Л. А. Шейман сделал многое для изучения творчества А. С. Пушкина в Кыргызстане, а также создал журнал «Русский язык и литература в киргизской школе», которым руководил 51 год; в свою очередь, М. М. Копыленко инициировал выпуск научных журналов в Казахстане, обучение классическим языкам (древнегреческому и латыни) в научных кружках.

«Дорогу осилит идущий» — девиз М. М. Копыленко стал путеводной звездой для его соратников и учеников.

Русский язык — мировой язык, на котором создана великая литература, язык-посредник, который выполняет великую миссию как язык вселенской души, недаром именно на русском языке написаны лучшие произведения, где описан внутренний мир человека (романы Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского). Показательно, что А. Вежбицкая в числе основных концептов, характеризующих русский язык, выделила следующие: *душа, тоска, судьба* [1: 22–23].

Статья [2] посвящена переписке двух корифеев, представителей науки, посвятивших всю свою жизнь изучению, осмыслению законов и преподаванию русского языка. Это профессор Л. А. Шейман и профессор М. М. Копыленко, которые продемонстрировали не только образец служения науке, но и показали, как можно строить свою жизнь по законам прекрасного, по канонам благородства, всегда поддерживая друг друга. В название статьи вынесены слова из надписи на книге, подаренной М. М. Копыленко Л. А. Шейману: *Ad professorem philologiae purae — donum parvum* (Исповеднику чистой филологии — мой скромный дар). На протяжении десятилетий (с 1957 по 1997 г.) продолжалась переписка великих ученых, до самой кончины М. М. Копыленко. Сохранились письма М. М. Копыленко

Профессор Моисей Михайлович Копыленко

к Л. А. Шейману, ответы, по всей вероятности, утратены. Точных сведений нет.

Следует подчеркнуть, что труды обоих ученых написаны в классической манере, с соблюдением всех канонов научного стиля. И в этом смысле они служат для нас образцом для подражания, не говоря уже о широте кругозора, выборе темы, мастерстве воплощения содержания в слове. Письма М. М. Копыленко — это еще и воспоминания о трудном, но прекрасном времени общения, возможности получить консультации по научным проблемам, научиться тому, как надо выстроить отношения «учитель — ученик», «мужчина — женщина», «муж — жена», «отец — дети»; иначе говоря, как надо проявлять человечность в жизни.

Невозможно переоценить их внимание к ученикам. Таковую заботу не забыть никогда в жизни! Думаю, что и наука пойдет легче и успешнее, если в награду ты получаешь уроки любви и понимания от своих учителей.

Чтобы характеристика ученых была рельефнее, расскажем немного об объекте изучения и тех традициях, по законам которых они строили свою жизнь в науке. Приведем только одну цитату о русском языке, но мысль принадлежит А. С. Пушкину — и этим все сказано. Вот что говорит А. С. Пушкин [3: 118] — гениальный поэт и великий патриот — о богатстве и выразительности русского языка: «Как материал словесности,

язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезмерно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отсюда заимствует он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

Высказывание А. С. Пушкина еще раз дает нам возможность насладиться красотой русского языка, вспомнить об его истоках и еще раз задуматься о судьбе того бесценного дара, который нам суждено сохранить и приумножить.

Какими качествами обладал российский ученый? Безусловно, это широкая эрудиция, высокие профессиональные познания в большом ореоле смежных наук, владение языками, принадлежащими к различным типам по генеалогической и другим классификациям, большая любовь к науке, самоотверженность в отстаивании истины и интересов студенчества. Феноменальные интеллектуальные возможности, помноженные на духовную

одаренность и великолепное знание иностранных языков, приводили к блестящим результатам, плодами которых мы пользуемся до сих пор.

Может быть, душевная щедрость ученого — это наивысшая ценность, которая досталась нам благодаря самоотверженному труду поколений ученых, посвятивших благородной идее просвещения, то есть приобщению юного поколения к свету знаний, всю свою жизнь.

К числу ученых-русистов, воспитавших много поколений учеников, буквально вдохнувших в них любовь и преданность русскому языку, можно назвать выдающихся советских ученых, наших учителей, чьи любовь и забота способствовали и нашему восхождению в науку — М. М. Копыленко, А. Н. Тихонова, Л. А. Новикова, В. В. Морковкина, А. Е. Супруна, П. И. Харакоза, Л. А. Шеймана, Е. К. Озмителя, И. А. Шерстюка, Ф. А. Краснова, Г. С. Зенкова, А. И. Васильева, С. Л. Савченко, П. Н. Денисова и многих других, отдавших благородному делу обучения русскому языку всю свою жизнь. Без такой жертвы языку не научишь.

В научном мире издавна существовали объединения ученых, связанных общностью идеи, одним руководителем, являющимся генератором идей и ведущим за собой целую когорту молодых исследователей. Научные сообщества такого типа получили название научных школ, члены которых назывались чернильными братьями и сестрами — в шутку, конечно.

В нашем регионе (в Казахстане) такой школой руководил один из корифеев современной славистики и общего языкознания Моисей Михайлович Копыленко. В библиографическом указателе, посвященном жизни и деятельности ученого, приводится целый перечень отраслей лингвистики, в которых он плодотворно работал: «Это палеославистика, текстология, общее языкознание (соотношение языка и сознания, социолингвистика, двуязычие, языковые контакты и интерференция, структурная типология языка); сравнительно-сопоставительное языкознание (фразеология, словообразование, синтаксис); лексикография, лингводидактика; культура речи и др.» [4: 7]).

Среди языков и наук, относящихся к области «и др.», назовем классические языки, знатоком которых он был: это древнегреческий и латинский языки и культура. М. М. Копыленко принадлежит перевод «Истории» Льва Дьякона, крупного византийского деятеля. М. М. Копыленко был также знатоком всех важнейших европейских языков, многих славянских, владел родным языком идиш, обучался ивриту, а также казахскому языку.

М. М. Копыленко был прекрасным организатором конференций, куда были приглашены блистательные ученые из различных регионов великой страны, такие как проф. И. Г. Милославский, проф. М. А. Шелякин, проф. Д. С. Чантуришвили, проф.

Р. И. Асфандияров и др. Само присутствие больших ученых, с которыми «вживую» могли встретиться молодые исследователи, было большим стимулом для людей, тоже стремящихся попасть в число «небожителей», служителей чистой науки.

Труды обоих ученых написаны в классической манере, с соблюдением всех канонов научного стиля. И в этом смысле они служат для нас образцом для подражания, не говоря уже о широте кругозора, выборе темы, мастерстве воплощения содержания в слове.

Жизнелюбивый, эрудированный, блестяще образованный — он был настоящим представителем высокого Возрождения и, на наш взгляд, образцом для учеников. М. М. Копыленко подготовил, по его подсчетам, 70 кандидатов и 5 докторов наук (список учеников, написанный его крупным характерным почерком, хранится у его любимого ученика, проф. А. К. Каиржанова).

Уместно вспомнить, каким он был руководителем — заботливым и строгим, не терпящим разгильдяйства. Ученикам он делал замечания, требовал высокого качества, не терпел халтуры, не делал комплиментов в присутствии соискателя и в то же время очень поддерживал их во всех инстанциях, где им могла быть оказана поддержка, не жалея добрых слов в адрес учеников. Уже через несколько лет после кончины руководителя защитили докторские диссертации ученики М. М. Копыленко К. К. Ахмедьяров и автор этих строк. В наши дни, когда осознана необходимость создания научных объединений, вспоминаются имена корифеев советской науки, среди которых достойное место занимает научная школа М. М. Копыленко.

Существующая в Алма-Ате великолепная библиотека ученого была предоставлена в распоряжение соискателей. Библиотека Моисея Михайловича была завещана Институту иностранных языков (ныне Университету МО и МЯ им. Абылай хана). Характеризуя величину и ценность коллекции, можно отметить, что только авторефератов было передано вузу около полутора тысяч экземпляров.

Адресат переписки — профессор Лев Аврумович Шейман — легенда русистики Кыргызстана, пушкинист, классический ученый, талантливый методист, создатель учения о способах преподавания русской литературы в кыргызской школе, умный, вдумчивый руководитель, воспитанный человек, общение с которым окрыляло. Создатель одного из лучших журналов по русскому языку в Советском Союзе, который назывался «Русский

Профессор Лев Аврумович Шейман

язык и литература в киргизской школе». Эта работа проводилась на общественных началах в течение 17 лет. Лев Аврумович был редактором и душой журнала на протяжении 51 года, вплоть до безвременной кончины. Уже в больнице, незадолго до ухода, он выверял гранки журнала. Незабываемое благородство и преданность избранному пути!

Коллекция книг, насчитывающая 13 тысяч томов, была завещана Национальной библиотеке и передана учреждению верными соратницами ученого Валентиной и Ниной Каменецкими, талантливыми русистами, создателями учебников по русскому языку.

Перейдем к описанию событий в письмах. Как следует из содержания переписки, познакомились М. М. Копыленко (далее — М. М.) и Л. А. Шейман (далее — Л. А.) в Одессе; вскоре из Фрунзе в Одессу было послано письмо. Первое письмо было утеряно, а вот открытка (от 25.12.1957), которую Л. А. Шейман послал в Одессу М. М. Копыленко, проделав огромный путь (Фрунзе — Одесса — Алма-Ата), нашла адресата. К этому времени М. М. стал алмаатинцем, уже работал в институте иностранных языков, читал старославянский синтаксис. Л. А. искал материалы по казахстанскому

ученому А. И. Левшину (забегая вперед, скажем, что его труды будут изданы в Казахстане через 160 лет). В этих поисках М. М. ничем не мог помочь как ученый, но посоветовал, к кому надо обратиться, и дал рекомендацию. Удивительно, что письмо, написанное в самом конце 1957 года, не содержит поздравления с Новым годом. Поздравления с праздниками с обеих сторон, конечно, будут, но ведь не это было главным в их содружестве. Знаменательно, что ответ был послан 01.01.1958 г. (на конвертах указано, когда был послан ответ в Алма-Ату. Так работал с информацией проф. Шейман). Письмо М. М. такое теплое, наполненное нетерпеливым ожиданием чего-то светлого. Основная мысль — когда и как произойдет встреча. Радостная встреча. Письмо заканчивается подробнейшим планом — графическим и текстовым, с перечислением улиц (Ленина, Сталина, Черняховского), транспортных средств (авт. № 14, тролл. № 2, № 4), уточнением времени в пути и остановки до дома.

Что объединяло двух великих людей, которые пронесут дружбу сквозь годы и десятилетия, целых 40 лет, до самой кончины М. М. в 1997 г.? «У нас найдется о чем поговорить, да и помочь кое в чем сможем. Ведь как-никак, мы с Вами одновременно и в одном

месте вступили на путь *служения науке*». Вот что опьяняло, вселяло надежду.

Говорят, дружба — любовь без крыльев. Но многие считают, что дружба — это высшее чувство, которое объединяет людей. «*Буду очень рад вас видеть*», «*если будете в Алма-Ате, заезжайте прямо ко мне*»... Это не просто слова. Дом Моисея Михайловича и Полины Исааковны был прибежищем для людей, влюбленных в науку: здесь жили аспиранты и соискатели ученого, получали консультации, пользовались уникальной библиотекой, писали диссертации, пили чай на кухне (голодными из дома никого не выпускали), находя приют и защиту на территории Полины Исааковны после встречи в кабинете со строгим учителем.

В письме от 06.02.1958 г. М. М. подробно излагает причину своего переезда из Одессы (по которой скучал «неимоверно») в Алма-Ату: «*Я решил на этот шаг только потому, что не испытывал желания кончать свой жизненный путь преподавателем гимназической латыни в провинциальном вузе. Ко мне там относились с уважением, но к курсам не допускали; изредка только перепали мне 2–3 дипломных работы по заочному отделению. Зато впрягли меня прочно в университетскую многотиражку, в Ученые записки и часов давали до 800 в год. Наукой я занимался урывками, по ночам, и стимула особого для занятий не было*».

Надо знать, какой энергией обладал М. М., какая у него была тяга к науке, чтобы понять, как тяжело было для него прозябание. В Алма-Ате он «пробивал себе путь зверской подготовкой к лекциям, докладам, научным консультациям и т. п.».

Обсуждая вопросы о работе Л. А. в секторе русского языка НИИ педагогики, о необходимости педагогической работы для ученого, которые сопровождаются мыслями об ученых Киргизии, высоко ценимых М. М.: «*Там у вас есть замечательные лингвисты. Фамилия одного Юдахин, а второго — Батманов. Если знаете, спросите у них, какого мнения они о наличии вида в тюркском глаголе*».

Проблемы тюркологии, как видим из письма, входили в круг интересов М. М. Следует сказать, что в честь 70-летия М. М. была проведена конференция, на которой юбиляр приветствовал участников на казахском языке. Незадолго до этого М. М. рассказывал мне, что посещает лекции на казахском, знаний достаточно, и сам удивлялся, почему он не говорит по-казахски. Но М. М. удалось преодолеть трудности, победить в нелегкой борьбе с изменением сознания в процессе освоения чужого языка. К знанию языков славянских, германских, романских, семитских прибавилось знание языка тюркского, не родственного по генетике с предыдущими языками.

Живо интересуясь проблемами мировой культуры: литературой — «*Утешаюсь Бабелем. Я слышу здесь первоклассным чтецом «Одесских рассказов»...*

«*У меня развился вкус к нему (Пастернаку). У него (М. А. Черкацкого) есть томик, и мы часто его читаем...*», живописью — «*копия “Христос в Эммаусе” из коллекции Ротшильда*», эта копия нужна была Л. А., но найти ее было трудно из-за переезда М. М. в Казахстан; литературной критикой — «*Ваши (Л. А. Шеймана) размышления о Белинском в Трудах Киргизской академии я видел — они производят мощное впечатление*», М. М. восхищался восточной культурой.

В этом же письме (от 21.02.1958 г.) сообщается о поездке М. М. на конференцию фразеологов в Самарканд, где был прочитан доклад о фразеологических явлениях в памятниках переводной литературы в X–XII вв. Нет сомнения, что седой Самарканд, центр высокого образования и культуры, начиная с древнейших времен, не мог оставить равнодушным такого ценителя красоты, как М. М. Кстати, в Самарканде учился великий лексикограф А. Н. Тихонов, в те годы здесь была сильнейшая лингвистическая школа. «*Вот уже настоящая Средняя Азия. Вкусил от древности — почтил гробницу Тимура, обсерваторию Улугбека и прочие достопамятные руины XV в.*»

Здесь вызрели мысли М. М. о назначении искусства, о его сущности: «*Мои воззрения на искусство: полагаю, что при следующей встрече... я буду иметь возможность убедить вас в том, что искусство родилось не как средство пропаганды, что это атрибут его позднейшего происхождения, что он не является обязательным, хотя может присутствовать и даже усилить воздействие прекрасного на ваши чувства...*».

В Самарканде, будучи на одной из лингвистических конференций, организованных А. Н. Тихоновым, и я «вкусил от древности», увидев величайшие культурные ценности. Но что было поразительнее всего и что не забылось, несмотря на годы. В обсерватории Улугбека я увидела портрет античного ученого-энциклопедиста Аристотеля. Именно здесь, в секунду просветления, я поняла, что все различия — временные, национальные, конфессиональные — меркнут перед силой знания, перед братством ученых. Прошлое многому может научить благодарного ученика.

Владение языками является мощным фактором интеллектуального развития, особенно это касается античных языков (древнегреческого и латинского). Недаром выдающиеся филологи Кыргызстана Е. К. Озмитель и А. Е. Супрун собирались поехать в Алма-Ату, чтобы изучать древнегреческий под руководством М. М. (об этом я знаю из беседы с Е. К. Озмилем).

М. М. получил великолепное образование, связанное, в первую очередь, с изучением классических языков. Знал и любил больше не латынь, которой владел превосходно, а сложнейший древнегреческий язык. Произношение было

божественное. Великий эллинист Белецкий был любимым учителем М. М. Я как-то спросила М. М., а нет ли у него «Илиады» Гомера, на что М. М. показал мне потрепанный томик, по-моему, без обложки, и сказал знаменательную фразу: «Эх! Не в то время вы родились!..»

Одна из долгожданных встреч М. М. с Л. А. не состоялась, и причиною явилась работа в кружке по изучению древнегреческого языка. Вот как об этом пишет М. М. в письме (от 21.02.1958 г.): «*Возникло осложнение — кружок-дубль по изучению греческого языка. Этот кружок состоит из 5 человек; я должен их в течение зимнего перерыва довести до уровня основного кружка (8 чел.) с тем, чтобы потом их объединить. В противном случае мне придется тратить на кружок не 4, а 8 часов в неделю. Я сделался жертвой рвения преподавателей института к изучению греческого языка и не могу отлучиться из города хотя бы на 2–3 дня.*»

Хотелось бы описать рвение самого М. М. к изучению древнегреческого языка. Когда в город приехал эллинист С. Д. Лурье, направляющийся из Ленинграда, где разгромили кафедру классических языков, во Львов, М. М. на следующий же день отправился к нему позаниматься языком. Профессор Лурье с радостью провел занятие, обеспокоенный тем, что язык может начать забываться. Как известно, С. Д. Лурье перевел на русский язык

все труды Демокрита, древнегреческого ученого-энциклопедиста, представившего систему наук до Аристотеля.

М. М. работал с кружком, в котором через определенное время остался один ученик, вернее, ученица. Об этом мне рассказала профессор Татьяна Александровна Тулина, с которой я встретила в Уфе на Всесоюзной конференции (1985). Излишне говорить, что все проводилось на голом энтузиазме.

Такова колоссальная заинтересованность, ода-ренность друзей. Люди такого масштаба отличаются необыкновенным трудолюбием, благородством, желанием отдать, а не взять. Думается, что достойная оценка их труда облегчила бы, а может быть, и продлила бы их жизнь. Но путь человека творческого ни при каком строе не усыпан розами, а то, чем занимались друзья, называется «тяжким путем познания».

Наступило время возвращения к истокам. Руководствуясь опытом, приобретенным не только в плане развития интеллекта, но и человеческого тепла и порядочности, можно отправиться в путь для постижения истины.

«Дорогу осилит идущий» — «*Viam supervadet vadens*» — таково любимое изречение М. М. Копыленко. Только на этом пути можно достичь успехов в благородном деле изучения науки, познания мира и культуры через посредство языка. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 22–23.
2. Исповедники чистой филологии (Читая письма М. М. Копыленко из архива Л. А. Шеймана) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2014. № 1. С. 81–86.
3. Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. Соч. Т. XI. С. 31 (1825) // Русские писатели о языке. Хрестоматия / Под ред. А. М. Докусова. Л., 1955. С. 118.
4. Карлинский А. Е., Бушуй А. М. Моисей Михайлович Копыленко // Библиографический указатель по фразеологии, славянскому и общему языкознанию. Самарканд, 1987. С. 7.

M. I. Lazaridi

Doctor of Philology of the Kyrgyz-Russian Slavic University

Bishkek, Kyrgyzstan

lazaridi_milana@mail.ru

THE ROAD WILL BE MASTERED BY THE WALKING (luminaries of the science of the study of the Russian language)

Keywords: *learning the Russian language, generosity of heart, beloved teacher.*

The article is devoted to the luminaries of Russian studies, great experts in the Russian word, teachers who raised worthy students, professors Lev Avrumovich Sheiman (Kyrgyzstan) and Moisei Mikhailovich Kopylenko (Kazakhstan).

Great philologists, propagandists of the Russian language, they lived a fascinating life, earned the respect of their contemporaries and descendants, and managed to carry friendship through their lives, supporting and mutually enriching each other. Both came from Odessa, respectively to Kyrgyzstan and Kazakhstan, devotedly served the cause of education and upbringing of the new generation.

Scientists managed to raise to a new stage in the development of science, while L. A. Sheiman did a lot to study the work of A. S. Pushkin in Kyrgyzstan, he also created the journal “Russian Language and Literature in the Kyrgyz School”, supervised subjects for 51 years; in turn, M. M. Kopylenko initiated the publication of scientific journals in Kazakhstan, the teaching of the classical language (Ancient Greek and Latin) in scientific circles.

“The road will be mastered by the walking one” — the motto of M. M. Kopylenko became a guiding light for his associates and students.

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА Л. А. ШЕЙМАНА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Н. А. Шальгина
преподаватель, специалист
Института русского языка
им. А. О. Орусбаева КРСУ
Бишкек, Киргизия
shalygina_n87@mail.ru

Ключевые слова:
этнокультурология,
лингвокультурология,
методика преподавания
русского языка, методика
преподавания литературы,
лингвистический
анализ текста

В статье излагаются концепция и принципы этнокультуроведческого подхода, разработанного известным методистом и литературоведом Киргизии Л. А. Шейманом. Рассматриваются интерпретации данного метода специалистами, и на основе этого анализа предлагаются различные приемы использования его на обзорных уроках по древнерусской литературе. Значительное место при изучении литературного произведения отводится таким опорным сигналам, как слова — образы и символы, а также безэквивалентная и фоново-коннотативная лексика, подчеркивается роль опорного словаря ключевых слов к уроку. В качестве образца практического применения метода дается описание обзорного занятия по древнерусской литературе для учащихся киргизской школы, разработанного Л. А. Шейманом.

Граждане Киргизии с самого детства так или иначе соприкасаются с русским языком: через массмедиа, соцсети и бытовое общение. Будучи билингвальным, наше общество сталкивается с задачей эффективного преподавания русского языка в школах и вузах. Вопросы методики преподавания русского языка в национальной аудитории поднимались еще со времен образования русско-туземных и новометодных школ на территории страны. В советский период, а если быть точнее — в 70-е гг. XX столетия, как отмечает исследователь К. А. Душеева, в нашей республике обозначился еще более заметный интерес к методике преподавания русского языка в киргизских школах [1: 110].

В настоящее время реалии киргизского образования таковы, что программа по русской литературе в школах значительно сокращена. Русская литература стала составной частью курса «Мировая литература», на изучение которой отводится не более двух часов в неделю.

В аспекте этого интереса стали применяться различные методики приобщения киргизских школьников к русскому языку и культуре.

Профессор Лев Аврумович Шейман

Инструментами обучения русскому языку становятся анализ и понимание художественных произведений русской литературы. Используется концепция понимания языка через литературные образы, символы и лексические якоря. В основе такой концепции лежат идеи методиста и литературоведа Льва Аврумовича Шеймана, который практиковал этнокультурологический подход при изучении художественных текстов русской литературы. В настоящее время данный подход не утратил своей актуальности и активно используется в работах учеников и соратников Л. А. Шеймана. Подобный аспект преподавания русской литературы также представлен в работах В. П. Каиповой, М. Х. Манликовой [6], Г. У. Соронкулова [5].

Большой вклад в изучение русского языка с этнокультурологических позиций внес известный филолог-методист М. Дж. Тагаев. Отводя значительное место изучению литературы в процессе преподавания русского языка, он делает акцент на необходимости объяснения культурных реалий через литературный дискурс: «Логика такого подхода к изучению русского языка и приобщению к русской культуре заключалась в том, что объектом описания и содержанием обучения на уроках русского языка становилась языковая форма, а содержанием уроков литературы — анализ идейно-эстетических достоинств произведений русских классиков» [2: 146–147].

М. Х. Манликова так определяет суть подхода: «Учебное этнокультуроведение — это научно-методическое направление, изыскивающее пути приобщения обучаемых к иноэтнической культуре преимущественно через посредство ее образного языка и на основе учета соотношений между культурами народов, контактирующих в учебном процессе» [6: 5].

Опыт показывает, что один из сложнейших для понимания периодов русской литературы учащимися киргизской школы — этап Средневековья. Эта сложность объясняется в первую очередь спецификой древнерусского языка, особенностями литературы, служившей конкретным целям в Средние века, а также стилем эпохи, к которой относится текст.

Между тем Л. А. Шейман определял задачи этого направления следующим образом: «Учебное культуроведение — приобщение к инонациональной культуре преимущественно на основе образного языка с учетом соотношений между явлениями обеих культур, вступающих в педагогический контакт в процессе школьного освоения второй литературы на языке оригинала» [3: 13]. В данном контексте речь идет именно об изучении культуры этноса, а не страны, как это предполагается в рамках лингвострановедения. При таком подходе к освоению русской литературы важную роль играет понимание картины мира русского народа, разъяснение конкретных исторических и бытовых деталей. Л. А. Шейман отмечает, что «центром этих занятий становится контекст нового уровня, а именно: контекст развития национальной культуры. Естественно, в тесной связи с жизнью народа, с отечественной историей. Включаясь в такой контекст, и сами художественные тексты должны восприниматься по-новому: как составная часть, как важнейший компонент русской национальной культуры, иноэтнической для наших учащихся, но во многом и общеотечественной для народов нашей страны» [3: 12].

Таким образом, по мнению ученого, этнокультурологический подход решает многие задачи преподавания. В первую очередь, ученик в процессе изучения языка через литературу приобщается к иноэтническим духовным и культурным ценностям; также он погружается в стилевые особенности языка через литературный текст; постигает новый художественный мир, в котором отражены нормы, ценности и принципы русской культуры.

В этих условиях перед учениками появляется совершенно новый контекст незнакомой ранее национальной культуры [4].

В настоящее время реалии киргизского образования таковы, что программа по русской литературе в школах значительно сокращена. Русская литература стала составной частью курса «Мировая литература», на изучение которой отводится не более двух часов в неделю. В таких экстремальных условиях, особенно в национальной школе, возникает необходимость поиска эффективных методик (в частности, обращение к приемам организации урока), направленных на пополнение фоновых знаний учащихся, введение их в культурную среду времени изучаемого произведения. В подобной ситуации прекрасным подспорьем являются разработки Л. А. Шеймана, представленные в пособии «Обзорные занятия по русской литературе». Л. А. Шейман дает следующее определение обзорным занятиям: «Обзорным является такое занятие по русской литературе в национальной школе, основное содержание которого составляет формирование у учащихся целостного представления о некоторых, предпочтительно наиболее общих и значимых, особенностях развития стержневых идей этой литературы — в их словесно-образном воплощении, в их тесной связи с историей породившего ее народа и его национальной культуры» [3: 9].

Опыт показывает, что один из сложнейших для понимания периодов русской литературы учащимися киргизской школы — этап Средневековья. Эта сложность объясняется в первую очередь спецификой древнерусского языка, особенностями литературы, служившей конкретным целям в Средние века, а также стилем эпохи, к которой относится текст. Понимание усложняется также и тем, что эта литература неотделима от знаний религиозно-ведического плана.

Л. А. Шейман в пособии «Обзорные занятия по русской литературе» предлагает простую и четкую структуру проведения вводного занятия по древнерусской литературе. Сложность и важность вводных занятий состоит в том, что до учеников необходимо донести особенности древнерусской культуры и литературы в историко-культурном контексте. В разделе «Древняя Русь и ее книжность» ученый рекомендует различные виды интерактивной и творческой работы, так как общее знакомство с особенностями древнерусской литературы должно стать своеобразным базисом, «стартовой площадкой» для последующего понимания и изучения «Слова о полку Игореве». Основным мотивом таких занятий, конечно, должен стать интерес к истории русской культуры.

Первый игровой прием, который предлагает использовать Л. А. Шейман на обзорных и вводных

занятиях по древнерусской литературе, называется «Машина времени». Ученикам предлагается представить себе путешествие в прошлое, в Древнюю Русь, когда литература только зарождалась. Далее предлагается услышать «живой голос» этой литературы, прочитав некоторые отрывки из «Слова о полку Игореве». После чтения ученикам задаются вопросы по содержанию текста: «Какая картина перед вами предстала? Кто эти воины? Кто и когда о них рассказывает?». В процессе беседы учитель добавляет свои комментарии и интересуется мнением учеников. Так происходит интерактивное общение, в результате которого возникает неподдельный интерес к теме и создается мотивация для дальнейшего усвоения материала урока. Следующим элементом урока становится обсуждение особенностей древнерусской литературы.

Перед учителем встает задача объяснения феномена *анонимности* древних русских текстов. Л. А. Шейман предлагает построить разговор таким образом: «Начнем с того, что у каждого человека есть имя: *Иван, Сергей, Садык, Алтын*. Точно так же, как у каждой книжки в наше время есть имя автора. *Кто написал «Дубровского»? — Пушкин. А «Джамилю»? — Айтматов*. Не так было в литературе Древней Руси. Тогда обычно имя автора не ставилось» [3: 38]. После подобного вступления учитель ведет разговор о феномене анонимности и о том, зачем анонимность использовалась авторами Древней Руси.

Вторая особенность древнерусской литературы состоит в том, что эта *литература без дат*. Учитель продолжает сравнение, говоря о том, что у каждого из писателей есть дата рождения, а у современных журналов есть дата выхода в печать. День рождения киргизской профессиональной литературы — 7 ноября 1924 г., дата выхода первой киргизской газеты «Эркин Тоо». Трудно назвать дату рождения древнерусской литературы, так как в то время не ставили на обложках никаких дат.

Следующий пункт характеристики древнерусской литературы, который стоит усвоить ученикам, — *рукописный характер* текстов. Предлагается рассмотреть любую книгу, найдя на ней сведения об издательстве, авторе и годе издания, после чего вернуться к предыдущим особенностям литературы, указав на отсутствие автора, каких-либо дат издания книги, а также на то, что эти книги были написаны рукой, без использования печатного станка. После этого сравнения необходимо дать краткую информацию об Иване Федорове и о создании первых печатных книг.

Следующую особенность древнерусской литературы Л. А. Шейман предлагает назвать так: «*Очень редкая*». Книги были дорогими и сложными в производстве, поэтому их могли

Методика

себе позволить только состоятельные люди. Какие-то из них были в единственном экземпляре, какие-то — в количестве 3–5 единиц! Очень маленький тираж! Со временем некоторые книги могли испортиться или сгореть во время пожара. Какие-то книги были сожжены специально — из-за идей, которые в них содержались. Так, до наших дней дошли только самые важные и дорогие книги.

Одной из таких книг является поэма «Слово о полку Игореве». Чем интересна эта книга и почему она так дорога русской культуре — предлагается узнать на следующем занятии. Но перед окончанием урока педагог ждет ответа еще на один вопрос: «Зачем сегодня читают и изучают древнерусскую литературу?». Для продолжения рассказа необходимо обратиться к реалиям киргизской природы: река Нарын имеет свои истоки в горах Таласского Ала-Тоо — также и русская литература: ее истоки (*булакстар* по-киргизски) — в Древней Руси. Чтобы изучить историю этой литературы, нужны сведения об ее истоках.

Завершить урок следует беседой, воспользовавшись данными из предлагаемого образца.

■ Древнерусская литература

I. Что это такое?

Это очень старая литература. Например, книги Киевской Руси IX века.

II. Зачем ее изучают?

1. Это истоки новой литературы (*жаңы адабияттын башаты*).
2. Это «реки мудрости (*акыл булагы*), напоминающие вселенную (*ааламды*)».
3. Это рассказ о прошлом нашей родины.

III. Ее особенности:

1. Нет имен многих авторов.
2. Нет дат (*даталары жок; дата — бир окуянын анык убактысы*).
3. Рукописная (*кол жазмага таандык, кол менен жазылган*).
4. Очень редкая (*өтө сейрек учуроочу*) [3: 42].

Следующее занятие, которое будет посвящено изучению «Слова о полку Игореве», проходит на основе знаний, полученных на вводном уроке. Так ученикам легче будет сориентироваться в реалиях времени изучаемого произведения.

Особое место при разработке занятий по литературе Л. А. Шейман отводил так называемым словам — образам и эмблемам, рассматривая их в качестве опорных сигналов, ярко отражающих некоторые тенденции какой-либо эпохи. Это определенный пласт лексики, который можно представить следующей системой:

1. Безэквивалентная лексика, или понятийно-безэквивалентная (слова, не имеющие однословных и однозначных соответствий — понятий в ряде

других языков и прежде всего в языке лиц, обучающих данной литературе как неродной).

2. Фоновая, или фоново-коннотативная, лексика (слова с добавочными значениями, выражающими разного рода эмоционально-оценочные стилистические оттенки) [3: 12].

Особую категорию лексики составляют так называемые слова-эмблемы, которые являлись по сути маркерами целой эпохи. К таким лексическим единицам можно отнести слова *колокол*, *топор* и др. Колокола в русской культуре были неизменным символом церкви, религии, малоизвестной в тюркоязычной среде. Колокол в русской картине мира был связан с разными событиями: воскресная служба, похороны, он мог быть сигналом тревоги, если звонил в необычное время (набат). Таким образом, в русской литературе в зависимости от контекста колокол мог быть символом тревоги, радости, благоговения. А в 60-е гг. XIX столетия со словом «колокол» ассоциировалось имя Герцена, издававшего революционную, имевшую большое пропагандистское значение газету «Колокол».

Знание русского языка в современном обществе Киргизии является одним из критериев успешной занятости, получения образования и эффективной коммуникации, поэтому так важно использовать выверенные и наиболее доступные пути к усвоению языка межнационального общения.

Слово *топор* также имеет символическое значение в русской культуре. Этот инструмент как правило связывают с рабочей силой, это символ тяжелого крестьянского труда. Тогда как для кочевого быта киргизского народа не было характерно такое символическое значение этого предмета, потому что киргизский быт не предполагал работу с древесиной в больших количествах — ни ландшафт, ни образ жизни не требовал подобной работы.

Вспомним топор Раскольникова, который становится страшным орудием убийства и не выступает в своей изначальной роли, или топор Герасима как символ труда крестьянина в рассказе И. С. Тургенева «Муму». Без объяснения всех этих символов детям киргизской школы понять текст русской литературы будет очень сложно.

Для упрощения понимания культурно-исторического контекста Л. А. Шейман предлагает к каждому из занятий прилагать опорный словарь, состоящий из ключевых слов с пояснениями на родном языке:

Монастырь — монахтар, кечилдер тобу чогуу турган жай.
Дата — бир окуянын анык убактысы.
Рукописный — кол жазмага таандык, кол менен жазылган.
Церковник — чиркөө (дин) кызматчысы.
Редкий — анда-санда, чанда.
Мудрый — акылман; *мудрость* — акылмандык.
Вселенная — Аалам.
Источник — булак; *источники новой литературы* — жаңы адабияттын булактары.
Путешествие — саякат.

Л. А. Шейман также отмечал, что так называемые эмблемные слова — образы служат надежными интертекстуальными речевыми скрепами, которые связывают ранее изученный материал с новым. Такой опыт был освоен в 70-е гг.

Знание русского языка в современном обществе Киргизии является одним из критериев успешной занятости, получения образования и эффективной коммуникации, поэтому так важно использовать выверенные и наиболее доступные пути к усвоению языка межнационального общения.

Этнокультуроведческий подход, использование на уроках ключевых слов — образов, трактовка культурных реалий и символов, несомненно, относятся к одним из эффективнейших методов изучения русского языка, особенно в национальных школах, где он не является повседневным языком общения и многие культурные реалии русской картины мира просто неизвестны. Изучение языка через литературу открывает перед школьниками огромный новый мир, расширяет границы миропонимания, развивает духовно и эмоционально. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Душеева А. К. Методисты Киргизстана в развитии методики обучения русскому языку // Наука, новые технологии и инновации Киргизстана. 2018. № 4.
2. Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек, 2015.
3. Шейман Л. А. Обзорные занятия по русской литературе. Фрунзе, 1990.
4. Шейман Л. А. Основы методики преподавания русской литературы в киргизской школе. Ч. 1. Пособие для учителей. Фрунзе, 1981.
5. Шейман Л. А., Соронкулов Г. У. Киргизы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина. 3-е изд., пересмотр. и доп. Бишкек, 2004.
6. Этнокультуроведческий анализ художественного текста: Учебно-методическое пособие для самостоятельной работы по дисциплинам лингвокультурологического цикла для бакалавров, аспирантов и магистрантов: В 2 ч. Ч. 2 / ред.-сост. М. Х. Манликова. Бишкек, 2014.

N. A. Shalygina

Lecturer, Specialist of the Russian Language Institute of KRSU

Bishkek, Kyrgyzstan

shalygina_n87@mail.ru

THE ROLE OF THE L. A. SHEIMAN'S ETHNOCULTURAL APPROACH TO TEACHING RUSSIAN LITERATURE IN KYRGYZ SCHOOLS

Keywords: *ethnoculturology, linguoculturology, methods of teaching the Russian language, methods of teaching literature, linguistic analysis of the text.*

The article describes the content and principles of the ethnocultural approach developed by the well-known methodologist and literary critic of Kyrgyzstan L. A. Sheiman. Various interpretations of this method by specialists are described, and on the basis of this analysis, various methods of using it in survey lessons on ancient Russian literature are proposed. A significant place in the study of a literary work is given to such reference signals as word-images and symbols, as well as non-equivalent and background-connotative vocabulary, the role of the key vocabulary of key words for the lesson is emphasized. As an example of the practical application of this method, a description of a review lesson on Old Russian literature for students of the Kyrgyz school, developed by L. A. Sheiman.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕТСКОГО БИЛИНГВИЗМА В ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ БИШКЕКА

З. Ч. Алтыбаева
аспирант кафедры
русского языка, специалист
Института русского
языка им. А. О. Орусбаева
Кыргызско-Российского
Славянского университета
Бишкек, Киргизия
zchurmukova@mail.ru

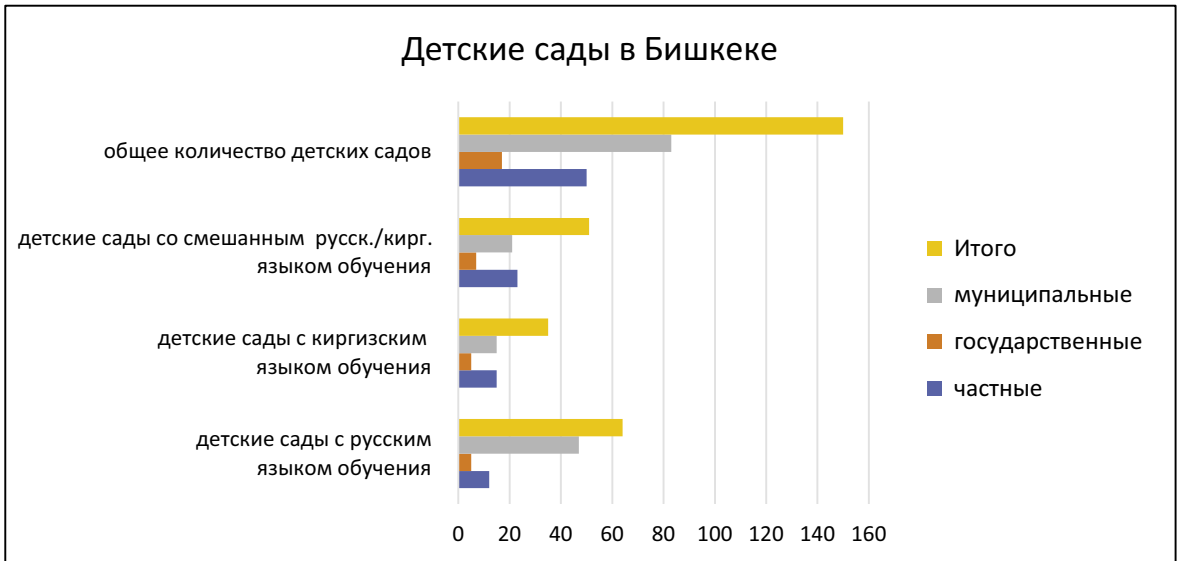
Ключевые слова:
билингвизм, детский
билингвизм, детские сады,
русский язык, киргизский
язык, дошкольное образование

Статья посвящена описанию данных в области детского билингвизма по учреждениям дошкольного образования в г. Бишкеке. Был проведен количественный анализ детских садов с русским, киргизским и смешанным языками обучения, определены предпочтения родителей при выборе детского сада с тем или иным языком обучения, выявлен тип двуязычия, который формируется у детей в результате воспитательного процесса.

Билингвизм — одно из основных условий современной коммуникации, неотъемлемая часть практического и теоретического аспектов жизни каждого человека в нашей стране. Сегодняшний интерес к явлению двуязычия обусловлен потребностями современного общества, рядом экономических, политических, социокультурных факторов, а также процессами глобализации и территориальной мобильности.

Нынешняя тенденция в столице Кыргызстана такова, что большая часть жителей города Бишкека, независимо от национальной принадлежности, безоговорочно выбирает русский язык в качестве языка воспитания и образования. Функционирование детских садов с русским языком обучения и воспитания — это веление времени и ответ на общественные запросы.

Применительно к Кыргызстану изучение русского языка есть средство доступа к знаниям, умениям и навыкам, способ формирования человеческого капитала [4]. Наиболее результативно на формирование человеческого капитала влияет тот язык, на котором накоплен значительный багаж современных знаний по различным отраслям деятельности человека. Эта роль в Кыргызстане традиционно отведена русскому языку, который для большинства граждан страны стал средством доступа к качественному образованию, передовой науке и новым технологиям. Таким образом, трудно переоценить роль и значение русского языка как ведущего компонента двуязычия наших граждан.

Известно, что чем раньше будут заложены основы двуязычия, тем успешнее будет происходить процесс его формирования, поэтому уже на стадии дошкольного воспитания и образования необходимо начинать работу по билингвальному развитию детей. Основы будущей языковой ситуации в Кыргызстане закладываются в семье, детских садах и зависят от языка воспитания и обучения, который используется в воспитательных учреждениях. На процесс формирования двуязычия влияют предпочтения родителей, которые осознанно выбирают детские сады с тем или иным языком, руководствуясь желанием дать детям лучшее языковое воспитание и образование и обеспечить успешное будущее. Этот выбор родителей становится решающим при формировании языковой ситуации, так как дети, усвоившие несколько языков, о чем свидетельствует практика, легче адаптируются в окружающем мире.

В статье отражены результаты нашей работы по сбору и анализу данных по учреждениям дошкольного образования в городе Бишкеке, а также количественному анализу детских садов с русским, киргизским и смешанным языками обучения с целью выяснения следующих моментов:

- 1) чем объясняется предпочтение родителей при выборе детского сада с тем или иным языком обучения;
- 2) какой тип двуязычия формируется у детей в результате воспитательного процесса в учреждениях дошкольного образования;
- 3) с чем связано наличие высокой степени мотивации к изучению русского языка.

По данным наших исследований, в Бишкеке функционирует 150 учреждений дошкольного образования, из них детских садов государственной

формы собственности — 17, муниципальной — 83, частной — 50. Детских садов с киргизским языком обучения всего 35, из них детских садов государственной формы собственности — 5, муниципальной — 15, частной — 15. С русским языком обучения всего 64 детских сада, из них детских садов государственной формы собственности — 5, муниципальной — 47, частной — 12. Со смешанным языком обучения, где есть группы и с киргизским, и с русским языком обучения, всего 35, из них детских садов государственной формы собственности — 7, муниципальной — 15, частной — 21.

Как видно из диаграммы, в Бишкеке преобладают учреждения дошкольного образования с русским языком обучения, выбор в пользу русского языка как языка обучения и воспитания в детских садах предопределяется не только объективными факторами, но и традициями, сформированными в течение вековых контактов киргизского народа с русским языком, культурой и образованием на этом языке.

Нынешняя тенденция в столице Кыргызстана такова, что большая часть жителей города Бишкека, независимо от национальной принадлежности, безоговорочно выбирает русский язык в качестве языка воспитания и образования. Функционирование детских садов с русским языком обучения и воспитания — это веление времени и ответ на общественные запросы. Стоит отметить, что в такие детские сады нередко приходят дети, которые не говорят или плохо говорят на русском языке, к тому же в детских садах подобного типа зачастую воспитателями работают лица местной национальности, которые говорят как на русском, так и на киргизском языках. Соответственно, ими создается билингвальная языковая среда, когда в зависимости от ситуации и цели общения используется тот или другой язык. В повседневном дискурсе вне воспитательного процесса используется киргизский язык, а процессы воспитания и обучения ведутся на русском языке в соответствии с учебным планом дошкольного образования. Следовательно, полного погружения в русскую речевую среду не происходит.

В то же время родители не забывают и про родной киргизский язык. Как видно из диаграммы, в Бишкеке есть детские сады со смешанным языком обучения, в таких учреждениях есть группы, где уроки ведутся на русском языке, и отмечаются группы, в которых занятия проводятся на киргизском языке, а также есть детские сады исключительно с киргизским языком обучения. В таких группах есть дети, которые владеют киргизским языком, но не исключено, что туда могут попасть и те, кто не владеет киргизским языком, дети, которые воспитывались дома на русском языке. Это происходит в тех случаях, когда детей распределяют в государственные детские сады по месту жительства в соответствии с электронной очередью: в какой

группе освободилось место — туда и отдадут детей. В результате дети вне воспитательного процесса выбирают удобный для них русский язык, а занятия ведутся на киргизском языке согласно учебному плану. Следовательно, какой бы ни был язык обучения и воспитания в детских дошкольных образовательных учреждениях, в любом случае создается такая коммуникативная среда, в которой культивируются два языка в детском языковом сознании.

Изучение двух языков непрактично без введения культурного компонента, который обеспечивает погружение в двуязычное учебное пространство, где два языка неразрывны. Культура помогает человеку формировать внутренний мир, творчески реагировать на социальные требования, осознавать свое моральное, эстетическое и политическое значение, принимать решения и делать нравственный выбор.

Таким образом можно сделать следующие выводы:

- 1) детские сады с русским языком обучения и воспитания составляют приоритетный выбор родителей;
- 2) отмечается высокая степень мотивации к изучению русского языка у детей дошкольного возраста;
- 3) имеются билингвальные группы с доминированием русского языка, что приводит к автономному двуязычию, в этих группах киргизский язык слабо представлен, используется в основном в бытовом семейном общении, а коммуникативные и когнитивные функции выполняет русский язык. Здесь представлены дети, которым русский язык прививался с младенчества, они владеют им как родным. Вся их коммуникативная деятельность (общение с родителями, воспитателями, сверстниками, сам процесс обучения и воспитания) осуществляется средствами русского языка. Следовательно, русский язык для них постепенно становится первичным (вместо этнического), а киргизский — вторичным. Таким образом, на примере детей этой категории мы наблюдаем некоторый культурно-языковой сдвиг в сторону русской ментальности, хотя благодаря семейному воспитанию и соблюдению традиций они приобщены и к родной культуре;
- 4) наблюдаются билингвальные группы с доминированием киргизского языка, приводящие к субординативному двуязычию, когда на начальном этапе мир воспринимается через призму родного

языка, однако русский язык с течением времени постепенно укрепляется в языковом сознании и становится основным средством познания мира.

В заключение скажем, что субъектами двуязычного образовательного пространства являются ребенок, родители и учитель. В двуязычном учебном пространстве необходимо развивать навыки взаимодействия между его участниками на двух языках. В силу этого перед педагогами, которые постоянно работают с дошкольниками в двуязычной среде, стоит сложная задача — подготовить детей к жизни в полиэтнической среде и развить их способность к сотрудничеству и диалогу с людьми разных национальностей. Основным направлением этой работы должно стать, на наш взгляд,

этнокультурное и социокультурное формирование личности дошкольника.

Изучение двух языков непрактично без введения культурного компонента, который обеспечивает погружение в двуязычное учебное пространство, где два языка неразрывны. Культура помогает человеку формировать внутренний мир, творчески реагировать на социальные требования, осознавать свое моральное, эстетическое и политическое значение, принимать решения и делать нравственный выбор.

Детский сад нацелен на диалог личности и культуры ребенка. Условия двуязычия определяют специфику поликультурного образования, в котором дети узнают о ценностях русской и киргизской культуры. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб., 2007.
2. Давдян А. С. Формирование личности ребенка в условиях билингвизма // *Modern directions of theoretical and applied researches*. 2015.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект-Пресс, 2000.
4. Нестеров А. К. Человеческий капитал // *Энциклопедия Нестеровых [Электронный ресурс]*. URL: <https://odiplom.ru/lab/chelovecheskii-kapital.html>
5. Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015.
6. Тагаев М. Дж. Состояние и функционирование русского языка в Кыргызской Республике // *Русский язык за рубежом (специальный выпуск)*. Русистика стран СНГ. 2018.
7. Харакоз В. П. На перекрестке культур. Новая литература Кыргызстана. 2010.
8. Чернишкина Е. К. Детское двуязычие как специфический вид билингвизма // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*: В 2 ч. Ч. II. Тамбов: Грамота. 2013. № 7 (25).

Z. Ch. Altybaeva

*Postgraduate at the Russian language department,
specialist of the Russian language Institute of the Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyzstan
zchurmukova@mail.ru*

APPROACHES TO THE STUDY OF CHILDREN'S BILINGUALISM IN PRE-SCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN BISHKEK

Keywords: *bilingualism, children's bilingualism, kindergartens, Russian language, Kyrgyz language, pre-school education.*

The article is devoted to the description of data on pre-school education institutions in the city of Bishkek, quantitative analysis of kindergartens with Russian, Kyrgyz and mixed languages of instruction is conducted, preferences of parents when choosing a kindergarten with a particular language of instruction are determined. It defines the type of bilingualism that is formed in children as a result of the educational process.

ОБОЗНАЧЕНИЕ СЕМАНТИКИ ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТЕ (при изучении предикатов местоположения и адвербиальной лексики на уроке РКИ)

А. Э. Гатина
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Кыргызско-Российского
Славянского университета
Бишкек, Киргизия
gatina-ae@rambler.ru

Ключевые слова:

грамматика говорящего,
полевая модель, семантика
пространства, категориальная
сема, грамматическая
семантика, форма слова,
субъект восприятия, предикат,
глаголы движения, адвербиальные
слова, субстантив,
лингвистический анализ текста

В статье предлагается лингвистический анализ стихотворного текста, демонстрирующий функцию языковой информации грамматических средств в тексте и слов с категориальным значением движения и пространства в структуре текста.

Как известно, деятельностно-коммуникативный и текстоцентрический подходы к обучению русскому языку [6] базируются в теоретическом плане на выработанной в лингвистике полевой модели языка и на представлении о коммуникативно-функциональной «грамматике говорящего». Исходное положение этих теорий объясняет логику речевого поведения говорящего, который, отталкиваясь от коммуникативной задачи, выбирает предлагаемые системой языка соответствующие по назначению языковые средства из круга возможных для выражения определенной семантики [5]. Этот функциональный выбор осуществляется посредством мыслительной операции — так называемой челночной процедуры анализа языка: «от значения — к языковой форме и от языковой формы — к ее значению». На таком подходе к пониманию речевой коммуникации построена теория функционально-семантических полей в языке (А. В. Бондарко и др.) [3]. По сути, теория функциональной грамматики служит основой для методических разработок обучения «активной грамматике» [7]. Кроме того, в коммуникативном обучении нельзя не учитывать прагматический аспект языка, определяющий контекстную семантику единиц в высказывании говорящего. Поэтому все единицы в тексте осмысливаются как мотивированные формой целого текста — продукта речевого творчества — и коммуникативной задачей автора.

В обучении иноязычной аудитории русскому языку преподавателю важно опираться на понимание обозначенных теоретических положений, когда проводится работа с текстом. Это актуально также и в русскоговорящей аудитории при обсуждении роли и функций лингвистической информации, которую несут языковые единицы в тексте.

Обращаясь к художественному тексту для учебных целей, также следует помнить, что в любом тексте воплощаются смысловые доминанты, раскрывающие концептуальную информацию и авторский замысел. Смысловые доминанты порождаются вследствие «сближения» значений слов [4] и выстраивания смысловых рядов лексики в тексте. Не только лексика, но и грамматические (категориальные) значения синтаксических конструкций (моделей) в тексте играют важную роль [8].

Нам представляется, что в обучении иноязычной аудитории русскому языку преподавателю важно опираться на понимание обозначенных теоретических положений, когда проводится работа с текстом. Это актуально также и в русскоговорящей аудитории при обсуждении роли и функций лингвистической информации, которую несут языковые единицы в тексте.

Разберем в свете изложенного показательное стихотворение А. С. Пушкина «Кавказ». Этот текст, на наш взгляд, как нельзя лучше подходит для характеристики семантики пространства в тексте, которая порождается посредством предикатов движения и адвербиальной лексики, а также субстантивов со значением местоположения. Смысловая доминанта этого текста — высота/вертикаль сверху вниз, конусное пространство широты, стремящееся к одной точке, динамичное движение от неподвижности к бурлящей стремительности в тисках громадной тверди и вместе с тем — обозначение присутствия в этом пространстве воспринимающего субъекта, осмысляющего природную стихию как силу, подавляющую и превосходящую волю субъекта, который, однако, способен умозрительно подняться над этой силой, воспарить над неподвижностью твердыни, вырваться за ее пределы вывсь¹.

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движение.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

¹ Мы не ставим сейчас задачу показать методику работы с текстом на уроке (включая предтекстовые упражнения, работу с новой лексикой и т. д.) для конкретной аудитории, а концентрируемся на характеристике пространственной семантики в тексте как пример выявления определенной семантики для демонстрации способов ее воплощения в текстовой структуре, отталкиваясь от понятия поля.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.
(1829 г.)

Первое, на чем строится содержание стихотворения, — это смысловые ряды лексики со значением пространства. В них входят полнозначные слова (наречия, существительные) с семой пространства (обозначающие место), служебные слова (предлоги) и падежные формы слов с грамматическим пространственным значением: *отселе, над снегами, у края стремнины, с вершины, здесь, подо мной, под ними, там ниже, а там, где, а там уж, в горах, по стремнинам, к долинам, где, в берегах, в ущелье, где*.

Все эти единицы указывают также на пространственную позицию воспринимающего субъекта (местоимение в форме 1-го лица — *я, мной*).

Другой ряд единиц, воплощающих пространственную семантику и организующих денотативное содержание текста, составляют предикаты движения и других активных действий, которые в этом смысловом ряду сближаются по семантике с семантикой движения, ср.: *орел парит, скачут олени, птицы щебечут, люди гнездятся, ползают овцы, пастырь нисходит, наездник таится*.

Собранные в смысловой ряд 'движения' обозначения ситуации (субъект и его действие) соотносятся в тексте с субъектом восприятия, который оценивает характер названных действий «с высоты птичьего полета»: *орел... парит неподвижно со мной наравне, овцы ползают* (как букашки), *люди гнездятся* (как птички) и др.

Семантика восприятия окружающего пространства в тексте порождается благодаря называнию процессуального действия агенса (*стою*) и его местоположения: *Один в вышине / Стою над снегами у края стремнины* (<и вижу>). Этот субъект мыслится как наблюдатель активных действий других агентов (в природном наземном мире). Таким образом создается противопоставление двух пространств — над землей, высоко в небе и на земле. То, что относится к верхнему пространству, обозначается иначе — с помощью пропозициональных существительных, отглагольных абстрактных словосочетаний, выражающих сему «начала начал»: *потоков рожденье, обвалов движение*.

Методика

В нижнем пространстве самыми подвижными видятся наблюдателю реки: *мчится Арагва, Терек играет*. Однако их бурные динамичные потоки на земле крепко сдерживают, не дают вырваться и суживают неподвижные каменные громады гор. Только *в вышине* (над горами и *над снегами*) — там, где представлен сам наблюдатель, существует безграничный простор во все стороны по горизонтали. Такая свобода доступна разве что только орлу и воображению человека.

В процессе чтения текста на уроке можно продемонстрировать разнообразные языковые средства языка для выражения определенной семантики (как, например, пространства) и показать функциональное назначение лингвистической информации грамматических форм, а также группировку лексики на основе какой-то категориальной семантики.

Совершенно противоположный образ пространства создается (выражен языковыми средствами) в тексте А. С. Пушкина «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

Смысловая доминанта текста создается восклицательными синтаксическими конструкциями с ярко выраженной желательной модальностью в экспрессивной форме:

Туда б <...> подняться! Туда б <...> скрыться! [5].
Пространство в тексте изображается по вертикали снизу вверх¹.

Указательное местоименное наречие с пространственным значением отсылает к контексту, где лексическими средствами и грамматической падежной семантикой словоформ со значением места изображается само это пространство:

¹ Там, вверху, видится лирическому герою спасение, опора и уединение (*ковчег, брег, келью*), но это невозможно (ирреальная модальность: *Туда б <...> скрыться*).

Слова с пространственной семой	Грамматические формы слов с пространственным значением направления движения или места
<i>Казбек</i>	<i>в соседство</i>
<i>высоко</i>	(вин. падеж с предлогом)
<i>над семью гор</i>	<i>в келью</i>
<i>парит, чуть видный</i>	(вин. падеж с предлогом)
<i>в небе</i>	<i>к вышине</i>
<i>брег</i>	(дат. падеж с предлогом)
<i>далекий</i>	<i>над горами</i>
<i>к вольной вышине</i>	(тв. падеж с предлогом)
<i>в заоблачную келью</i>	<i>над семью</i>
<i>подняться</i>	(тв. падеж с предлогом)
<i>ущелью</i>	<i>в небе</i>
<i>в соседство бога</i>	(предл. падеж с предлогом)

Слова с прямым значением (*высоко, подняться, в небе*), с внутренней формой (*заоблачную*) и переносным значением (*парит, в соседство бога*) дополняются в смысловом ряду ассоциативной лексикой: *шатер сияет лучами; реющий ковчег парит* — которые актуализируют сему 'легкости', 'воздушности'², что так естественно для пространства высоты.

Обобщая, отметим, что в процессе чтения текста на уроке можно продемонстрировать разнообразные языковые средства языка для выражения определенной семантики (как, например, пространства) и показать функциональное назначение лингвистической информации грамматических форм, а также группировку лексики на основе какой-то категориальной семантики. Концентрации разнообразных (разноуровневых) средств языка для выражения определенного содержания способствуют сами закономерности текста как целого, в котором на основе повторной номинации и семантического согласования создаются смысловые ряды и происходит сближение лексических значений слов и грамматической семантики. ■

² Заметим: в отличие от образа Кавказа в предыдущем стихотворении; однако мотив 'вольности и свободы в небесной вышине' здесь повторяется.

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Беседина Н. А., Прохорова О. Н. Функционально-коммуникативный подход при обучении грамматике. Белгород: БелГУ. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/151220949.pdf>
2. Бестаева С. Функционально-коммуникативный подход как один из ведущих подходов в современной методике преподавания ИЯ. URL: <https://znanio.ru/media/funksionalno---kommunikativnyj-podhod-kak-odin-iz-veduschih-podhodov-v-sovremennoj-metodike-prepodavaniya-ija-252525>
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
4. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Г. О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 24–32.
5. Гатина А. Э. Синтаксический разбор в свете парадигматики предложения (Из опыта работы в школе и вузе) // Проблемы преемственности обучения в средней и высшей школе: Материалы научно-методической конференции (9–10 января 2001 г.) / МОиК КР; Кырг.-Российск. Слав. ун-т; Международн. Слав. ун-т (Москва). Бишкек, 2001. С. 321–326.
6. Зологова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
7. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.; Л., 1974.
9. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983. С. 462–483.

A. E. Gatina

Candidate of Philological sciences,

Associate Professor of the Russian Language Department of KRSU

Bishkek, Kyrgyzstan

gatina-ae@rambler.ru

SPACE SEMANTICS IN TEXT (in learning predicates of location and adverbial vocabulary in a Russian as a foreign language class)

Keywords: the Grammar of the speaker, field model, space semantics, categorial seme, grammatical semantics, the form of the word, subject of reception, predicate, verbs of movement, adverbial words, the substantive, text linguistic analysis.

The paper is concerned with the linguistic analysis of poetic text that shows the function of grammatical means language information as well as of words with the categorial meaning of movement and space in the text structure.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

(на материале анализа учебников
по русскому языку и литературе
с 1-го по 11-й класс)

А. Э. Эрнисова
кандидат филологических наук,
зав. центром русского языка
Института русского языка
Кыргызско-Российского
Славянского университета
им. первого Президента РФ
Б. Н. Ельцина
Бишкек, Киргизия
aigerim_ernisova@mail.ru

Ключевые слова:
языковое сознание,
прецедентные феномены,
фреймы и фреймовые модели

В статье проведен анализ ряда школьных учебников по русскому языку и литературному чтению для русской и кыргызской школ с 1-го по 11-й класс. Обращение к этому материалу вызвано тем, что школьные учебники закладывают основы языкового и мифологического сознания личности, благодаря чему создается национальная картина мира в форме прецедентных феноменов, схем, скреп, сценариев, представлений и образов.

Детское языковое сознание формируется из колыбельных песен, сказок и в школьном возрасте — из учебников. Термин «языковое сознание» прежде всего относится к двум наукам: к психологии и лингвистике. Сближение этих наук позволяет проводить исследования в русле когнитивизма. В самом деле, язык и его речевое проявление используются людьми для выражения смысла, отражения состояния сознания, проявления психологического содержания внутреннего мира человека. Сознание людей постоянно и на каждом шагу подвергается словесным воздействиям. Это происходит в каждодневном быту, учебном и воспитательном процессах, на форумах ученых, в политических дискуссиях и обсуждениях.

На наш взгляд, языковое сознание — это информация о мире, которая хранится в виде фреймов в голове человека. Фреймы — это своеобразные феномены, схемы, скрепы, сценарии, закрепленные в языковом сознании человека. Фреймовый анализ позволил нам выявить, какие типы прецедентных феноменов закладываются в сознании школьника, какие из них наиболее употребительны, какие знания несут и какие ассоциации они вызывают.

Объектом лингвокогнитивного анализа явился материал учебников следующих авторов: Т. К. Акматова, С. Е. Бархударова, М. Т. Баранова, Н. П. Задорожной, Л. А. Калужной, В. Г. Каменецкой, Т. А. Ладыженской, Т. Г. Рамзаевой, О. Г. Симоновой, А. Е. Супрун, М. Дж. Тагаева, Л. А. Шеймана и др.

Средства подачи прецедентных феноменов в учебниках разнообразны: через текст, картинки с заданиями, упражнения. Подробнее рассмотрим примеры из учебников.

1. *Через картинки с заданиями.* Например, в учебниках 1-го класса для русской школы¹ содержатся картинки с заданием угадать героев

¹ Русская азбука: Учеб. для 1-го кл. / В. Г. Горецкий, В. А. Кирюшкин, А. Ф. Шанько, В. Д. Берестов. 7-е изд. М.: Просвещение, 2004. 239 с.

сказки или название сказки либо составить по картинкам знакомую сказку. Как мы уже говорили, фреймы хранятся в сознании людей в виде определенных сценариев, схем. Так, школьник может без труда по увиденным картинкам героев сам воспроизвести сказку, потому что в голове у него есть сценарий. Учебник предлагает составить по картинкам всем известную сказку «Репка». Также даются картинки всех героев в одном рисунке с заданием назвать имена героев сказок. Так, в этом учебнике изображены следующие герои: Царевна-лягушка, Баба-яга и т. д. То есть, увидев этих героев, школьник понимает, что речь идет о русских народных сказках.

2. *Через упражнение.* Уже в 1-м классе ученикам русского класса¹ предлагают вставить слова в известную поговорку (прецедентный текст). Например: какие слова пропущены в поговорке *без труда не вынешь и рыбки из ...*

Упражнения на составление предложения с выделенными словами содержат также прецедентные имена. Так, в учебнике для 7-го класса² русской школы: «Что ты, Иван-царевич такой печальный? Василиса Премудрая хитрее и мудрее своего отца уродилась».

3. *Из текста (через контекст).* Так, в учебнике для 4-го класса русской школы³ дан отрывок из произведения А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», где есть прецедентные имена *Баба-яга, Русалка, Кощей, Леший*.

Прецедентное имя *Алдар Косе* также часто присутствует в текстах учебника русского языка для кыргызских и русских школ. Например, в учебнике для 2-го класса кыргызской школы: «... У бая был той. На той пришел *Алдар Косе*...», из учебника для 4-го класса⁴ кыргызской школы: «... Много славных дел совершил *Алдар Косе*. Жадные и несправедливые богачи боялись даже его имени...», еще один пример из учебника для 7-го класса⁵ русской школы: «Как-то *Алдар Косе* встретил Кенжебая — советника хана... Советник сказал: «А уж если ты и впрямь такой умный, так перехитри меня».

¹ Русская азбука: Учеб. для 1-го кл. / В. Г. Горецкий, В. А. Кирюшкин, А. Ф. Шанько, В. Д. Берестов. 7-е изд. М.: Просвещение, 2004. 239 с.

² Русский язык: Учеб. для 7-го кл. общеобразоват. учреждений / Регион. компонент О. В. Алаева, Л. Ю. Ледяева. Бишкек: КРСУ; М.: Просвещение, 2012. С. 72.

³ Калюжная Л. А., Качигулова В. Н. Русский язык. 4-й кл.: Учебник для школ рус. яз. обучения. Бишкек: Билим компьютер, 2015. 160 с.: ил.

⁴ Задорожная Н. П. и др. Русский язык: Учебник для 4-го класса шк. с кырг. яз обучения / Н. П. Задорожная, Ч. М. Музаева, Г. К. Таирова. Бишкек: Аркус, 2015. С. 52.

⁵ Русский язык: Учеб. для 7-го кл. общеобразоват. учреждений / Регион. компонент О. В. Алаева, Л. Ю. Ледяева. Бишкек: КРСУ; М.: Просвещение, 2012. С. 72.

Известная всем сказка «Курочка Ряба» стала не только прецедентным именем, но и прецедентным текстом, сценарий которой известен нам с детского сада. Поэтому и употребление ее в текстах учебников по русскому языку для 1-го класса кыргызской школы⁶ не случайно: «Жили были дед и баба. И была у них курочка *Ряба*...» Еще один пример с данным прецедентным феноменом, только из учебника для 2-го класса кыргызской школы⁷: «... Наташа жила в селе. Она любила ухаживать за птицами. Больше всех она любила курочку *Рябу*...»

На основе анализа прецедентных феноменов в учебниках русского языка и литературы в русской и кыргызской школах были составлены фреймовые модели прецедентных феноменов, отображающих комплекс знаний, которые воспроизводят языковую картину мира школьников. Они представлены в виде модели, центр которой занимает имя фрейма, ближнюю периферию составляют слоты, отображающие первоначальные значения фрейма, а дальнюю — атрибуты, содержащие детальные и ассоциативные характеристики. Путем использования данной методики выявлены наиболее употребительные прецедентные феномены и описаны их фреймовые модели. Примером могут быть модели функционально соотносительных прецедентных имен *Манаса* и *Илья Муромца*, когнитивно-образное содержание которых становится основой для формирования их образов в сознании школьников нашей республики. При чтении русских былин школьники вспоминают все атрибуты, особенности, сценарии, связанные с богатырями, а именно с Ильей Муромцем. Фреймовая модель для прецедентного имени *Илья Муромец* состоит из следующих когнитивных признаков:

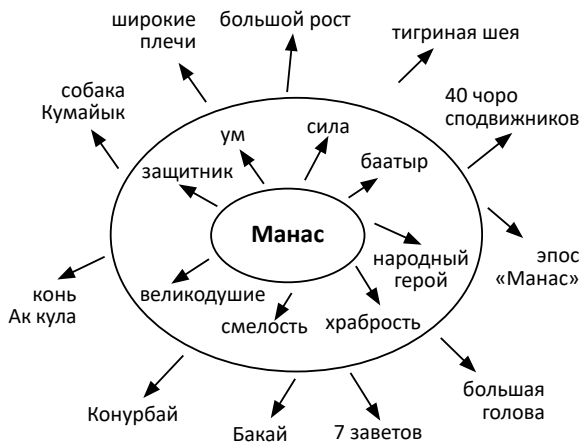
⁶ Кульбаева А., Кульбаева Г. Русский язык: Учебник для 1-го класса школ с кыргызским языком обучения. Бишкек: Кутаалам, 2011. 80 с.: ил.

⁷ Омурбаева Д. К. Русский язык и чтение: Учебник для 2-го кл. шк. с кырг. языком обучения: Ч. 2. Бишкек, 2013. С. 58.

Методика

В сознании школьника первостепенно закладываются знания о том, что *Илья Муромец* — защитник, богатырь, который отличается силой, отвагой, умом, героизмом. В дальней периферии отображаются атрибуты богатыря: меч, кольчуга, доспехи, его конь — Бурушка-Косматушка, друзья-богатыри — Алеша Попович, Добрыня Никитич, его противник — Змей Горыныч, человек, у которого Илья находился на службе — князь Владимир, фольклорный жанр, где мы читаем о богатыре, — былина и картина В. М. Васнецова «Богатыри». Совокупность когнитивных признаков определяет характер и течение дискурса, благодаря которому вскрываются глубинные структуры знания, связанные с прецедентным именем.

В учебниках по русскому языку и литературе герой кыргызского народа *Манас* встречается как в текстах рассказов и легенд, так и в упражнениях. К этому прецедентному имени была составлена следующая фреймовая модель:

В ближней периферии модели содержится информация о том, что Манас, как герой одноименного эпоса, известен школьнику не столько своей физической силой, смелостью и храбростью, сколько как воин (баатыр) и государственный деятель, объединивший 40 кыргызских родов в единый народ (народный герой), как человек, обладающий незаурядными нравственными качествами. Не случайно один из частых эпитетов — выражение Айкөл Манас (Манас Великодушный). Характеристика Манаса как великодушного является одним из его главных когнитивных признаков. Манас — это часть крови и плоти каждого кыргыза, он входит в число эталонных признаков кыргызской ментальности, определяет нормы поведения человека. Дальняя периферия отображает физические данные богатыря: большой рост, большая голова, тигриная шея, широкие плечи, его близких друзей и соратников — Бакай, Конурбай, 40 сподвижников, его коня — Ак кула, собаку — Кумайык. Кыргызская национальная идея и идеология, своеобразный

моральный кодекс кыргызстанца строились на семи заповедях Манаса — эта информация также содержится в дальней периферии модели.

По сравнению с Ильей Муромцем Манас для кыргызов выходит за рамки эпического творчества. Эпос «Манас» выполняет не только художественную и эстетическую функцию, но и идеологическую. «Манас» — часть кыргызской ментальности. Именем Манаса в Кыргызстане названы многие учреждения, организации, улицы, одна из первых кыргызских опер, университет, кинотеатр, одна из высших государственных наград.

Примеров использования образа Манаса в речи кыргызских политиков для реализации волюнтаривной функции языка предостаточно. Так, в одном из выступлений С. Жээнбекова о дипломатических отношениях Кыргызстана с другими странами говорится следующее: «Известно, что Манас Великодушный всегда старался наладить дружеские взаимоотношения со всеми соседними народами» (maralfm.kg., 12.11.2019). Они апеллируют к имени Манаса в дискурсе, так как Манас — это часть языкового существования многих кыргызов. Использование в дискурсе прецедентного имени Манаса вызвано стремлением актуализировать в сознании носителей языка ассоциативно связанные с этим именем когнитивные схемы и фреймы в сознании целевой аудитории. Однако трудно представить, что такая же схема и фрейм, ассоциативно связанные с Ильей Муромцем, также актуальны в сознании носителей русского языка, что делает обращение к этому имени в современном институциональном дискурсе весьма редким и проблематичным. Все потому, что Илья Муромец — сказочный, былинный персонаж и связать его с задачами такого типа дискурса затруднительно, а Манас и его жизнь — сама прецедентная реальность для кыргызского сознания. Образ Манаса для кыргызов живее, реальнее, чем образ Ильи Муромца для русских.

Но все же имеются факты использования прецедентного имени *Илья Муромец* и других былинных образов в бытовом дискурсе и художественном тексте. Сравните: «Отнюдь! Все русские мужчины могучие, как *Илья Муромец*, вдумчивые, как *Добрыня Никитич*, и нежные, как *Алеша Попович*. И душа у них — по-медицинскому «психо» — трепетная-трепетная, ранимая-ранимая. Не то что у баб — жестокая и безжалостная» (Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки)¹. Как видно, обращение к образу *Ильи Муромца* имеет сравнительный характер, но не обладает столь значимой функцией воздействия, как имя *Манаса*.

Эти и другие фреймовые модели показывают, какая культурно-эстетическая информация и мифологическая картина мира могут и должны быть

¹ Соломатина Т. Ю. Акушер-ХА! Байки. М.: Эксмо, Яуза-Пресс, 2011. С. 237.

заложены в языковом сознании выпускников школ. Рассмотрев все прецедентные феномены из учебников русского языка для русской и кыргызской школ, можно сказать, что наиболее употребительные прецедентные имена следующие: *Пушкин, Василиса Прекрасная, Илья Муромец, Баба-яга, Колобок,*

Русалка, Каштанка, Курочка Ряба, Иванушка, Буратино, Репка, Манас, Токтогул, Алдар Косе, Апенди, Кожомкул, Мать-олениха, Акылкарачач. Анализ также свидетельствует, что книги по русскому языку для кыргызских классов насыщены прецедентными именами — как русскими, так и кыргызскими. ■

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Задорожная Н. П. и др. Русский язык: Учебник для 4-го класса шк. с кырг. яз обучения / Н. П. Задорожная, Ч. М. Мусаева, Г. К. Таирова. Бишкек: Изд. Аркус, 2015. С. 52.
2. Калюжная Л. А., Качигулова В. Н. Русский язык. 4-го кл.: Учебник для школ рус.яз. обучения. Бишкек: Билим компьютер, 2015. 160 с.: ил.
3. Кульбаева А., Кульбаева Г. Русский язык: Учебник для 1-го класса школ с кыргызским языком обучения. Бишкек: Кутаалам, 2011. 80 с.: ил.
4. Омурбаева Д. К. Русский язык и чтение: Учебник для 2-го кл. шк. с кырг. языком обучения: Ч. 2. Бишкек, 2013. С. 58.
5. Русская азбука: Учеб. для 1-го кл. / В. Г. Горецкий, В. А. Кирюшкин, А. Ф. Шанько, В. Д. Берестов. 7-е изд. М.: Просвещение, 2004. 239 с.
6. Русский язык: Учеб. для 7-го кл. общеобразоват. учреждений / Регион. компонент О. В. Алаева, Л. Ю. Ледяева. Бишкек: КРСУ; М.: Просвещение, 2012. С. 72.
7. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.
8. Соломатина Т. Ю. Акушер-ХА! Байки. М.: Эксмо, Яуза-Пресс, 2011. С. 237

A. E. Ernisova

Candidate of Sciences in Philology,

Head of the Russian Language Center of the Russian Language Institute of the KRSU named after B. N. Yeltsin

Bishkek, Kyrgyzstan

aigerim_ernisova@mail.ru

PRECEDENT PHENOMENA IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF SCHOOLCHILDREN (based on the analysis of textbooks on the Russian language and literature from grades 1–11)

Keywords: linguistic consciousness, precedent phenomena, frames and frame models.

This article analyzes a number of school textbooks on the Russian language and literary reading for Russian and Kyrgyz schools from grades 1–11. The appeal to this material is due to the fact that school textbooks lay the foundations of the linguistic and mythological consciousness of the individual, thanks to which a national picture of the world is created in the form of precedent phenomena, schemes, braces, scenarios, ideas and images.

ГАЙДАРОВСКИЙ СЛЕД НА КИРГИЗСКОЙ ЗЕМЛЕ

Л. И. Сумароков
кандидат исторических наук,
проректор по информации
и связи с общественностью
Кыргызско-Российского
Славянского
университета им. первого
Президента Российской
Федерации Б. Н. Ельцина
Бишкек, Киргизия
sumarokov_li@mail.ru

В принципе наш рассказ будет интересен тем, кто когда-то читал повесть или смотрел одноименный фильм «Тимур и его команда», трепетно переживал за мальчика Сережу из произведения «Судьба барабанщика» и внимательно слушал трогательную историю о Чуке и Геке. «Кто это?» — спросит поколение Гарри Поттера. Увы, детский мир, созданный Аркадием Гайдаром, в котором по законам добра, справедливости и чести жили миллионы советских мальчишек и девчонок, влюбленные в свою страну и ее великое будущее, остался только в памяти поколения ушедшей эпохи. И тем не менее для всех без исключения мы приоткроем неизвестную — киргизскую — страницу семьи детского писателя.

Известно, что мать Аркадия Петровича, Наталья Аркадьевна Голикова, в девичестве носила фамилию Салькова, происходила из дворян, в родстве у которых был сам Михаил Юрьевич Лермонтов. Под венец с «простолюдином из крепостных» (Петром Исидоровичем Голиковым) она пошла, не получив благословения своего отца — Аркадия Геннадьевича Салькова. Даже назвав первенца, родившегося 22 января 1904 г. (по новому стилю), Аркадием в честь деда, молодая семья не примирилась с родителем — сердце отставного штабс-капитана не растаяло: он отказался признавать внука. На этом и закончилась связь отца и дочери.

Наталья Аркадьевна женщина была целеустремленная. Окончив с золотой медалью гимназию, она мечтала стать врачом, что для женщин в ту пору было фактически делом невозможным. В Нижнем Новгороде она поступила учиться на частные акушерские курсы доктора Миклашевского. Диплом фельдшера-акушерки получила на медицинском факультете Казанского университета, после чего ей предложено было место в больнице Арзамаса, куда семья перебралась в полном составе. Именно из этого города в далеком 1920 г. Наталья Аркадьевна, вступившая к тому времени в партию большевиков и активно занимавшаяся партийной работой, по партмобилизации отправилась с дочерьми Олей и Катей в Туркестан — в Семиречье. До этого места в биографии матери писателя Аркадия Гайдара все известно, далее открывается малоизученная страница.

В постановлении президиума Семиреченского Областного революционного комитета от 26 октября 1920 г. говорилось: «Прибывшая из Центра в распоряжение облревкома т. Голикова Н. А. направляется в распоряжение облздравотдела в Пржевальский отдел здравоохранения». Председатель Пржевальского Угоррев (*уездно-городской революционный комитет*. — Л. С.) Александр Федорович Субботин — именно с ним после ухода из семьи мужа связала судьбу еще в Арзамасе Наталья Аркадьевна — в докладной записке написал: «Крайне необходимо поставить во главе каждого отдела неадекватного партийного работника, но таковых в Пржевальске не имеется».

Исходя из этого, на энергичную Наталью Аркадьевну Голикову дополнительно были возложены обязанности секретаря Пржевальского Угорревкома. В докладе о деятельности ревкома за период

с 15 февраля по 1 апреля 1921 г. говорилось: «Тов. Голикова согласно принципиальному мнению Семиреченского обкома и Облдревкома введена временно секретарем Угорревкома до подыскания секретаря кирработника (*имеется в виду киргизской национальности.* — Л. С.)». Система здравоохранения в Пржевальском уезде в 1920–1921 г. — это одна больница, три врача, несколько человек младшего и среднего медперсонала. Задачи, поставленные перед Пржевальским отделом здравоохранения, оказались более чем глобальные: борьба с малярией и туберкулезом, эпидемиями холеры и сыпного тифа на основе укрепления медико-санитарных учреждений.

Спустя пять месяцев с момента прибытия в Пржевальск (*ныне Каракол.* — Л. С.) Натальи Аркадьевны Голиковой — 21 марта 1921 г. — президиум Пржевальского Угорревкома отмечал наметившийся прорыв на порученном ей участке: «В уезде организована комиссия по борьбе за чистоту. Оборудовано детское заразное отделение при больнице. Приняты меры к ремонту Джетыюгузских и Аксуйских тепловых ключей (*здравницы.* — Л. С.). Возбуждено ходатайство о производстве новых построек при больнице. Производится оборудование дома ребенка. Открыт новый врачебный пункт среди мусульманского населения».

Президиум рекомендовал продолжить наращивание усилий на фронте борьбы за крепкое здоровье трудящихся, а потому решил: «Зав. здравотделом тов. Голиковой выехать по уезду для обследования, где более удобно открыть новые врачебные пункты». Комплексной комиссией, в которую вошла Наталья Аркадьевна, предстояло обследовать три волости южного побережья озера Иссык-Куль — Джетыюгузскую, Барскаунскую и Тонскую по самому различному спектру вопросов. Обследование проходило в период с 1 по 14 апреля 1921 г.

Члены комиссии в ходе изучения положения дел в населенных пунктах Пржевальского уезда проводили сбор сельчан, где разъясняли цели своей работы, выясняли настроения людей, выявляли проблемы. Например, Наталья Аркадьевна «в своем выступлении обращала внимание на состояние медицины в уезде, на то, какие меры принимаются Советской властью, чтобы поставить на ноги работу по обслуживанию населения медициной». Но главной целью ее поездки было составление картины заболеваемости среди населения, определение потребностей в медработниках и медикаментах.

В ходе работы заведующая отделом здравоохранения уезда вела прием больных.

Кажется, все ладится у Натальи Аркадьевны — есть дело, которое по душе, рядом семья, которая согревает, но в мае 1921 г. у нее обнаруживается серьезное заболевание — туберкулез. В связи с болезнью она направляется на лечение в Алупку.

Аркадий Гайдар с матерью Натальей Аркадьевной Голиковой, 1924 г.

Сюда в апреле 1924 г. к ней приезжает сын — будущий детский писатель Аркадий Гайдар.

Об этой встрече он напишет: «Приехал в Алупку к маме и сестришкам и во дворе на раскладной кровати увидел маму: коротко стриженную, худую, — бросил на землю шинель и чемодан и, что-то жалобно крикнув, рванулся к ней. Я стоял на коленях, уткнул голову к ней в одеяло, и она долго гладила меня по волосам своей тонкой, бесильной рукой. Рядом стояли Оля и Катя».

После его отъезда Наталья Аркадьевна прожила еще несколько месяцев. Она похоронена в Алупке, в Воронцовском парке, в братской могиле павших в годы Гражданской войны. На памятнике имена похороненных не указаны. Нет на нем имени и Натальи Аркадьевны Голиковой. Но мы отыскали ее след на киргизской земле. Это значит, что ее должны вспомнить — как человека, волею судьбы оказавшегося в Киргизии и самоотверженно боровшегося за процветание народа горного края и многое для него сделавшего. Все потому, что она искренне верила в тот мир, о котором в своих книгах будет рассказывать ее сын — детский писатель Аркадий Гайдар. ■

*Материал подготовлен на основе документов
Центрального государственного архива
Киргизской Республики и Иссык-Кульского
областного государственного архива
Киргизской Республики*

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДРАМАТУРГИИ МАРА БАЙДЖИЕВА

А. Г. Нарозья
кандидат филологических наук,
ст. преподаватель
Киргизско-Турецкого
университета «Манас»
Бишкек, Киргизия
alla.narozya@manas.edu.kg

Ключевые слова:
драматургия,
социально-нравственные
проблемы, образы-характеры
героев, конфликт, сюжет,
жанр, идейно-художественное
своеобразие

Пьесы известного драматурга Мара Ташимовича Байджиева остры, динамичны, актуальны. В них, как в зеркале, отразилось время и судьбы поколений на протяжении полувека. В статье анализируются пьесы М. Байджиева разных лет с целью проследить отражение в них социально-нравственных проблем, которые воплощаются в системе образов-характеров героев, развитии конфликта и сюжета, жанровом и идейно-художественном своеобразии пьес драматурга. В результате анализа создается достаточно полная картина отражения социально-нравственных проблем в драматургии М. Байджиева 1960–2000-х гг. путем использования разнообразных драматургических приемов и средств.

Мар Ташимович Байджиев (1935–2021) — многогранно одаренная творческая личность. Писатель-биллинг, он драматург, прозаик, сценарист, режиссер театра и кино, переводчик, манасовед, но прежде всего и более всего он драматург. Его пьесы получили союзное, европейское и мировое признание. Они ставились в трех московских театрах, вошли в репертуар более 100 театров Советского Союза, игрались на сценах театров Германии, Польши, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Австрии, Швеции, Финляндии, Монголии, Канады, Коста-Рики и других стран. Более того, они обрели новую жизнь в других видах искусства — в кино, на телевидении, в опере и балете. Мар Байджиев — народный писатель и заслуженный деятель искусств Киргизской Республики, отличник кинематографии СССР, академик Национальной киноакадемии, кавалер ордена «Манас».

В пьесах Мара Байджиева социально-нравственные проблемы 1960–2000-х гг. нашли свое воплощение в образах-характерах героев. Выдвигая на первый план проблемы нравственного характера (добро и зло, совесть и честь, счастье и благополучие, правда и ложь), драматург в подтексте намечает проблемы социального характера (социальное неравенство, преступность, алкоголизм, коррупция, низкий уровень образованности и другие). Обратимся к анализу отдельных пьес кыргызского драматурга разных лет с точки зрения социально-нравственного дискурса.

«Наследники» («Балдар бойго жеткенде») (1964). Это пьеса, которой М. Байджиев открывает свой итоговый сборник драматургических произведений «На сцене» (2005). Заглавие

Писатель и драматург Мар Ташимович Байджиев (1935–2021)

пьесы — «Наследники» — сразу же настраивает нас на социальную направленность произведения. Место действия — город Фрунзе. Пространственные измерения: открытое (городской парк) и закрытое (дом профессора Курманова). Время действия — «конец пятидесятых». В этом аспекте мы обращаем внимание на время действия пьесы. Конец 50-х гг. XX в. — это начало оттепельного периода в жизни советского общества, когда стали воплощаться идеи десталинизации и демократизации, реформирования командно-административной системы. Именно в это время автор пьесы «Наследники» был сверстником своих молодых героев. Более того, его отец — Ташим Байджиев, подобно отцу одного из персонажей — Бекеша, был репрессирован, осужден и сослан в лагерь, где и погиб.

Из пяти наследников — выпускников университета раньше всех определили свои жизненные позиции Чарчы и Джамал. Счастливые Чарчы и Джамал уезжают на работу по распределению министерства в отдаленный район. В финале пьесы Тендик уезжает в Серую долину, являясь на вокзал с рюкзаком за плечами. У последнего, пятого, выпускника университета — Джекшена жизненная позиция не оставляет сомнений в ее безнравственности. Передовой студент, староста группы, борец с аморальностью оказывается человеком с двойной моралью.

Самым молодым наследником в пьесе является 18-летний Маке Курманов, брат Гульбары. Для

матери Зукеш он до сих пор «кутенок», отзывающийся на это обращение возгласом «Тяв-тяв!»; для отца Осмона — иждивенец, «бездарь никчемная»; для общества — тунеядец, т. е. человек, живущий за чужой счет, чужим трудом. Неадекватное поведение Маке, ставшего в оппозицию к обществу, объясняется юношеским максимализмом героя с его обостренным чувством справедливости («Почему нам правды не говорили? Гдали почему? <...> Всюду брехня. Ложь!»¹ [43], однозначным восприятием реальной действительности («Равнодушие, подхалимство, раболепие, блат! Ты — мне, я — тебе. Когда-нибудь будет конец?!» [38], внутренним конфликтом героя с самим собой («Эта трещина между мной и... мной, — говорит Маке, обращаясь к портрету М. Горького “Буревестник”. — Понимаете? Нет? Я тоже...» [24]). Именно этот максимализм доводит Маке до самоубийства, правда, без смертельного исхода.

К числу наследников можно отнести еще одного героя пьесы — 30-летнего Шийкымбая, аспиранта профессора Курманова. Драматург отводит ему служебную роль: от Шийкымбая мы узнаем о прошлом Курманова. Вместе с тем это самодостаточный образ-характер, наделенный типическими чертами приспособленца. Оказывается, наследники

¹ Здесь и далее тексты пьес М. Байджиева цитируются по изданию: Байджиев М. На сцене / Вступ. ст. Ю. Рыбакова. Бишкек: Фонд «Седеп», 2005, с указанием страниц в тексте.

Герои пьесы Мара Байджиева в телеспектакле «Мы — мужчины»: Капитан — Владимир Самойлов, Учитель — Владимир Этуш, Женищина — Ия Саввина (1976)

перенимают у своих предшественников не только позитивные, но и негативные традиции.

Предшественники молодого поколения в пьесе — три действующих лица: семейная пара Курмановых — Осмон и Зукеш (среднее поколение) и персональный пенсионер Константин Петрович (старшее поколение). Для М. Байджиева как автора эпической драмы, избравшего объектом художественного изучения молодое поколение, предшественники важны не сами по себе, а для изображения исторического времени, в котором они формировались, ибо наследники живут в изменяющемся времени, которое формирует новых людей.

Ученый Осмон Курманов формировался в сталинское время, когда наука была крайне политизирована. Вот почему его заставили подписать заключение экспертной комиссии, сфабрикованное против «вейсманиста-морганиста» Токтосуна Абдиева («Не подпишешь — самого накажут» [39]). Затем наступило хрущевское время, когда наука продолжала оставаться частью командно-административной системы. Вот почему Курманов боялся выступить против неэффективной травопольной системы раньше официально признанного ученого Петренко («Он академик, а я всего лишь профессор» [36]). К чести Курманова, он винит не только время, но и самого себя: «Да, я проявил слабодушие — и мучаюсь всю жизнь. <...> Ну, не мог я пойти на героизм! Не всем же выпало быть героями, наконец. Я самый обыкновенный человек. И нужно ли винить человека за то, что он обыкновенный?!» [39].

Расширяя наши знания о предшествующем поколении, М. Байджиев упоминает в разных местах пьесы других его представителей, живых и мертвых. Это: доцент Абдиев — отец Бекеша, — который был огульно обвинен в антимарксизме, осужден и сослан в Сибирь, где и погиб; профессор Жээнбаев, который наотрез отказался ставить свою подпись под обвинением против Абдиева, не отступил от своих идей, но потерял на нервной почве слух и тяжело болен; Саткын Джумабаев, вернувшийся с Великой

Отечественной войны героем; Ахмат Исабаев — академик, делавший операцию Маке после его попытки самоубийства; наконец, поэт Джусуп Турусбеков, погибший на фронте и оживающий в стихотворных строчках, цитируемых в пьесе. Каждый из них и все они вместе взятые способствуют воссозданию картины исторического времени, в котором жили предшественники молодого поколения.

Представителем старого поколения — предшественником старшего — выступает персональный пенсионер Константин Петрович, прообразом которого, по свидетельству М. Байджиева, является академик Константин Кузьмич Юдахин, автор знаменитого «Киргизско-русского словаря». Константин Петрович — человек с богатым жизненным опытом: он был учителем Осмона Курманова и его сверстников, затем ушел на фронт, воевал в Панфиловской дивизии. Его время — «Репрессии. Война. Опять репрессии» [47]. Именно он выступает в качестве героя-резонера, выражающего авторский взгляд на поколение наследников в полемике с профессором Курмановым.

У памятника в Дубовом парке происходит действие первого и последнего (завязка и развязка) сценических эпизодов, а через все другие эпизоды проходит мотив памятника. Сюда, к «святому месту», приходят выпускники университета накануне вступления в самостоятельную жизнь. У памятника Маке знакомится с Константином Петровичем, который приходит сюда, к «своим товарищам», каждый вечер, чтобы зажечь прожектор («Здесь всегда должно быть светло») [25]. Мотив памятника возникает в сцене обвинения Шийкымбаем профессора Курманова («Люди шли в бой, умирали за Родину. А вы... вы...») [36], в горячем бреду раненого Маке («Я знаю, вы идете в бой!.. Защищать Москву. Панфиловцы! Почему забыли меня?») [45]. К памятнику приходит восьмилетний мальчик, чтобы возложить букет цветов к его подножию, а один цветок поднести Константину Петровичу. Здесь же происходит полемический диалог Константина Петровича с Курмановым о молодом поколении. Образно говоря, памятник «Мы шли в бой за Родину!» является центральным «действующим лицом»

Мар Байджиев с артистами Кыргызского драматического театра

в художественной структуре пьесы «Наследники» как эпической драмы.

«Поезд дальнего следования» («Узак сапардагы поезд») (1982, 2004). Пьеса имеет две редакции: 1982 г. и 2004 г. В первой редакции называлась «Последний рейс». Вторая редакция отличается от первой главным образом привязкой жизненных реалий к новому времени действия, продвинутому на два десятилетия вперед. Авторское обозначение жанра — «драма в трех действиях».

Действие пьесы происходит в наши дни: сперва — в купированном вагоне скорого поезда Москва — Бишкек, а потом — в ночной казахстанской степи. Время действия — двое суток после отхода поезда от станции Рязань. Действующие лица: пять пассажиров (Мужчина, Женщина, Девушка, Лейтенант, Полупьяный), Проводница вагона и ее Муж.

Одной из отличительных черт «Поезда дальнего следования» является организация художественного пространства как сюжетообразующего элемента. Наряду с образом замкнутого пространства «вагон» (действие первое и второе) вводится образ открытого пространства «степь» (действие третье). Отсюда отличительная особенность драматургической интриги, которая также состоит из двух сюжетных линий, но развиваются они не параллельно, а последовательно. Первая сюжетная линия представляет собой поведенческий мотив одного из персонажей, который является творцом интриги; вторая сюжетная линия имеет причинно-следственную связь с первой и выступает в качестве развязки драматургической интриги (действие третье). Проследим **поступательное развитие интриги** в ее основных перипетиях.

Действие пьесы начинается одновременно с отходом поезда от станции Рязань. В первом купе вагона размещаются три пассажира; четвертый, севший ранее (Мужчина), крепко спит на нижней полке, которая, согласно купленному билету, принадлежит Женщине. Возникший инцидент объясняет, но не разрешает Проводница вагона. Оказывается, она запомнила, что временно отдала это место Мужчине, у которого билет в другое купе, но занимать его «не велено», хотя и купе, и весь вагон никем не заняты. Мужчина, естественно, уступает место Женщине и перебирается на верхнюю полку, но обидчивая и эмоциональная Женщина долго не может успокоиться. «Закон подлости, — резюмирует она и восклицает в сердцах: — Господи! Все тут против человека» [237]. Через некоторое время Женщина повторяет эту фразу в разговоре с Девушкой: «Все здесь против человека. Запихивать с незнакомым мужиком на несколько суток в тесное купе — тоже можно!» [240], а затем с Лейтенантом: «Все условия для взаимной ненависти. А ей удобно. Все вместе, все в одном купе» [254]. Разумеется, это мелодраматическое преувеличение, но оно художественно мотивировано: сквозная фраза Женщины станет эмоциональным

После премьеры

ключом не только к завязке интриги, но и последующему ее развитию в атмосфере физического и психологического дискомфорта пассажиров.

В амплу персонажа — творца интриги выступает Проводница вагона — женщина немолодая, предприимчивая, корыстолюбивая. Поводом для интриги послужила семейная ссора Проводницы со своим Мужем — пенсионером, человеком старой закалки. Уличив жену в спекуляции водкой, Муж в гневе дошел до рукоприкладства и нанес ей телесную травму — «ушиб твердым тупым предметом в области темени», как значится в справке врача, а по словам Проводницы, «он, гад такой, чайником в меня запустил» [247]. В отместку Проводница решает подать на Мужа в суд, составляет акт и обращается к пассажирам с просьбой подписать его в качестве свидетелей. Таково содержание мелодраматической интриги, перипетиями которой являются персональные переговоры Проводницы с пассажирами о том, чтобы поставить свои подписи под обвинительным документом.

Ведя переговоры, Проводница использует самые разнообразные приемы и средства убеждения. Из пяти пассажиров (пятый — Полупьяный — едет в другом вагоне) под актом подписались трое: Женщина — за предоставление отдельного купе; Полупьяный — за полтора стакана вина; Лейтенант — из-за слабохарактерности. На другом нравственном полюсе оказался Мужчина, отвергнувший все доводы Проводницы. «Ваш муж прекрасный человек, — заявляет он откровенно, а на предъявление ему зримых доказательств рукоприкладства Мужа парирует: — Это вы заслужили» [248].

Безнравственный характер интриги, инициированной Проводницей, имеет в своей основе **разобщение, отчуждение людей в социуме**. С особой наглядностью это проявляется в перипетии, связанной с сюжетной линией Девушки. Девушка — восемнадцатилетняя студентка музыкального училища, невеста Лейтенанта (она зовет его Адиком) — едет с ним к матери, у которой он будет просить руки дочери. Однако Проводница, добиваясь своей корыстной цели, разжигает в ней

Мару Байджиеву — 80! Слева направо: народный поэт Кыргызской Республики Светлана Суслова, народный писатель Кыргызской Республики Мар Байджиев, литературовед Алла Нарозя (2015)

чувство ревности к Женщине, своей мнимой сопернице. И Девушка в стрессовом состоянии покидает вагон на очередной остановке поезда.

Этой подлинно мелодраматической перипетией заканчивается второе действие пьесы. После этого мы покидаем закрытое пространство вагона и оказываемся вместе с Девушкой в открытом пространстве ночной степи. Но Девушка не одинока. Из тьмы возникает еще один пассажир — Полу-пьяный. Станный тип, которого сторонились все пассажиры. Не пьющий, но и не трезвенник. «Вы-пью — хочу жить. А начинаю трезветь — повеситься хочу» [255]. Постоянно просил веревочку — повеситься; дурашливо изрекал расхожие цитаты, пере-вирая их; паясничал, благодаря за услугу: «Мерсики за ваши персики». Свое появление на разъезде объяс-нил коротко: «Я сел не на тот поезд» [260]. В общем, новая мелодраматическая перипетия с непредска-зуемым развитием событий.

Итак, двое в степи. Так можно было бы назвать третье и последнее действие, если бы автор пере-форматировал его в одноактную пьесу. Третье дей-ствие по своей поэтике являет собой образец чи-стой мелодрамы, концентрированное выражение ее

типологических черт. Здесь есть и герои — жертвы предательства со стороны близких и родных людей, и безрассудные поступки героев, и максималист-ские лозунги, и риторические вопросы, и слезы отчаяния.

Нам неизвестно, чем закончилась внешняя (фа-бульная) интрига пьесы, суть которой выражена в словах Женщины: «Все здесь против человека. <...> Все условия для взаимной ненависти» [254]. Но вну-тренняя (идейно-содержательная) интрига обрела свою законченность в словах Девушки в третьем действии: «Двое суток ехали в тесноте, на площа-ди два на два, ссорились между собой, были чужие... А здесь, в бескрайней пустыне, за какой-то час стали родными» [265].

В «Поезде дальнего следования» М. Байджи-ев обогатил палитру художественных приемов и средств, усиливающих эмоциональное воздей-ствие на читателя и зрителя. Отметим некоторые из них.

Аффективная лексика, подчеркивающая отсутствие коммуникабельности между действу-ющими лицами. Из уст интеллигентных людей слетают такие вульгаризмы, как *идиот*, *кретин*,

психопат, маразматик, недоносок, изверг, хануга, притворюга, шлюха, алкаш и др. Особенно употребительно слово дурак (дурень, старый дурак, ненормальная дура, дурак какой-то, дурака не валяй). Вот почему герой-резонер Мужчина в сердцах восклицает в конце второго действия: «Черт-те что! Не вагон, а поезд дураков!» [258].

Морально-поучительная направленность пьесы ориентирована на осуждение социального зла, которое выступает в разных обликах. Один из обликов — вера во всеислие денег в современном обществе. Ее исповедуют и те, кто считает нормой отношений этические принципы типа «Услуга за услугу» или «Ты — мне, я — тебе» (Проводница, Женщина). Другой облик социального зла — это война. Муж Проводницы, подполковник в отставке, воевал в Афганистане. Лейтенант связи рассказывает о трудностях современной армейской жизни. Но самое эмоциональное слово о войне как социальном зле автор вкладывает в уста Женщины, жених которой, спецназовец Сергей, погиб страшной смертью на Кавказе: «Скажите, почему должно быть так! <...> Неужели люди забыли прошлые войны? И почему за амбиции правителей, жажду власти политиков должны расплачиваться жизнью и увечьями простые, мирные люди, старики, вдовы, сироты?» [257].

Антитезой социальному злу выступает добро как положительное начало в нравственности, как этическая норма душевного и духовного мира человека. Удивительный факт: в пьесе, где нарушены коммуникативные связи между людьми, самым употребительным словом является слово *добрый*.

Девушка — о Лейтенанте: «Он только с виду такой шумный. А сам он *добрый*» [250]; о своей матери: «Она самая *добрая*, самая красивая на свете» [265]; о Подушьном: «Я так и знала, что ты *добрый!*» [265]. Авторская ремарка о Девушке: у нее «чистые и *добрые* глаза» [265]. Женщина, вспоминая о своем погибшем женихе, который говорил ей: «Ты *добрая*, красивая» [256], — и она о нем: «Я услышала, как бьется его *доброе* сердце» [257]. (Выделено нами. — А. Н.). Добрый, в понимании героев пьесы, значит нравственный, отзывчивый, душевный, несущий и дающий добро.

«Криминальный случай» («Окуя») (1989). Последняя по времени пьеса М. Байджиева. Авторское обозначение жанра — «драма в двух частях из жизни провинциальной молодежи». Пьеса начинается со сценического эпизода, имеющего (как в эпических произведениях) заглавие — «Финал». Участковый инспектор лейтенант Назаров, представившись читателям и зрителям, сообщает: на его участке случилось ЧП, в результате чего один человек получил огнестрельное ранение, другой погиб. Участники и свидетели криминального происшествия должны подписать акт об убийстве юноши Сагына его другом Темиром, оставленный по результатам предварительного опроса. Однако сегодня никто не признает того, что говорил вчера. У каждого из них своя точка зрения на случившееся, потому что мерилом криминала являются не статьи уголовного кодекса, а нравственные нормы поведения человека в обществе.

Конфликт пьесы многоплановый, многоуровневый. Первый уровень — межличностный

Театральные программки спектаклей по пьесам Мара Байджиева

Самая популярная пьеса Мара Байджиева «Дуэль» (1966) в постановках различных театров

конфликт, второй уровень — мировоззренческий, третий уровень — философский конфликт. Главные стадии развития сюжета, определенные конфликтом, обозначены автором в нумерации и названии частей, присущих эпическим произведениям: I. Преступление; II. Следствие; III. Наказание. По этим стадиям целесообразнее всего проследить движение конфликта **на межличностном уровне**.

I. Преступление. Его совершает юноша Темир, движимый чувством мести за поруганную честь девушки Мариям. Во время охоты на фазанов Темир расстреливает из ружья Сагына, от которого Мариям родила внебрачного ребенка. Обвинение: «Мариям пожертвовала для тебя своей честью, а ты... ты не оценил этого... Ты подлец, Сагын!» [276].

II. Следствие. Его проводит лейтенант Назаров, доставивший Темира в опорный пункт милиции на берегу реки. Темир — в наручниках, посаженный в клетку — ведет себя вызывающе и, подражая официальному тону следователя, подтверждает «факт, имевший место».

III. Наказание. Его, как и обвинение Сагыну, вынес сам Темир после того, как с него было снято обвинение в убийстве. Выстрел Темира оказался несмертельным, и Сагын дал письменное признание: «Выстрел произошел случайно. По моей вине. К Алиеву Темиру претензий не имею» [294]. Но еще до этого Темир встретился с Мариям, которая нанесла ему несколько душевных ран. Эти раны оказались для Темира смертельными, и он, освобожденный правосудием от наказания, подписывает себе нравственный приговор — покончить жизнь

самоубийством. Предсмертная записка Темира гласила: «Сагын, прости меня. Ты был прав. Я очень ошибся. Прощайте» [299].

Конфликт пьесы «Криминальный случай» на межличностном уровне является основой конфликта **на мировоззренческом уровне**, который характерен для эпической драмы. Пьеса отражает общественную жизнь так называемой перестроечной эпохи накануне разрушения Советского Союза. М. Байджиев поставил этой эпохе безжалостный социальный диагноз устами героев пьесы. Политическую ситуацию очень верно схватил Сагын, который вспоминает рассказ деда о том, как в ущелье, где они охотятся с Темиром, в свое время расстреливали басмачей, кулаков и прочих врагов народа, резюмирует: «А теперь, выходит, врагами народа были не те, в кого стреляли, а те, кто стрелял... Длинная рокировка. История повернулась тощей задницей» [273]. А нравственную ситуацию в гротескной форме воспроизвела Мариям в диалоге с Темиром: «Все мы больные! Алкоголики! Наркоманы-токсоманы! Импотенты! Преступники! Педерасты! По земле ползет чума под названием СПИД. Мы уроды с самого корня!» [286].

Вот это уродство — и в физическом, и в социальном значении слова, — разрушающее экологию человека в перестроечную эпоху, и привлекло внимание М. Байджиева. Поэтому главным героем пьесы является экологически нездоровый человек из провинции, где перестроечные процессы проходили болезненнее, чем в центральных районах. Имя его Темир, а прописка в типологической классификации литературных героев — маргинальный герой.

Темир поставлен в ситуацию пограничного состояния и замкнутого пространства. Художественное пространство замкнуто дважды: сначала — в провинциальный мир (вспомним подзаголовок пьесы — «Драма из жизни провинциальной молодежи»), затем — в решетчатую клетку, куда его водворил лейтенант Назаров. Клетка — это образ-символ, выражающий изолированность Темира от общества, его одиночество, несвободу.

Анализ конфликта пьесы **на философском уровне** выводит нас на категории добра и зла. Темир убежден, что, застрелив Сагына, он отомстил за честь Мариям, за честь своей матери и за свою честь, то есть покарал зло. Но совершил ли он этим добро? Ведь он — убийца! И самоубийство Темира — наказание за его заблуждения. Темир заблуждался, полагая, что защищал честь Мариям, своей «богини» и «мадонны», в то время как она не нуждалась в этой защите. Темир заблуждался, полагая, что защищал честь другой «богини» и «мадонны» — своей матери, о которой у него только одно воспоминание — фотография, на которой мать кормит его грудью. Наконец, Темир заблуждался в главном — в том, что человеческие пороки можно искоренить путем уничтожения их носителей. «Ты думаешь, убив Сагына, избавил человечество от пороков? — спрашивает Мариям у Темира и тут же отвечает: — Гений, которого родила та самая мадонна (т. е. Иисус Христос. — А. Н.), сказал, что люди погибнут от собственных пороков» [293]. (Кстати, имя Мариям в мусульманском мире ассоциируется с Богородицей.)

Обращение кыргызского драматурга к библейскому образу Христа для сравнения его с главным героем драмы, наречение героини именем Мариям, уподобление женских образов мадоннам и богиням — все это свидетельствует об общечеловеческом

содержании художественного мира байджиевской пьесы. Социально-философский конфликт пьесы «Криминальный случай» — главный жанровый признак этого произведения как эпической драмы.

Концепция человека в искусстве отражает своеобразие художественного мышления творца, которое, в свою очередь, формируется историческим временем. О том, в какое время рос и формировался М. Байджиев, он поведал в предисловии к журнальной публикации своих автобиографических рассказов: «Детство моего поколения было оглушено канонадой Великой войны, юность была потрясена низвержением идола, от родителей своих, переживших страх и горечь 30-х годов, мы унаследовали травмированную хромосому с хронической жаждой истины и справедливости. За полвека своей сознательной жизни мы успели пройти все девять кругов строительства социализма в СССР, испытав на плечах тяжесть рук шести правителей. Из этих слагаемых и суммировались души и чувства тех, кого сегодня называют шестидесятниками»¹.

Анализируя пьесы Мара Байджиева разных лет, можно представить уровень социального развития общества на протяжении полувека. Художественные характеры героев драматургии Байджиева относятся к разным социальным слоям общества. Художественные обстоятельства, в которые погружает автор своих героев, замкнуты и ограничены. Но вместе с тем через изображение характеров в определенных обстоятельствах можно выйти к широким обобщениям. И самое главное — погрузиться в разрешение социальных проблем через проблемы нравственные, что и является предназначением художественной литературы как вида искусства. ■

¹ Байджиев М. Три рассказа об одном и том же // Литературный Киргизстан. 1990. № 8. С. 3.

■ ЛИТЕРАТУРА:

1. Байджиев М. На сцене / вступ. ст. Ю. Рыбакова. Бишкек: Фонд «Седеп», 2005.
2. Байджиев М. Три рассказа об одном и том же // Литературный Киргизстан. 1990. № 8.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979.
4. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001.

A. G. Narozia

Candidate of Philological Sciences. Kyrgyz-Turkish Manas University

Bishkek, Kyrgyzstan

alla.narozya@manas.edu.kg

SOCIAL AND MORAL ISSUES IN MAR BAIDZHIEV'S DRAMA

Keywords: drama, social and moral issues, character images, conflict, plot, genre, ideological and artistic uniqueness.

The plays of the famous playwright Mar Tashimovich Baidzhiev are sharp, dynamic and topical. They reflect, as in a mirror, the time and destiny of generations during half a century. The article analyses Baidzhiev's plays of different years intending to track down the reflection of social and moral issues that are embodied in the system of character images, conflict and plot development, genre and ideological-artistic uniqueness of the dramatist's plays. As a result of the analysis, a fairly complete picture of the reflection of social and moral issues in M. Baidzhiev's drama of the 1960s — 2000s is created by using a variety of dramatic techniques and means.

ПРЕРВАННАЯ БЕСЕДА О МОЕМ ДРУГЕ

С. Г. Суслова
советская и киргизская
поэтесса,
писатель, переводчик,
член Союза писателей СССР,
член Союза писателей
Киргизии, академик,
народный поэт
Киргизской Республики
Бишкек, Киргизия

Я не могу написать поминальную статью о моем друге. Меня мучают тени прошлого и непонятно откуда взявшееся глубокое чувство вины. Уже два месяца я бьюсь над какими-то сумбурными воспоминаниями юности, а сознание по-прежнему не хочет принимать известия о его смерти. Хотя я была на похоронах и даже говорила какие-то страшные слова, напрочь вылетевшие из головы вместе с троекратным залпом над свежей могилой. И я по-прежнему жду Славиных телефонных звонков, бывает, что и глубоко ночных, с новыми, только что написанными стихами... Новые стихи — самая лучшая новость дня. Этим правилом мы с моим другом руководствуемся всю жизнь.

В ожидании звонка в полвторого ночи я, прикрыв глаза, вижу прозрачный синий от зноя июньский полдень и нас со Славкой, сидящих в тени виноградной беседки и попивающих из заварочного чайника папино самодельное вино, то и дело подливая его в пиалушки. Нам еще нет шестнадцати, и вино тайно экспроприровано нами из сарайчика, где оно «доходит» в огромных булькающих бутылках, терпкое и хмельное, как наша начинающаяся юность...

Мой друг Вячеслав Шаповалов, глазастый, вихрастый и лопухий, тощий настолько, что на спине будто выпирают крылья, будущий народный поэт Кыргызстана, переводчик, этнокультуролог, манасовед, академик, профессор, доктор филологических наук, лауреат Государственной премии КР, Русской премии, премии «Эмигрантская лира» и многих других, кавалер орденов КР «Манас», «Данакер», ордена Дружбы РФ и десятка не менее значимых медалей и дипломов, а ныне только «подающий надежды» начитанный девятиклассник, декламирует, размахивая пиалкой:

Иду по кромочке нагой
 Между добром и злом
 И трогаю босой ногой
 Борьбу воды с песком.
 Ах, мне повсюду говорят,
 Что я на стыке вер!
 А родом я из поварят,
 И мой отец — Гомер.
 Монастыри меня хулят,
 Сулят и ад, и рай.
 А я всего хочу узнать,
 Где у земли есть край...

Я слушаю с замиранием сердца: стихи только родились, они как едва вылупившийся птенец в золотом сиянии еще не оперения, а так, первого пушка. Но как хороши, черт возьми! Слава всегда поражал меня широтой своего взгляда на мир, неожиданностью образов, мощной напористостью духа. Это ошеломляющее впечатление от каждых новых строчек друга я пронесу через всю жизнь. Мы со Славой, сами совсем еще птенцы, уже числимся на особом счету во взрослом литературном объединении «Рубикон». Нас там воспринимают как брата с сестренкой (Слава старше меня на полтора года), и он главенствует в нашем тандеме.

«Рубикон», который прочно вошел в мою и Славикину жизнь, не только перекроил наши взгляды на мир, он перекроил судьбу. Негоже было наивным детям городской окраины, многонациональной Ворошиловской слободки, впитывать в свою юную комсомольскую душу всю ересь молодых гениев, держащих нос по ветру оттепели...

В нашем внутреннем мире наметился большой разлад: мы подвергали молчаливой критике всех подряд: и учителей, и родителей, и одноклассников... За что? — за безропотную веру в догматы, за жизнь «по шпаргалке», за незнание «нелегальных» трактатов вроде «Бесед у лагерного

30 лет назад. С сыном Игорем и старшей дочерью Ириной

костра» Кришнамурти, которые «проглатывались» нами вместо школьной зубрежки.

Мы стали редко бывать дома, вместе со всем «Рубиконом» выступая то в театре, то на сценах колхозных клубов, то в трудовой колонии... Наши первые стихи стали печататься в газетах и журналах.

Руководили «Рубиконом» прозаик Евгений Колесников и поэт Анатолий Бережной, в свое время очень известные литераторы республики. Силами нашего объединения не только обсуждались поэтические опусы рубиконовцев, но и проводились «литературные суды» над новыми книгами, вышедшими в огромной единой стране, называющейся Советским Союзом. Своих книг у нас еще не было, если не считать двух самодельных книжечек, которые мы со Славкой «выпустили», сфотографировав рукописные страницы, отпечатав и шив по паре экземпляров суровыми нитками. Свои «книжки» я, уже первокурсница филфака, подарила нашему преподавателю профессору Михаилу Рудову и студенту-старшекурснику Саше Кацеву, ныне он тоже профессор и декан кафедры международной журналистики КРСУ. Славка одну оставил в своем архиве, вторую во время поездки в Москву подарил знаменитому переводчику Семену Липкину. Липкин, видимо, именно с тех незабвенных шестидесятых следил за творчеством Вячеслава Шапвалова. Два кита советской литературы Чингиз Айтматов и Семен Липкин позже напишут о его творчестве:

...В его стихах тема Киргизии звучит по-новому, впервые на русском языке — изнутри... Отсюда постоянное незримое присутствие Азии. Поэзия Шапвалова — жертвенная попытка сохранить общее культурное пространство /.../. Он как бы сам себе создал образ эпохи, закапсулировался в ней, изобразив на собственной шагреновой коже собственный портрет века. То, что его поэзия наполнена реалиями совершенно иного мира, еще более резко оттеняет ее смыслы: наверное, это своеобразный плач по культуре. Впрочем, сейчас трудно найти большого поэта, который не говорил бы, не плакал бы об этом...

Диалог культур

Но в те времена нам некогда было плакать: жизнь была ключом, как и должно быть в юности. Это после Вячеслав напишет о том «рубиконском» времени, назвав свое ностальгическое стихотворение «Неуслышанная юность наша»:

Жизнь назад зачем-то жизнь свела нас,
Чтоб затем по всеям разбросать,
Толя, Женя, Саша и Светлана,
Звонкие сердца и голоса.
Позабыто столько незабудок,
И в могиле столько бгтия! —
В память переплавился рассудок,
Вновь на крути обратясь своя.
И на берегах у местной Леты
Дрогнут, словно книжные листы,
Милые истлевшие скелеты,
Юные и гордые черты.
Отзвук буколической латыни
В сердце — как игла на полчаса —
Лишь взвоятся ваши молодые
Вечно золотые голоса.
Неуслышанная юность наша,
Что река с собою унесла.
Круговая рыцарская чаша
Серого граненого стекла.
Дней непоправимое скольжение.
Давних звездных вспышек календарь.
Легкая листва стихосложенья.
Ничего не помнящая даль.
Все, что будет нового под небом,
Ни тепла, ни силы не придаст,
Памяти и нежностью, и гневом
Уходя навек из наших глаз.

Об этом времени сложно рассказывать сегодня. Когда я говорю, что мы были счастливы, молодые прячут глаза. Как им рассказать о том нелегком времени, не умаляя его и не приукрашивая?

Собственно, это не моя задача в записках о друге, хотя мы с ним неотделимы от той эпохи фарисейства и разгильдяйства, очередей, попоек, массового увлечения культурой и литературой, партийного жесткого пригляда за идеологией последней... Мы горели, дышали поэзией, заводили новых верных друзей, влюблялись и расставались, каждую радость и печаль вмещая в наши стихи. Печатали нас со Славой редко: мы с ним не всегда вписывались в представления редакторов и цензоров о «правильной поэзии». На томике стихов Бориса Пастернака, счастливо купленном Славой после долгой очереди в книжном магазине на Советской, он экспромтом написал мне: *«На склоне лет у зноя плит не вспомним мы тех мест, где бьют нас. Всему в ответ в большой дали шумит крылами наша юность»*. Слава всегда был мастером экспромтов.

Студенческая жизнь началась для нас со Славой, как нам тогда казалось, не совсем удачно, вернее — не по нашим мечтам. Мы собирались сразу после школьных выпускных махнуть в Москву — поступать в Литинститут. Но этому неожиданно воспротивились родители — и мои, и Славини. Они собрали консилиум, чтобы взвесить все за и против. Мы с другом сидели в саду Шаповаловых, в малиннике, дожидаясь конца родительского «совещания», предчувствуя поражение, и пытались найти весомые доводы своей правоты. Когда наши заплаканные мамы вышли на крыльцо, поддерживаемые суровыми нахмуренными отцами, стало ясно, что все наши еще желания и планы уже потерпели фиаско.

Через пару недель начинались вступительные экзамены в Киргизском государственном университете.

Все экзамены мы оба сдали на «отлично», дружно влившись в бурную студенческую жизнь.

Именно в те годы Слава заявил о себе не только как поэт, но и как будущий ученый. Мы с ним много переводили стихов с кыргызского: наши кыргызыязычные братья по перу с радостью предоставляли для перевода на русский язык свои произведения — опубликоваться в центральной прессе считалось большой удачей. Да и для нас это было не только хорошим финансовым подспорьем, но и настоящей школой мастерства. Потому так и случилось, что мы оба всерьез заинтересовались проблемами художественного перевода: я выбрала эту тему для своей дипломной работы, а Слава, конечно же, размахнулся пошире: под руководством профессора Евгения Кузьмича Озмителя он начал писать кандидатскую, которая позже естественно перешла в докторскую, во множество статей, монографий, учебных материалов, по которым сегодня занимаются студенты нового времени. Через полвека это увлечение и приведет нас со Славой к работе над переводом эпоса «Манас».

В кругу семьи

После блестящей защиты и диплома, и кандидатской, Слава уехал в Пржевальск, еще не ставший Караколом, преподавать в Пржевальском пединституте. Я, уже работавшая тогда корреспондентом республиканской «Учительской газеты», не преминула напроситься в командировку в Пржевальск и была вознаграждена чудесным зрелищем ведущего лекции юного доцента Славы, долгими вечерними посиделками с его новыми друзьями и коллегами. Именно там он встретил свою будущую единственную жену — быстроглазую студентку-татарочку Элю, которая подарила ему сына Игоря и двух дочерей — Иру и Ию. В последние годы его веселая дружная семья как-то рассыпалась — разлетелись по миру повзрослевшие дети: Игорь уехал в Австралию, Ирина — в Москву, младшая Ия обосновалась в Париже. Там же в итоге осела и жена Эля. Слава философски относился к своему одиночеству и в разговорах со мной гордился, что «переплюнул» меня в количестве внуков: у него их было восемь против моих шести... И вообще он был полон юмора, жизнелюбия, хорошего философского

Заслуженные награды

пофигизма, а иногда и сарказма, но все перекрывала его щедрая неиссякаемая любовь — к природе, людям, детям, внукам, друзьям, да и к оставившей жене, просто к уже прожитой жизни, что ярко прорывалось стихах:

Я так давно тебя любил, что и не вспомню, сколько прожил
Один — хоть и с тобой вдвоем.
Менялись годы за окном, и смех детей мне жизнь итожил.
Но я тебя не позабыл.

Так невозможно позабыть дыханье вражье за плечами
И одинокий сердца стук.
Семья... Боялся я разлук, боялся свет гасить ночами —
И жил.
Так тоже можно жить.

Причем обыденность легка: безденежье, успех, карьера,
Сомнения, быт, гараж, покой, родня...
Но помнишь мир другой? —
Ты помнишь ли? — другая эра! — ты помнишь? —
Полночь, мост, река!

Ведь так бывает только раз, а может, вовсе не бывает —
Но это было у меня! — ожог от лунного огня,
Луна, луна не убывает — ты помнишь? — вся —
В мерцанье глаз!

И помню я: в ночной реке ночное зеркало таится,
В нем мы, отличные от нас, и так бывает только раз.
Изображение двойтся и мы — в далеком далеке...

Я так давно тебя любил, что и не вспомню.

Мне кажется, именно в эти одинокие свои годы Слава, мягко говоря не блещущий здоровьем, зачастую держащийся лишь на неукротимом мощном духе своем, раскрылся по-настоящему как большой русский поэт. Его любимый Виктор Шкловский написал когда-то: «Поэты начинаются с тоски». Слава подтвердил это своим творчеством. Его тринадцатый (увы, последний) сборник, выпущенный московским издательством «Русский Гулливер», его лебединая песня, названная им более чем скромно — «Безымянное имя», всколыхнула русскоязычных читателей и литераторов всего мира.

Редчайшее сегодня явление гармонии и трагедии в одном словаре. «Русских азиатов», хранителей и ревнителей двух культур, остались считанные единицы, и Вы — первый среди равных. Я всегда читала эту традицию и любила стихи В. Державина, С. Маркова, «азиатские» поэмы В. Луговского и, разумеется, Павла Васильева, с которым нахожу у Вас много общего. Только Вы в силу обстоятельств гораздо зреее и умеете будить и подчинять стиховую стихию. Я уверена, Ваш читатель жив, даже если пока не знает, чего лишен. (Марина Кудимова, Москва)

С поэтом и режиссером Дальмирой Тилепбергеновой

Зрелые, мужественные, богатые стихи — и интонацией, и эрудицией, и неповторимым чувством обитания в мировой культуре, включающей — в силу особенностей биографии — не только Запад, но и Восток. Во всяком случае, лирическое «мы» (голос поколения) в них явно преобладает над лирическим «я». (Бахыт Кенжеев, Нью-Йорк)

В его поле поэтического зрения — огромные пространства и времена. Богатый словарь, широкий диапазон живой речи — от просторечья до высокого слога — создают стилистическую свободу и силу словоупотребления, подкрепленные разнообразием свежей и острой рифмы. Живая русская речь, одобренная ветрами восточной поэзии, способствует впечатляющему эффекту его творческого облика. Шаповалов — один из самых ярких и оригинальных русских поэтов нашей современности. (Даниил Чкония, Кельн, Германия)

И таких откликов великое множество. Искренних и заслуженных.

23 июля этого года как всегда с утра мы со Славой позубоскалили по телефону, он спародировал довольно едко мои новые стихи, выставленные мною на всеобщее обозрение в фейсбуке, подсказал, где что требует редактуры, прочел несколько своих новых, еще неоконченных, получил порцию моих нравоучений, заказал мне свой портрет, пообещав стойко позировать сколь потребуется, похвастался замечательным внуком Егором, которого дочь Ирина отправила к деду на все лето... В разгар нашей беседы Славе кто-то еще позвонил, и он прервал мои увещевания... А в повторного ночи у Славы остановилось сердце. Любящее, пылающее творчеством большое поэтическое сердце. То, что я до сих пор не могу принять как факт.

Ледяной ком, каждый раз встающий в горле при одной мысли об этом, не смогли растопить даже

стихи, которые одно за другим я написала после похорон, после старого Северного кладбища, с которым у меня в голове никак не увязывается Слава и на котором давным-давно обосновались наши с ним предшественники, русские поэты и писатели Кыргызстана: Сергей Фиксин, Евгений Ковский, Николай Удалов, Михаил Аксаков, Михаил Меньшиков, Вениамин Горячих...

Вот одно из этих сумбурных стихотворений, поименованное как «Прерванная беседа»:

За гранью жизни!
Как она? Остра?
Невидима, внезапна? Или проще
Сравнил ее ты с пламенем костра,
Уже познав собою всем наощупь?
А, может, кольца скользкие змеи,
Молниеносно сжав, во тьму уносят?
Но ты молчишь. Все домыслы мои
Уже пусты, как будто сад под осень.
Бессмысленны вопросы,
Если тот,
К кому вопрос, отныне не в ответе
За все, что есть,
Хоть птицей бейся в клетки,
Стремясь узнать, какой же он, полет
Сквозь грань, сквозь неизбежность,
Сквозь века,
Свернувшиеся звездным эмбрионом,
Чтоб вечность проколоть наверняка
Не по земным неведомым законам...
С моста окурков тлеющий швырнув
В Аламединку, ты сказал однажды:
И петь, и жрать любой годится клюв,
И только выбор — вот что в жизни важно.
Мы выбрали. Галерные рабы,
Наверное, свободнее от весел.
Мы расшибали души, локти, лбы,
Хмелея от удач, как грач от весен,
Паденья принимая за урок,
Предательство прощая за прозренье.
Да боже мой! За все награда — пенье.
Без разницы, какой грядет итог.
Бессмысленность земного бытия
В потугах — след оставить свой на свете,
Наезженная, словно колея,
Пустая блажь, ее лелеют дети,
Как мы тогда, над яростной рекой,
Бессмысленно спешащей, словно время.
Земную ношу сбросить, это бремя, —
По Млечности гульнуть как по Тверской?
Зажечься, словно новая звезда?
Стать вечным эхом счастья, детства, мая?..
Заря-подранок, светом истекая,
Безмолвна, как стоячая вода.